

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ

На правах рукописи

МИРЗОЕВ МИРЗО НИЗОМУДИНОВИЧ

**ВКЛАД ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СУХАРЕВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКОВ БУХАРЫ И САМАРКАНДА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторических
исследований

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Ходжаева Н. Дж.

ДУШАНБЕ – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-13
ГЛАВА 1. НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ О.А. СУХАРЕВОЙ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
1.1. Жизнь и деятельность этнографа и историка О.А. Сухаревой.....	14-45
1.2. Переводческая деятельность и научно-литературное сотрудничество О.А. Сухаревой и С. Айни.....	46-54
ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА БУХАРЫ, САМАРКАНДА И ДРУГИХ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТРУДАХ О.А. СУХАРЕВОЙ	
2.1. Историко-этнографическое изучение г. Бухары и развитие городской жизни в трудах О.А. Сухаревой.....	55-71
2.2. Исследование этнического состава городского населения в трудах О.А. Сухаревой.....	72-85
2.3. Отражение социально-экономической жизни города в трудах О.А. Сухаревой.....	86-103
ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА И СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДОВ ТАДЖИКОВ В ТРУДАХ О.А. СУХАРЕВОЙ	
3.1. Религиозные верования и духовная культура таджикского народа в исследованиях О.А. Сухаревой.....	104-121
3.2. Вклад О.А. Сухаревой в этнографическое исследование национального костюма и семейных обрядов таджиков Самарканда.....	122-142
Заключение.....	143-152
Список использованной литературы.....	153-171
Приложения.....	173-182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из важнейших вопросов исторической науки является роль личности в развитии человеческого общества и поэтому в течение всего периода существования этой науки, исследование научной биографии и деятельности отдельных личностей составляет важную часть исторических исследований. Ученые историки анализируют развитие той или иной отрасли и связывают эти процессы с деятельностью отдельного человека, который сыграл ключевую роль в этих процессах, и внесли определенный вклад в развитие той или иной отрасли и положили основу дальнейших перспектив прогресса государства и науки. Именно поэтому в последние годы, диссертационные работы научно-биографического характера, в которых рассматривается жизненный путь видных деятелей науки стали частью общенаучных исследований. Среди русских и советских ученых, стоявших у истоков становления и развития исторической науки не только в Таджикистане, но и во всей Средней Азии, несомненно, выделяется фигура выдающегося этнографа, продолжателя знаменитой русской этнографической школы, крупнейшего историка Востока, известного лингвиста и переводчика О.А. Сухаревой. Чрезвычайно широкий диапазон научных интересов ученого охватывает все периоды средневекового и нового времени истории и этнографии народов Средней Азии. В данном случае, объектом диссертационной работы становится исследование научного наследия в области историко-этнографического изучения городов Средней Азии как отдельного раздела исторической науки и жизненного пути учёного этнографа и историка О.А. Сухаревой в рамках ее научной деятельности, охватывающей период 20-70-х годов XX века.

Историко-этнографическое изучение городов Средней Азии стало ярким событием и новизной для среднеазиатской науки, в этом плане стал интересным факт заимствования данного направления исследования у ученых-историков и этнографов Европы и России. В этнографии городов

были выделены такие факторы как особенности быта, одежды, занятия, образ жизни и обычаи городских жителей. Было обращено внимание на факт присоединения региона к России, вследствие которого изменился стиль архитектуры города, образ жизни его населения, его занятия и одежда и несмотря на то, что после присоединения к России Средняя Азия превратилась в сырьевой придаток, но, тем не менее, для развития местной промышленности и ухода от кустарного производства были созданы благоприятные условия.

Следует отметить, что в своих исследованиях, касающихся средневековой градостроительной истории региона, О.А. Сухарева, так или иначе, указывает на особую роль таджиков в развитии региональной цивилизации. Вот почему, в новых исторических условиях возрастает интерес исследователей к изучению трудов О.А. Сухаревой, исследованию её вклада в изучение истории, этнографии и культуры таджикского народа, в становление и развитие исторической науки в республике, что также обуславливает актуальность разработки избранной проблемы.

Подавляющее большинство работ О.А. Сухаревой и в наше время столь же актуальны науке, как и в годы их выхода в свет. Её сочинения стали незаменимыми пособиями для исследователей, настольными книгами, к которым должен обращаться всякий, кто изучает историю, этнографию, градостроительство и культуру народов Средней Азии. Актуальность диссертации также отражается в том, что данная работа позволяет в рамках целостной научной работы показать роль О.А. Сухаревой в сохранении традиций и обычаев, таджиков Самарканда и Бухары, которые сохранились именно благодаря трудам О.А. Сухаревой, и которые с уходом более старшего поколения исчезают из культурного пласта этнической общности.

Степень изученности темы. Исследования диссертации по научной деятельности О.А. Сухаревой показало, что научно-биографическая жизнь ученого является малоизученной и до настоящего времени не выступала в качестве объекта научного исследования. Она рассматривалась фрагментарно

в контексте изучения этнографических исследований Средней Азии. Существующие научные публикации затрагивают лишь отдельные аспекты данной тематики. В связи с этим возникла необходимость проведения данного исследования. К числу работ отражающих тематику жизни и научной деятельности О.А. Сухаревой, следует отнести статью О.Б. Наумовой, опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» к 100-летию О.А. Сухаревой.¹

Также были исследованы переводческие труды О.А. Сухаревой как часть ее научной деятельности. Именно благодаря ее переводческой деятельности, мировое литературное сообщество познакомилось с творчеством выдающегося таджикского писателя и поэта Садриддина Айни.² Переводческая деятельность О.А. Сухаревой отражена в работах таджикских ученых литературоведов Н.А.Каландарова,³ Т.Н.Нагзибековой⁴, Д.Х Бабаева⁵ и др.

В числе современных исследователей Таджикистана, чьи труды отражают вопросы научной деятельности О.А. Сухаревой, следует назвать А. Валиева, который в своих работах в рамках исторической этнологии таджиков, этнографии таджикского народа, вопросов традиционной культуры таджиков Бухары и Северного Таджикистана указывает на вклад

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.112.

² Айни, С. Смерть ростовщика [Текст] / С. Айни; перевод О. Сухаревой. – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.; Он же. Бухарские палачи; Смерть ростовщика. Ятим [Текст] / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 348 с.

³ Каландаров, Н.А. Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович. – Душанбе, 2004. – С.7.; Он же. Две редакции №30 [Текст] / Н.А. Каландаров // Молодёжь и мир мысли (Материалы IV научной конференции молодых ученых Таджикистана). – Худжанд, 2001. – С.212-217 (на тадж. яз.); Он же. Эволюция образа Кари-Ишкамбы в рукописи №30 [Текст] / Н.А. Каландаров // Вестник национального университета. – Душанбе, 2002. – №1. – С.119-126 (на тадж. яз.); Он же. История рукописных текстов повести «Смерть ростовщика» [Текст] / Н.А. Каландаров. – Душанбе, 2003. – 68 с. (на тадж. яз.).

⁴ Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – 25 с.

⁵ Бабаева, Д.Х. Садриддин Айни и французская литература (к проблеме литературных связей Востока и Запада на современном этапе) [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.05 / Бабаева Дильбар Хабибджановна. – Душанбе, 1996. – С.15.

русских исследователей в изучение этнографии таджиков.¹ Также необходимо указать на статьи Г.Тураевой, Н.Джумаевой и Ф.Утаевой (Бухарский государственный университет) которые исследовали фрагменты биографии О.А. Сухаревой, ее научную деятельность, анализ религии, традиций населения Бухары и Самарканда и другие аспекты ее научного творчества.²

Отдельные факты научной деятельности О.А. Сухаревой в рамках исследования традиционной одежды таджиков, начало которому положила О.А.Сухарева, отражены в ряде диссертаций, которые посвящены истории

---

¹ Валиев, А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (второй половина XIX - начало XX вв.) [Текст] / А. Валиев; Отв. ред. Х.П. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.; Он же. Этнографическое изучение таджиков в первой половине XIX века [Текст] / А. Валиев; Отв. ред. Х.П. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 80 с.; Он же. Традиционная культура таджиков Северного Таджикистана в трудах русских ученых 60-х–80-х гг. XIX в. [Текст] / А. Валиев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – №2 (32). – С.178-185.; Он же. Вклад русских исследователей в изучении таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства в начале XX в. [Текст] / А. Валиев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садрриддина Айни. – Душанбе, 2011. – №6 (42). – С.179-186.; Он же. Некоторые вопросы ремесленного производства таджиков Ферганской и Зеравшанской долин в трудах русских дореволюционных исследователей [Текст] / А. Валиев // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2012. – №3/4 (90). – С.5-10.; Он же. Вопросы материальной культуры таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства в трудах русских дореволюционных исследователей [Текст] / А. Валиев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садрриддина Айни. – Душанбе, 2014. – №1 (56-2). – С.65-70.; Он же. Материальная культура таджиков Зеравшанской и Ферганской долин в трудах русских исследователей конца XIX-XX вв. [Текст] / А. Валиев // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2017. – №3/2. – С.6-11.; Он же. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX - начало XX вв.) [Текст]: Дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Валиев Абдусалом. – Душанбе, 2016. – 342 с.

² To'rayeva, G.B. Life and scientific activity of O.A. Sukhareva as historian – ethnographer [Text] / G.B. To'rayeva // International Journal of Intellectual Cultural Heritage. – 2022. – Vol.2. – №3. – P.90.; Тураева, Г. Анализ религии и традиций Узбекистана со стороны О.А. Сухаревой [Электронный ресурс] / Г. Тураева. – Режим доступа: https://journal.buxdu.uz/index.php/journals_buxdu/article/view/7305.; Тураева, Г. Сухарева О.А. – ученый историк-этнограф [Текст] / Г. Тураева // Вестник Института сокровищница наука. – 2019. – С.443-447 (на узб. яз.); Тураева, Г., Утаева, Ф., Джумаева, Н. Исследования Бухары со стороны О.А. Сухаревой в историко-этнографическом аспекте [Электронный ресурс] / Г. Тураева, Ф. Утаева, Н. Джумаева. – Режим доступа: https://journal.buxdu.uz/index.php/journals_buxdu/article/view/1251/753 (на узб. яз.); Тураева, Г. Этнография народов Средней Азии конца XIX - начала XX веков на примере отечественного востоковедения [Электронный ресурс] / Г. Тураева. – Режим доступа: https://journal.buxdu.uz/index.php/journals_buxdu/article/view/1247/749.; Тураева, Г., Утаева, Ф., Жумаева, Н. О.А.Сухарева таджикотларида Бухоро тарихи ва этнография синингур ганилиши [Матн] / Г. Тураева, Ф. Утаева, Н. Жумаева // Scientific progress. – 2021; Jumayeva, N.A. The history of agriculture in Bukhara in late XIX - early XX centuries [Text] / N.A. Jumayeva // Received 19thMay 2022, Accepted 25th May 2022, Online 31thMay 2022 International Journal of Intellectual and Cultural Heritage Volume: 2 Issue: 03 | 2022 ISSN: P – 2181-2306, E – 2181-2314 <http://ihm.iscience.uz/index.php/ijich> Режим доступа: 11 июля 2023 года.

культуры народов Средней Азии.¹ Следует подчеркнуть, что именно благодаря созданной О.А. Сухаревой школе, стиля и методологии исследования, стало возможным дальнейшее развитие советской этнографической науки ее последователями. В частности Н.П. Лобачева, продолжила исследования над изданием второго сборника статей по изучению одежды народов Средней Азии.

Сведения о методологии исследования О.А. Сухаревой также приведены в трудах о системе городского управления. Так, О.А. Соловьева, исследуя историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате периода XIX - начала XX веков, отмечает, что этнографическая литература по Средней Азии за исключением исследований О.А. Сухаревой содержит в целом отрывочные сведения о местном управлении в регионе. По мнению ученой, О.А. Сухарева в своих статьях и монографиях, посвященных в основном городу Бухаре, анализировала внутригородской быт квартальной общины и представила полную характеристику всех бухарских кварталов.²

Таким образом, анализ опубликованных работ привел диссертанта к выводу, что разработка проблемы в целом ещё далека от своего завершения. На сегодня мы не имеем, по существу, специального исследования, в котором глубоко и полно изучалась и анализировалась научная деятельность О.А. Сухаревой, а также ее труды, посвященные истории, этнографии,

---

¹ Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – С.116.; Кобилова, М.П. Традиции и нетрадиционные элементы в исторической одежде таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Кобилова Мастона Пирумшоевна. – Душанбе, 2022. – 171 с.; Бободжанова, Н.И. История развития портновского дела таджиков в XV - первой половине XX вв. [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Бободжанова Назира Иномджановна. – Душанбе, 2015. – 230 с., Каландарова, О.И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.06 / Каландарова Олия Искандаровна. – Душанбе, 2020. – С.112 и др.

² Соловьева, О.А. Историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате XIX - начала XX веков [Текст]: Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Соловьева Оксана Анатольевна. – СПб., 2000. – 237 с.; Хакимов, А. Искусство Узбекистана: история и современность. – Ташкент, 2010. – С.97 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.http/lib.jizpi.uz](http://lib.jizpi.uz) (Дата обращения: 20.07.2023.); Смирнова, О.И. Очерки из истории Согда [Текст] / О.И. Смирнова. – М.: Наука, 1976. – С.88.; Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – С.15.

градостроительству и культуре народов Средней Азии в эпоху средневековья до начала XX вв.

Предметом исследования является комплексный анализ научной биографии, библиографии и научного наследия О.А. Сухаревой.

Объектом исследования является анализ, выявление и обобщение основных аспектов научной деятельности О.А. Сухаревой, на основе исследования ее научных трудов с акцентом на их направленность на изучение истории и этнографии таджикского народа.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является изучение научной биографии О.А. Сухаревой и ее научного наследия в рамках историографического исследования. Для выполнения поставленной цели перед диссертацией ставятся следующие задачи:

- исследование основных этапов жизни и научной деятельности О.А. Сухаревой и формирование ее профессиональных качеств как историка, этнографа и религиоведа;
- выявление и анализ содержания ее работ с определением основных направлений ее научного творчества направленного на объединение истории, жизни и быта таджикского населения Бухары и Самарканда в рамках единой исследовательской стратегии;
- определение общей методологии исследований О.А. Сухаревой и выявление частных методических наставлений с обозначением их значения для историографии исторической и этнографической науки;
- отдельное исследование истории развития городов Средней Азии и этнографии городской жизни в трудах О.А. Сухаревой с применением сравнительного анализа городского и сельского быта на основе научных работ О.А. Сухаревой и других исследователей городов Средней Азии;
- исследование вклада О.А. Сухаревой в изучение религиозных и духовных верований таджикского народа на основе ее работ по изучению ислама и доисламских верований;

- определение общенаучного значения деятельности О.А. Сухаревой, направленное на исследование быта, истории и культуры таджикского народа с особым указанием важности этих исследований для определения идентичности населения городов Самарканда и Бухары как таджикоязычных городов Средней Азии.

Научная новизна работы. Исходя из поставленного в диссертации вопроса о деятельности О.А. Сухаревой в системе этнографических наук, в контексте ее трудов в сфере исторической науки и в изучении религиозных порядков в обществе народов Средней Азии научную новизну работы составляют следующие компоненты исследования:

- в диссертации впервые в рамках целостной работы проведен научный анализ биографии и научной деятельности О.А. Сухаревой и ее вклад в развитие исторической и этнографической науки в Средней Азии;

- научный анализ научного наследия О.А. Сухаревой с точки зрения изучения истории и этнокультуры таджиков Самаркандской области, Бухары и других районов Узбекистана;

- отмечены заслуги О.А. Сухаревой в научной и публицистической деятельности, показана многогранность ее деятельности и универсализм характера ее работ, что объединяет в рамках ее трудов категории и направления исследования различных вспомогательных наук.

Источниковедческая база исследования. При написании данного диссертационного исследования, прежде всего, было использовано научное наследие О.А. Сухаревой, состоящее из восьми монографий, более ста статей, опубликованных в научных сборниках, научных журналах, в книгах других авторов публикаций, а также альбомов.

Важную источниковедческую роль имели также письма из переписки О.А. Сухаревой с Т.А. Жданко, А.К. Писарчик, Б.Х. Кармышевой и другими учеными периода 1955 – 1956, 1958 и 1966 годов, которые были указаны в статье О.Б. Наумовой, среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в

письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой.¹ Источниковедческое значение имела и ее переписка с аспиранткой Института истории Академии наук Республики Узбекистан, Т.Х. Ташбаевой и с ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН Л.А. Чвырь, которые стали достоянием науки благодаря их публикации в научных журналах.² В этих письмах изложены ранее неопубликованные факты из жизни и научной деятельности ученых, работавших с О.А. Сухаревой, и выявлены факты их совместной работы по исследованию в области этнографической и исторической науки. В письмах указаны замечания, которые могут дать правильную оценку той или иной работы О.А. Сухаревой.

Положения, выносимые на защиту. По результатам исследования на защиту выносятся следующие положения:

- О.А. Сухарева является одним из видных ученых историков и этнографов Средней Азии, которая внесла большой вклад в изучение этнографии таджикского народа. Разделяя свои исследования на быт, религию и развитие городов, О.А.Сухарева в рамках этнографии соединила эти направления и ставила в центре этих исследований быт таджиков городов Самарканда и Бухары;
- последовательный анализ ее работ показывает углубленность исследования быта таджиков с его многосторонним изучением в взаимосвязанности с культурой историей и традициями таджикского народанарода;
- владея таджикским языком, О.А.Сухарева внесла свой вклад в переводческую деятельность, в результате которой были переведены научные термины, составлены словари основных слов из жизни и быта народа, а также переведены произведения таджикских литераторов, что показывает разносторонность ее деятельности;

---

¹ Наумова, О.Б. Среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой [Текст] / О.Б. Наумова // Три века российской этнографии: страницы истории. – М., 2017. – Вып.1. – С.248.

² Там же. – С.249.

- важным направлением данного исследования является отдельное изучение методологии работ О.А. Сухаревой, поскольку ее методы исследования имеют практическое значение для современных исследователей в области этнографии, религиоведения и истории таджикского народа;

- в ходе научного исследования выявлено, что религиозные исследования О.А. Сухаревой были частью ее этнографического исследования, но вместе с этим, она приступает к более глубокому исследованию ислама и строит свою схему восприятия религии в рамках существующей марксистской идеологии. Вместе с этим, выявлена взаимосвязь между исламом и обрядами и культами как «альтернативное» верование, в форме культов профессий, святых и других элементов веры.

Методологической основой исследования является принцип историзма, позволяющий рассматривать факты и события в соответствии с конкретной исторической обстановкой в их диалектической взаимной связи и обусловленности.

В процессе исследования автор опирался на сравнительно-исторические и историко-теоретические методы, методы сравнительного анализа, опроса, аналога, сравнения, единства теории и практики при помощи этих методов, был структурирован собранный материал с сопоставлением тождественных и дифференциальных материалов. Также был применён метод семиотического подхода к интерпретации рассматриваемой теме относительно деятельности О.А. Сухаревой.

Теоретическая основа диссертации. Наиболее важным фактором в исследовании научного наследия О.А. Сухаревой является то, что оно имеет характер двойной дихотомии:

-во-первых, исследование охватывает этнографические и исторические элементы двух народов – таджиков и узбеков, которые веками создавали общую культуру на территории Зеравшанской и Ферганской долин. Сегодня,

как и полвека тому назад, очень трудно провести границы этнографического отличия этих народов, что дает нам право определить их в качестве носителей общего культурного пространства;

-во-вторых, исследования О.А. Сухаревой в равной степени отражают категории двух отраслей науки – истории и этнографии. Каждое отдельно взятое исследование ученого состоит из основного научного вопроса, но вместе с этим не ограничиваясь в рамках одной науки, имеет характер совмещения в рамках одного исследования различных направлений исторической науки.

Также теоретическое значение диссертационной работы состоит в выявлении методологии исследования О.А. Сухаревой. Основу ее методологии составляет комплекс методов датирования, этнографического сопоставления элементов одежды, поиск взаимосвязанности между исторической наукой и этнографией и другие формы анализа собранного материала.

Хронологические рамки исследования охватывают период жизни и научной деятельности О.А. Сухаревой, а также охватывает периодизацию собранного ею фактического материала, который соответствует периоду XIX до второй половины XX веков.

Практическое значение исследования данной работы заключается в том, что она позволяет научному сообществу и публичному читателю ознакомиться с жизнью и научной деятельностью О.А. Сухаревой, одной из значительных личностей в мировой этнографии, посвятившей свои исследования истории и этнографии таджикского народа.

Практическая значимость диссертационной работы заключается также в возможности использования ее основных положений для написания некоторых глав истории таджикского народа, а также вузовских лекционных курсов по этнографии, истории и культуре таджикского народа.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационной работы изложены в научных публикациях, в том числе в статьях в

рецензируемых журналах ВАК Министерства науки и образования Российской Федерации. Результаты исследования были также представлены на Международной конференции «Вклад советских этнографов в развитие антропологии и этнографии в Таджикистане» (Душанбе, 22 ноября 2022 г.). Диссертация была обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории и международных отношений Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ О.А. СУХАРЕВОЙ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Жизнь и деятельность этнографа и историка О.А. Сухаревой

На становление и формирование выдающегося учёного, историка и этнографа Средней Азии в первую очередь повлияла обстановка в которой прошли её детские годы и юность. Во второй половине XIX века Средняя Азия вошла в состав Царской России, где на её территории было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Средняя Азия интересовала Царскую Россию не только сырьевой придаток и как противостояние английской угрозы с Востока. В аграрной политике царизма в Туркестане значительное место занимал переселенческий вопрос. Малоземельные крестьяне, разорившиеся дворяне, несогласные с режимом царизма специалисты в поисках лучшей доли покидали свою родину и направлялись на Восток на новые территории. Многие военные принимавшие участие в завоевании Средней Азии также оседали в крупных городах Туркестана.

О.А. Сухарева родилась 15 февраля 1903 года в г. Самарканде в семье русских переселенцев, которые переехали в Среднюю Азию из города Уфы. Как отмечает исследователь О.Б. Наумова, первым из рода Сухаревых в Туркестан прибыл Александр Петрович Сухарев - ее дедушка по линии отца, который пришел в Самарканд с русскими войсками в конце 1860-х годов. Он был писарем в войсках, но впоследствии, оставшись в Самарканде, поступил на службу в областное правление.¹ Отец О.А. Сухаревой Александр Александрович Сухарев (1875-1918) получил образование в кадетском корпусе г. Оренбурга и работал на строительстве гражданских зданий в городах Ходженте (ныне Худжанд), Скобелеве (ныне Фергана), Самарканде и дослужил до должности архитектора города. Мать О.А. Сухаревой, Елизавета Ивановна Андреевская (1874-1948), была родом из польской

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.94-95.

семьи, которая будучи музыкальным педагогом, работала в детском доме, где преподавала уроки музыки.¹

В 1918 году неожиданно скончался ее отец, и в возрасте 15 лет О.А. Сухарева была вынуждена устроиться на работу в хозяйство по сушке фруктов недалеко от Самарканда. Во время работы с местными жителями, Ольга Александровна выучила таджикский язык. По её воспоминаниям, работая с местными жителями, она ежедневно учила до десяти слов. Так, начиная с 15 лет, она начала исследовать и разговаривать на таджикском языке.²

В 1921 году О.А. Сухарева поступает в Туркестанский восточный институт в Ташкенте.³ В это время Институтом руководил профессор, член корреспондент АН СССР А.Э. Шмидт – один из крупнейших арабистов и исламоведов того времени. В Институте читали лекции такие известные ученые-востоковеды как арабист и исламовед А.А. Семенов (1873-1958), этнографы М.С. Андреев (1873-1948) и А.А. Диваев (1856-1932), географ, историк и этнограф Н.Г. Маллицкий. В Институт приезжали с лекциями известные учёные В.В. Бартольд, С.Е. Малов, Е.Д. Поливанов, И.И. Зарубин и др.⁴

Под влиянием педагогов, известных ученых, знатоков истории, этнографии и культуры таджикского народа А.А. Семенова и М.С. Андреева, Ольга Александровна выбирает стезю этнографической науки. Объектом её

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.95.

² Там же. – С.96.

³ Туркестанский восточный институт – первое высшее востоковедческое учебное заведение в Средней Азии, начал работу в 1918 году. Одним из его организаторов и первым руководителем был известный этнограф, член-корреспондент АН СССР М.С. Андреев. Под его руководством был составлен проект «Положения о Восточном институте» (утвержден в 1921 г.), по которому в задачи этого учебного заведения входило научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых востоковедов; создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении наиболее с ним связанных.

⁴ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.97.

исследования становится быт таджиков Средней Азии¹. Выбор этого направления был не случайным, поскольку ее детство прошло среди таджиков Самарканда, и она ко времени поступления в Туркестанский Восточный институт свободно разговаривала на таджикском языке. Отец Ольги Александровны также хорошо разговаривал по-таджикски, и поэтому она имела хорошую практику для освоения таджикского языка. Она использовала каждую возможность, для того чтобы совершенствовать свои знания по языку и культуре таджикского народа, не ограничиваясь только ареалом самаркандских таджиков. В 1924 году, когда О.А. Сухарева училась на последнем курсе, Туркестанский Восточный институт был включён в качестве отдельного факультета востоковедения в состав Среднеазиатского государственного университета (САГУ, ныне Ташкентский государственный университет) – первого высшего учебного заведения в Средней Азии. В этом же году она была направлена на практику в Ура-Тюбинский район (ныне Истаравшанский район Согдийской области Республики Таджикистан). Здесь она открыла для себя новое направление языкознания и исследования быта, за основу которого она взяла культуру таджиков этого региона².

Исследование биографии и научной деятельности Ольги Александровны показало, что уже во время учебы в САГУ она решила посвятить себя изучению этнографии и языка таджиков. На одном из заседаний научного кружка, организованного в стенах университета, она выступила с докладом о результатах ее полевой практики в Таджикистане. Доклад был посвящен браку и свадебным обрядам таджиков Шахристана, который затем стал основой ее первой научной статьи.³ О ее привязанности к таджикской

---

¹ Жданко, Т.А., Кармышева, Б.Х. Ольга Александровна Сухарева. Некролог [Текст] / Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.159.

² Кармышева, Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930-1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института [Текст] / Б.Х. Кармышева // Этнографическое обозрение. – 2001. – №4. – С.104.

³ Сухарева, О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. – Ташкент, 1928. – Вып.1. – С.73-89.

тематике свидетельствует дипломная работа О.А. Сухаревой «Свадьба самаркандских таджиков».¹

В 1925 г. происходит важное событие в истории науки среднеазиатских республик. В этом году из стен САГУ выходит первый выпуск молодых специалистов. В числе первых его выпускников были будущие известные ученые-этнографы О.А. Сухарева, Е.М. Пещерева, А.Л. Троицкая, В.Г. Мошкова, К.К. Юдахин, А.К. Боровков, Р.Л. Неменова, Н.Н. Ершов, А.К. Писарчик и другие специалисты.²

Е.М. Пещерева, В.Г.Мошкова, А.К. Писарчик – однокурсники О.А. Сухаревой также проводили этнографические изыскания в Таджикистане. Это был период, когда приостановились процессы исследования Средней Азии зарубежными историками и этнографами, доступ к которым был под запретом советским правительством. Вместе с этим советская историография о Средней Азии если не находилась в застое, то испытывала серьезные затруднения, вызванные, в особенности, отсутствием доступа к дореволюционным первоисточникам, в связи с их восприятием в качестве религиозных текстов со стороны части чиновников.³ Поэтому стране были нужны специалисты по составлению новой истории и этнографии Средней Азии, и частью этой политики стало открытие Туркестанского восточного института и САГУ в г Ташкенте. Именно благодаря выпускникам первого в регионе высшего учебного заведения европейского образца началось становление этнографического изучения Средней Азии.

В период 20-30-х годов О.А. Сухарева проводила исследования вопросов брака, обрядов связанных с браком и традиций свадебной одежды таджиков Самаркандского оазиса и Ура-Тюбинского района в Таджикистане.

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.97-98.

² Кармышева, Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930-1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института [Текст] / Б.Х. Кармышева // Этнографическое обозрение. – 2001. – №4. – С.106-107.

³ Джурабаев, Дж.Х. Бухарский эмират во второй половине XVIII - первой половине XIX века [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Джурабаев Джамшед Хабибуллаевич. – Душанбе, 2014. – С.5.

Также в эти годы она собирала материалы для своих будущих работ по изучению национального костюма и истории городов Средней Азии. В этот период О.А. Сухарева намечает для себя стратегию исследования, выбирая этнографию в качестве основы своей научной деятельности.

В молодой республике катастрофически не хватало квалифицированных кадров в области образования. Поэтому, благодаря своим знаниям таджикского языка, еще в период учебы на последнем курсе САГУ, О.А. Сухарева одновременно приступила к преподавательской работе в Таджикском институте просвещения (Таджикинпросе) в г. Ташкенте. В 1925 году она была назначена заведующей учебной частью Таджикского женского педагогического техникума, где проработала до 1927 года.

Важным событием в становлении молодых этнографов стал периодический журнал «Этнография», первый номер которого вышел в 1926 году. С 1931 года, данное издание было переименовано в журнал «Советская этнография».¹ На страницах этого издания печатались статьи выдающихся ученых-этнографов, обсуждение которых стало школой для развития этнографических знаний среди нового поколения ученых.

Трудовую и научную деятельность О.А. Сухаревой, по характеру ее работы можно разделить на три этапа.

Первый этап охватывает период работы в Самарканде в период с 1925 по до 1946 годы. После успешной защиты дипломной работы, О.А. Сухарева продолжила работу в Таджикском институте просвещения в городе Ташкенте и была также принята на работу в САГУ в качестве преподавателя таджикского языка, природоведения и географии. Учитывая острую нехватку учебников на таджикском и узбекском языке, О.А. Сухарева начала работу по переводу и изданию учебника по ботанике на таджикском языке², работа над которым была завершена в 1927 году. Также она принимала активное

---

¹ Пещериц, А.И., Чебоксаров, Н.Н. Полвека советской этнографии [Текст] / А.И. Пещериц, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – №5. – С.25.

² Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.98.

участие в работе группы по созданию нового латинизированного алфавита таджикского языка, работу которого в 1924-1930 годы возглавил М.С. Андреев. Основные мысли О.А. Сухаревой о переходе на латинский алфавит были изложены в ее статье «Имлои нав» («Новое правописание») на таджикском языке¹, в которой она представила вопрос перехода на новый алфавит.

В 1930 году О.А. Сухареву приглашают на работу в «Таджикинпрос», для преподавания таджикского языка на факультете Узбекского государственного университета. Этот период стал продолжением ее переводческой и филологической деятельности, в ходе которого она приступила к переводу учебников и художественной литературы с русского языка на таджикский.²

Глубокие знания таджикского языка позволили О.А. Сухаревой подготовить «Руководство к изучению таджикского языка»³, опубликованное в 1929-1930 гг. В это же время в Самарканде работал над своими произведениями писатель С. Айни. В 1936-1937 годы С. Айни заканчивает работу над повестью «Смерть ростовщика», написанного на двух языках – таджикском и узбекском языках. Важно отметить, что для издания этого произведения на русском языке, требовалось равное знание и таджикского, и русского языков на самом высшем уровне. Текст произведения С.Айни требовал не только знания таджикского языка, но и народного фольклора, фразеологизмы, переносные смысловые слова, искусства описания и других элементов языка оригинала. Заметим, что знание таджикского языка и культуры таджикского народа были свойственны О.А. Сухаревой, которая выросла в Самарканде и имела возможность с раннего детства общаться с таджиками. Поступив в Восточный институт, она уже владела таджикским

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.99.

² Там же. – С.110.

³ Сухарева, О.А. Руководство для изучения таджикского языка [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Таджгиз, 1929. – Ч.1. – 140 с.; Сухарева, О.А. Руководство для изучения таджикского языка [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Таджгиз, 1930. – Ч.2. – 176 с.

языком. В студенческие годы она изучала фольклор, традиции, и обряды таджиков, что еще больше усовершенствовало ее знания и повысило уровень ее литературной речи. Именно эти способности О.А. Сухаревой помогли ей справиться с задачей перевода повести С. Айни «Смерть ростовщика».

Отмечая успехи в языкознании и способности А. Сухаревой С. Айни доверил ей перевод своего произведения. Впервые вопрос о переводе этой книги встал сразу после того как автор завершил работу над таджикским текстом рукописи. Важность русского перевода был необходим по нескольким причинам: во-первых, автору было необходимо знать мнение российского писательского сообщества и критиков о данном произведении. Во-вторых, для С. Айни было также интересным мнение русскоязычного читательского круга о сюжете повести. Исходя из этого, по просьбе писателя, О.А. Сухарева приступила к переводу этого произведения. К сожалению, в архивах и источниках не указано точная дата начала перевода этого произведения, но известно, что в довоенное время русский текст был представлен на обсуждение в Союз писателей Таджикистана.

Отмечая сложность при переводе текстов произведений С. Айни, Т. Нагзибекова говорит о том, что «в русских переводах художественных приведений С. Айни выявлены 12 приёмов передачи таджикских реалий. Однако самым продуктивным приёмом в таджикско-русской переводческой схеме оказался комбинированным приём – транскрипция описание. В художественных произведениях переводчики произведений С. Айни на русский язык чаще всего использовали приём транскрипции (74%), т.е. оставили реалии в том виде, в каком они употреблены в оригинале, в ряде случаев внося лишь некоторые фонетические изменения».¹ Переводчики произведения С. Айни «Ятим» Т. Гольц в 95 процента, «Одина» Г. Хацревич в 89,5 процента, «Смерть ростовщика» О.А. Сухарева² в 84 процента, «Рабы»

---

¹ Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – С.12.

² Айни, С. Смерть ростовщика [Текст] / С. Айни; перевод О. Сухаревой. – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.

С. Бородин в 78 процента, «Воспоминания» А. Розенфельд в 62 процента реалий таджикского языка использованы в русских переводах.¹

В эти годы Ольга Александровна продолжает работать заведующим учебной частью Таджикского женского педагогического техникума и одновременно преподает таджикский язык на рабфаке в САГУ и в Таджикском институте просвещения в г. Ташкенте. С 1933 года она читает лекции на факультете языка и литературы Узбекского государственного университета в Самарканде.

В 1930-е годы, О.А. Сухарева работала в Самаркандском областном музее (ныне Государственный музей истории и культуры народов Узбекистана), где работала тогда и А.К. Писарчик. О трудностях, с которыми сталкивались молодые этнографы, пишет Б.Х. Кармышева: «Это было трудное время классовой борьбы частью, которой стала коллективизация. Разорение традиционных крестьянских хозяйств, насильственное переселение и репрессии отталкивали население от русских ученых, которых рассматривали как часть государственного аппарата. Поэтому, проводить этнографические исследования в такое время было трудно. Но знание языка и быта изучаемых народов, соблюдение тонкостей восточного этикета, что было характерно для окончивших восточный факультет Среднеазиатского университета – все это позволило молодым ученым завоевать симпатию и уважение местного населения и обеспечило полноценность их исследований.²

В период с 1934 по 1946 годы, несмотря на занятость в Музее, О.А. Сухарева продолжает преподавательскую деятельность, читая лекции по общей и среднеазиатской этнографии. За годы работы в музее, ученый проводила большую работу по сбору полевого материала и пополнила фонды музея многими ценными коллекциями одежды и вышивки. Привлекая к

---

¹ Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – С.14.

² Кармышева, Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930-1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института [Текст] / Б.Х. Кармышева // Этнографическое обозрение. – 2001. – №4. – С.110.

работе по исследованию техники вышивания древних мастеров местных женщин-вышивальщиц, О.А. Сухаревой удалось собрать богатейший орнамент вышивки, создать лингвистико-сегментический сборник собранных изделий, а также обратить внимание на верования и обряды, связанные с этим видом народного декоративного искусства. Повседневная этнографическая работа в среде узбеко-таджикского населения Самарканда и его окрестностей, а также городов Бухары, Ура-Тюбе и других городов и селений Узбекистана и Таджикистана позволило О.А. Сухаревой собрать обширный разнообразный материал.¹

В Самаркандском музее собрался коллектив молодых специалистов из числа выпускников САГУ и МГУ. О.А. Сухаревой и ее коллегам, выпускникам МГУ Т.А. Жданко, Г.П. Снесареву, Ю.А. Шибяевой была поручена организация экспозиции исторических отделов и отдела по современному быту населения Узбекистана. Исходя из поставленной задачи, работники музея ездили в экспедиции, собирали материалы, расширяя количество экспонатов и отделов музея. В Самаркандском музее также работал брат О.А. Сухаревой, археолог Иван Александрович Сухарев, бывший сначала заместителем директора по научной части, а с 1935 года, – заведующим отделом древней и средневековой истории Узбекистана и археологическим кабинетом.²

В Музее О.А. Сухарева сначала занимала должность старшего научного сотрудника, а затем заведующего отделом «Труд и быт женщины Узбекистана». Именно в период работы в самаркандском музее, она начала изучение истории национального костюма, обрабатывая полевые этнографические материалы. К концу 1940-х годов в Музее уже насчитывалось более 5,5 тысячи этнографических экспонатов, объединенных

---

¹ Жданко, Т.А., Кармышева, Б.Х. Ольга Александровна Сухарева. Некролог [Текст] / Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.159.

² Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.99.

в 116 коллекций.¹ Задача О.А. Сухаревой заключалась в научной обработке коллекций вышивок, проведении их паспортизации, раскрытии их роли в быту, и подготовке к экспозиции. При помощи собственного метода датировки, основанного на дате свадьбы, О.А. Сухарева по опросам женщин составила дату собранного материала – сузани разного назначения, намазлыки, вышивки, платье и других материалов. Ей был составлен реестр по производству того или иного вида изделия, определено место его производства и имя мастера. Она просила мастериц рисовать известные им орнаменты вышивок и составляла альбомы с образцами орнаментов, выполненных местными женщинами-рисовальщицами. К концу 30-х годов, в музее хранились альбомы с 232 орнаментами местного рукоделия.²

Однако на трудовую деятельность О.А. Сухаревой, как и на работу всего научного сообщества Советского Союза того времени отрицательно повлияло изменение в политике государства. Во второй половине 30-х годов XX века в стране начались массовые репрессии, которые затронули и представителей научной интеллигенции. Так, в эти годы по обвинению в измене родине были репрессированы такие ученые востоковеды как лингвист Е.М. Поливанов (1891-1938) и востоковед-тюрколог А.Н. Самойлович (1890-1938). Репрессиям подверглись также Сотрудники этнографического отдела Русского музея – антрополог и этнограф Ф.А. Фиельструп (1889-1933), этнограф и палеоантрополог Г. А. Бонч-Осмоловский (1890-1943). Несмотря на сложившуюся ситуацию в стране, О.А. Сухарева оставалась преданной своему любимому делу и продолжала научную, музейную и педагогическую деятельность.

В 1939-1940 годы историко-лингвистический сектор Базы АН СССР в Таджикистане совместно с Институтом этнографии АН СССР приступил к составлению монографии «Таджики». Для составления этой монографии в числе приглашенных ученых была и О.А. Сухарева, которая составила раздел

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.100.

² Там же. – С.100.

«Ислам». Также в сборе этой монографии участвовали М.Е. Пещерева («Одежда таджиков» и «Пища», «Напитки и наркотики таджиков»), Н.А. Кисляков («Семейные отношения»). Однако в связи с началом Великой Отечественной войны эта работа была прервана, и монография осталась незаконченной.¹

Важным событием в научной биографии ученого становится защита кандидатской диссертации, которую она успешно защитила 15 февраля 1940 года. Её научным руководителем был основатель таджикской этнографии, член-корреспондент Академии наук СССР М.С. Андреев. Несмотря на то, что она долгое время занималась изучением быта и одежды жителей Самарканда, тема ее диссертации касалась религиозной тематики и называлась «Пережитки анимизма у равнинных таджиков»². Защита состоялась в этнографическом отделении филологического факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета по специальности «этнография». Официальными оппонентами на защите выступили этнограф член-корреспондент АН СССР Д.К. Зеленин и известный тюрколог член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов.³ Диссертационное исследование, показало, что О.А. Сухарева была отличным знатоком духовной жизни таджиков. К сожалению, несмотря на то, что ее кандидатская диссертация получила высокую оценку в научном сообществе, она так и не была опубликована в виде монографии. Так Г.П.Снесарев писал следующее: «Приходится сожалеть, что сих пор не опубликована крайне интересная диссертационная работа О.А Сухаревой, которая была любезно

---

¹ Валиев, А., Мирзоев, М. Этнографическое изучение народов Центральной Азии накануне и в годы Второй мировой войны [Текст] / А. Валиев, М. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №1 (78). – С.191-194.

² Сухарева, О.А. Пережитки анимизма у равнинных таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Сухарева Ольга Александровна. – Л., 1940. – 140 с.

³ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.101.

предоставлена автору для ознакомления, за что он выражает ей свою признательность».¹

После защиты кандидатской диссертации О.А. Сухарева возвращается в Самарканд и продолжает активно работать.

Таким образом, анализ первого этапа жизнедеятельности О.А. Сухаревой показал, что с самого начала этнография становится основным направлением научной деятельности ученого.

Второй этап трудовой деятельности О.А. Сухаревой охватывает период работы в Институте истории Академии наук Республики Узбекистан в г. Ташкенте, который длился с 1946 по 1967 годы. В 1943 году была создана Академия наук Узбекской ССР, в составе которой работал Институт истории и археологии.² В 1946 г. О.А. Сухарева переезжает в г.Ташкент и приступает к работе сначала в должности старшего научного сотрудника, а затем руководит сектором этнографии Института истории и этнографии.

В послевоенный период ученый приступает к новому направлению исследования – изучению этнографии жителей городов Средней Азии. В отличие от многих этнографов своего поколения, которые в основном изучали сельский быт, О.А. Сухарева большое внимание уделяла изучению городского населения. Ее монографии «К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки)»,³ «Позднефеодальный город Бухара конца XIX - начала XX века. Ремесленная промышленность»,⁴ «Бухара XIX- начала XX в. (Позднефеодальный город и его население)»,⁵ «Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей

---

¹ Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – С.17.

² Валиев, А., Мирзоев, М. Этнографическое изучение народов Центральной Азии накануне и в годы Второй мировой войны [Текст] / А. Валиев, М. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №1 (78). – С.191-194.

³ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.140.

⁴ Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.

⁵ Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.

кварталов)»¹ изданные в период 40-70-х годов XX века, отражают историю городов, быт и традиции городского населения конца XIX- начала XX века. Также в своих работах О.А. Сухарева не оставила без внимания и разделение труда и ремёсел среди городского населения, что было присуще городам того времени, когда жители разделяли кварталы города на основе выбранных жителями профессий. Кроме этого О.А. Сухарева изучала и духовную культуру жителей городов. По этой теме ученый опубликовала статью «К вопросу о генезисе профессиональных культов таджиков и узбеков²» и научно-популярная брошюра «Ислам в Узбекистане»³ и ряд других работ.

После окончания Великой отечественной войны в 1945 году, начались новые исследования, в которых уже дореволюционная историография занимала одно из ведущих мест, поскольку в годы репрессии имена выдающихся ученых востоковедов были несправедливо преданы забвению. Как отмечает Б.В. Лунин, положение дел в историографии стало ощутительно изменяться к лучшему с начала 50-х годов.⁴ Отвечая запросам истории отечественного востоковедения, ученые предприняли ряд мер по выявлению роли отдельных историков, этнографов и археологов. Так, О.А. Сухаревой были составлены библиографические очерки известных востоковедов, внесших большой вклад в изучение народов Средней Азии. Среди них В.В. Бартольд, Н.П. Веселовский, А.А. Семенов, М.С. Андреев, И.П. Березин, В.В. Вельяминов-Зернов, В.А. Крачковская, В.В. Григорьев, Б.В. Лунин,⁵ В. В. Радлов, П. И. Лерх. П. С. Савельев, О.И. Сенковский, Х.Д.

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 370 с.

² Сухарева, О.А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков [Текст] / О.А. Сухарева // Труды АН Таджикской ССР. Памяти М.С. Андреева. – Сталинабад, 1960. – Т.120. – С.195-207.

³ Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 90 с.

⁴ Лунин, Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк [Текст] / Б.В. Лунин; От. ред. А.З. Зияев. – Ташкент: Фан, 1979. – С.15.

⁵ Лунин, Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк [Текст] / Б.В. Лунин; От. ред. А.З. Зияев. – Ташкент: Фан, 1979. – 186 с.; Он же. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении [Текст] / Б.В. Лунин. – Ташкент, 1905. – 408 с.

Френ и Н.В. Ханыков. Достойное место среди этих ученых занимает сама О.А. Сухарева.

Наиболее плодотворным периодом в научной деятельности О.А. Сухаревой был период с 1950 по 1966 годы. Именно в этот период были изданы ее фундаментальные работы по этнографии таджикского народа. Первая работа, которая положила начало ее научному творчеству в Институте, была написана совместно с В.Г. Мошковой, А.К. Писарчик и П.А. Гончаровой. Авторский коллектив исследовал народное декоративное искусство народов Узбекистана.¹ Авторы, ссылаясь на материалы полевых работ, провели огромную работу по лингвистико-семантическому, материальному и функциональному значению декоративного искусства в одежде и быте населения Узбекистана. В начале 50-х годов О.А. Сухарева вместе М.А. Бикжановой проводила также сбор полевых материалов по этнографии и быта жителей селения Айкыран колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области Узбекистана. Результатом этого исследования становится монография, изданная в 1955 году,² в которой приводятся аналитические сведения относительно изменений в быте, традициях, обрядах и ритуалах сельских жителей, произошедших в советский период. С точки зрения этнографического исследования, особое внимание уделено изменениям в традиционной одежде, которое перешло от кустарно-ремесленного производства к использованию фабричной и современной одежды. На основе этих исследований О.А. Сухарева совместно с Б.Н. Засыпкиным и В.Г. Мошковой в 1955 году издает альбом «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана»³. В альбоме показаны не только рисунки и фотографии 50-ти видов национального костюма жителей

---

¹ Сухарева, О.А., Мошкова, В.Г. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Текстиль / О.А. Сухарева, В.Г. Мошкова, А.К. Писарчик, П.А. Гончарова. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1954. – 190 с.

² Сухарева, О.А., Бикжанова, М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран [Текст]: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955 – 238 с.

³ Сухарева, О.А. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Альбом / О.А. Сухарева, Б.Н. Засыпкина, В.Г. Мошков. – М.: ИЗОГИЗ, 1955. – 155 с.

различных регионов дореволюционного и советского Узбекистана, но и проведен их этнографический анализ. Особое внимание в альбоме уделено и таджикскому костюму.

В этот период О.А. Сухарева совмещала исследования по истории и этнографии, соединяя их в рамках историко-этнографического анализа. Первая такая работа, изданная самостоятельно автором и имевшая особую ценность для науки и в частности для истории городов была монография «К истории городов Бухарского ханства».¹ В названии книги автором прибавлен эпитет историко-этнографические очерки, что подтверждает намерения автора о совмещении в своих исследованиях двух наук – истории и этнографии.

Исследование традиций и быта народов Узбекистана невольно привело О.А. Сухареву к изучению вопроса соотношения быта и религии в хозяйственном укладе и в образе жизни этносов, что нашло отражение в ее публикациях. Так, упомянутая нами работа «Ислам в Узбекистане»², получила высокую оценку со стороны религиоведов, исламоведов и партийного аппарата того времени. Следует отметить, что первоначально она была подготовлена в качестве главы для монографии «Таджики», которую планировала выпустить Таджикская база Академии наук СССР совместно с Институтом этнографии АН СССР. Великая отечественная война помешала воплотить этот план в жизнь.³ Объективно отражая влияние ислама на быт, обряды и традиции советских людей, О.А. Сухарева не могла подойти к этому вопросу с точки зрения марксистской идеологии, показывая наличие суеверий и предрассудков в религиозных обрядах народа. Исследуя религию коренных народов Узбекистана, ученый находила в них много элементов доисламских верований.

---

¹ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.145.

² Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – С.86.

³ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.106-107.

В 50-е годы XX века, по заданию Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, ученый участвует в составлении коллективной работы Института по составлению главы «Узбеки» для серии книг «Народы мира». О том, как шла работа следует из писем О.А. Сухаревой в Москву Т.А. Жданко, которые с точки зрения освещения методики работы О.А. Сухаревой, имеют историографический интерес.

Составление форм и деталей исследования, с определением малейших элементов, которому следовала О.А. Сухарева, отмечая, что такая практика требовала много работы среди местного населения. Так, в опубликованной в 1953 году статье, ученый рассматривает вопрос об истории художественного ремесла и выявляет тонкости производства табакерки.¹ Статья вызвала положительные оценки взгляда автора на необычный и малоизвестный факт из истории быта народа Узбекистана. Такие же детали быта отражены О.А. Сухаревой в ее исследованиях о головных уборах народов Средней Азии.² Заметим, также ее упорную работу в сборе полевого материала, посредством которого ученый создала целую сеть «сотрудничающих с ней информаторов». Предоставленную ими информацию, она использовала лишь в тех случаях, если не могла выехать в отдаленные регионы. Таким образом, она могла не ограничиваться местом пребывания и собирала сведения у приезжих жителей отдаленных районов. О.А. Сухарева высоко ценила информантов, которые предоставляли ей сведения необходимые для ее исследований. О роли института информаторов в проведение полевых исследований она пишет: «Было опрошено множество бухарцев преклонного возраста, которые успели, будучи уже взрослыми, застать жизнь дореволюционной Бухары в период, когда там еще правил эмир и вся жизнь горожан сохраняла свой традиционный облик. Их воспоминания позволили восстановить картину городской жизни в период феодализма, в частности

---

¹ Сухарева, О.А. К истории художественного ремесла, а Узбекистане (производство табакерок) [Текст] / О.А. Сухарева // Сб. МАЭ. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – Т.XIV. – С.119.

² Сухарева, О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т.XXI. – С.299-353.

быт жилых кварталов. Прекрасная память и высокая добросовестность, искренняя заинтересованность в воссоздании истории их города и доброжелательное стремление помочь в работе обеспечили получение ценнейших, теперь уже неповторимых и, как показала проверка, весьма надежных сведений».¹

В 1955 году был забракован вариант раздела «Узбеки», отправленный ранее на рассмотрении в Институт этнографии АН СССР. Коллектив сектора этнографии Института истории и археологии Узбекской ССР, приступил к обсуждению замечаний. Для нас интересным фактом является то, что среди замечаний указаны неправильно оформленная структура работы, язык текста и отсутствие глубины содержания. Для устранения замечаний, О.А. Сухарева составила четкий план работы и собрала коллектив работников для решения задачи. Для завершения этого труда разработали проспект, и О.А. Сухарева сформировала коллектив, авторов из Москвы, Ленинграда и Ташкента, разделяя их по разным разделам и подразделам. Авторам была поручена их часть проспекта и требовалась детальная разработка этих частей. Было также определено количество страниц для каждого автора. В 1958 году она начала собирать авторские тексты. Каждый текст О.А. Сухарева лично и вместе с автором перечитывали и каждый раз переделывали. В одном из писем Ольга Александровны к Т.А. Жданко отмечает: «...до обсуждения целых разделов много раз порой читаем вместе с каждым написанное им, и все раз и больше переделывается; только тогда получается в какой-то мере в общем плане и интересно».² В результате такой организации работы, каждый вопрос был изложен полностью и со всеми фактами. При этом главным элементом работы по требованию О.А. Сухаревой стала новизна работы. Она отмечает по этому поводу: «Конечно, избранный нами путь – более трудный, более долгий, но зато он обеспечивает публикацию не сводки старых материалов, а

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.18.

² Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.96.

сводку того, что еще не всегда опубликовано».¹ Таким образом, мы наблюдаем в работе О.А. Сухаревой слаженность, организованность и требовательность при выполнении научной работы. Ее стиль работы показывает, что она профессионально владела навыками этнографии и знала все тонкости этой науки. Ее требовательность не ограничивалось административными элементами, а больше напоминала сотрудничество с коллегами для достижения общего результата.

Однако на научную деятельность О.А. Сухаревой отрицательно влияла административная работа, которую она выполняла при Институте. В 1958 году, на Учёном совете директор Института, предложил постановить, что О.А. Сухарева сорвала государственный план, поскольку не закончила к сроку работу по исследованию «Бухары».² На заседании Ученого совета Института в 1958 году, со стороны руководства также подверглась критике её переводческая деятельность. В докладе директора института было указано, что О.А. Сухарева «занялась обогащением» и вышел в свет перевод повести Айни «Смерть ростовщика», сделанный Ольгой Александровной ещё в 1956 году.³ Однако необъективность такого утверждения была столь очевидной, что Ученый совет не поддержал директора. Впоследствии Ольга Александровна рассказывала, что эта «клевета», как она её называла, получилась настолько некрасивой и неправдоподобной, что ей удалось при этом сохранить уравновешенность и спокойствие. Она писала своим близким: «...что и говорить, работать это мешает, и еще будет мешать. Как это надоело – ведь вся работа в Академии шла через эти препятствия, не имеющие никакого отношения к науке». Несколько раз О.А. Сухарева обращалась в дирекцию с просьбой освободить ее от руководства сектором.⁴

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.97.

² Речь идет о книге Сухаревой О.А. «Позднефеодальный город Бухара», которая была издана в 1962 году, издательством АН Узбекской ССР

³ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.103.

⁴ Там же.

Период 50-х годов также был связан в творчестве О.А. Сухаревой с работой над докторской диссертацией «Позднефеодальный город. Бухара конца XIX - начала XX веков»¹, защита, которой состоялась в 1962 году в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН) в г. Москве. Ученый выбрала этот город в качестве объекта этнографического исследования и параллельно отражает в своих трудах периодизацию развития этнографических процессов, соединяя категории истории и этнографии. Результатом широкого исследования полевых, архивных и источниковедческих материалов стало издание трилогии о Бухаре, в которую вошли такие работы ученого как «К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки», «Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность» и «Бухара XIX – начала XX в.» (позднефеодальный город и его население).² Первая книга вышла в 1958 году под названием «К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки» в которой автор, ссылаясь на исторические источники, анализирует историю развития города Бухары, указывая при этом на развитие ремесел, традицию и культуру городских жителей. Это был ее первый опыт совмещения исторического и этнографического материала в рамках одного исследования.

В 1962 году, вышла вторая книга под названием «Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность». О.А. Сухарева продолжает свои наблюдения за развитием города Бухары, особо отмечая влияние российской промышленности на развитие местного производства. Ученый показывает совмещение в местном производстве одежды как кустарных и традиционных материалов, так и использование

---

¹ Жданко, Т.А., Кармышева, Б.Х. Ольга Александровна Сухарева. Некролог [Текст] / Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.159.

² Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.145.; Она же. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.; Она же. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.

фабрично-мануфактурных тканей.¹ В работе приведена классификация ремесел, их размещение, указаны отрасли производства и определена степень взаимосвязанности производства и сферы услуг с бытом местного населения и развитием города. Научную ценность данной работы составляет объем собранных в этом исследовании материалов, отражающих все формы производства, в котором занято городское население Бухары. Автор указывает на историю, предания и развитие более 40 видов городских промыслов. Так, автором выделены такие профессии жителей города как кузнечное, ювелирное дело, выработка тканей, строительные ремесла, обработка кожи, пищевые промыслы, гончарство, мыловарение и другие отрасли кустарного производства, которые обеспечивали потребности не только жителей города, но и вывозились в другие регионы.

В третьей монографии, посвящённой городу Бухаре,² О.А. Сухарева останавливается на анализе городского населения города, указывая на их родоплеменные, языковые, религиозные, профессиональные и другие признаки, создает классификацию населения города. В период работы в Институте истории и археологии Академии наук Узбекистана, где О.А. Сухарева работала в качестве старшего научного сотрудника с 1946 по 1967 годы, ею было издано огромное количество научных работ в форме книг, брошюр, статей и альбомов, в которых были отражены актуальные вопросы этнографии и истории Узбекистана. В это же время она продолжила исследование ремесел, религию, культу святых, одежду, городов Самарканда и Бухары и другие вопросы истории и этнографии Средней Азии³. Практика

---

¹ Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.

² Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.

³ Сухарева, О.А. Художественные ремесла Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // Звезда Востока. – Ташкент, 1948. – №9.; Она же. Этнографическая работа Самаркандского музея [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1949. – №1. – С.198-200.; Она же. О культуре мусульманских святых в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории и археологии АН УзССР. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. – Вып.2. – С.159-178.; Она же. К истории художественного ремесла, а Узбекистане (производство табакерок) [Текст] / О.А. Сухарева // Сб. МАЭ. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – Т.XIV. – С.119-139.; Она же. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР

ее научной деятельности данного периода показало, что главным методом ее научной деятельности было четкая организация работы. Планируя работу коллектива, О.А. Сухарева составляла подробные программы для каждого автора, который четко знал свои задачи, сроки и объем работы. Также строго и требовательно она относилась к себе. В Институте этнографии, она всегда заполняла план – карту и писала планы и годовые отчёты о проделанной работе, хотя ее должность консультанта не предусматривала этого. С особым вниманием О.А. Сухарева относилась к исследованиям молодых коллег, всячески способствуя изданию их публикаций, если она видела в их работах интересный этнографический материал. Так, в середине 1960-х годов, получив статью Ф. Д. Люшкевич об «иронии» в количестве 80 страниц, она пишет Т.А. Жданко: «Я знаю, что Люшкевич собрала значительный, раньше никем не поднимавшийся материал о своеобразной и слабоизученной этнической группе, опубликование такой статьи явилось бы, несомненно, вкладом. Только нужно помочь автору доработать, и то, что в этом могла бы сделать я, я готова сделать». Или так характеризует одну из редактируемых ею монографий: «Она написана...с массой деталей, недостаточно объединенных теоретическими положениями – но такой богатый и

им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т.XXI. – С.299-353.; Она же. К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв. [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1954. – Т.27. – С.25-40.; Она же. К исторической топографии Бухары первой половины XVI в. [Текст] / О.А. Сухарева // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – Сталинабад, 1954. – С.153-166.; Она же. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Текстиль / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1954. – 190 с.; (в соавторстве с В.Г. Мошковой, А.К. Писарчик и П.А. Гончаровой); Она же. Ферганская этнографическая экспедиция [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1954. – №3. – С.111-115.; Она же. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Альбом / О.А. Сухарева, Б.Н. Засыпкина, В.Г. Мошков. – М.: ИЗОГИЗ, 1955. – 155 с.; Она же. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.145.; Она же. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX-начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // КСИЭ. – М., 1958. – Вып. 30. – С.121-129.; Она же. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – С.90.; Она же. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков [Текст] / О.А. Сухарева // Труды АН Таджикской ССР. Памяти М.С. Андреева. – Сталинабад, 1960. – Т.120. – С.195-207.; Она же. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.; Она же. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.

подлинный материал, что работа будет долго служить».¹ Если О.А. Сухарева видела, что материал является ценным и его следует опубликовать, то она, жертвуя своим временем, готова была сидеть со своими аспирантами и докторантами, правя и редактируя их тексты. Ольга Александровна чувствовала, кому и в чем надо помочь, и была очень требовательна, если считала, что человек наделен большими способностями. Л.А. Чвырь рассказывала, что когда она работала над статьёй о таджикских украшениях для сборника, редактируемого О.А. Сухаревой, у нее после замечаний и исправлений Ольги Александровны получилось 23 варианта статьи.²

Следует отметить, что по методологии О.А. Сухаревой, в начале 70-х годов этнографическим исследованием городов занимались и другие ученые. Так, в этот период А.К. Писарчик – однокурсница О.А. Сухаревой, приступает к этнографическим исследованиям в городе Самарканде. Этнограф уделяла много внимания одной из важных тем этнографии Средней Азии – теме ремесла. Она рассматривает одно из локальных проявлений традиционной культуры зодчества, выросшее «на почве древнего города, игравшего в течение многих веков важную роль в политической, хозяйственной и культурной жизни узбекского и таджикского народов».³ Для А.К. Писарчик было очень важно мнение О.А. Сухаревой, которая в научном сообществе считалась лучшим специалистом по истории и этнокультуре городов Средней Азии. О.А. Сухарева дала положительную рецензию на эту книгу, которая была напечатана в журнале «Советская этнография».⁴

В период работы в Институте истории и археологии Академии наук Узбекистана ее были изданы огромное количество научных публикаций в виде монографий, брошюр, альбомов и статей, в которых были отражены актуальные вопросы этнографии народов Узбекистана.

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.108.

² Там же.

³ Писарчик, А.К. Народная архитектура Самарканда [Текст] / А.К. Писарчик. – Душанбе, 1975. – 141 с.

⁴ Сухарева, О.А. Рецензия к книге Народная архитектура Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1977. – №1. – С.170-171.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что второй этап научной деятельности О.А. Сухаревой характеризуется еще большим научным интересом к истории, культуре, этнографии и религии среднеазиатских народов, в особенности таджиков.

Третий этап ее трудовой и научной деятельности проходил в г. Москве, где она в период с 1968 по 1983 годы работала научным сотрудником Института этнографии им. Н.Н. Миклохо-Маклая Академии наук СССР (ныне Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН). Во время работы в Москве, О.А. Сухарева возглавляя авторский коллектив по разделу «Одежда» для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, вместе со своей помощницей Н.П. Лобачевой разработала программу изучения среднеазиатского костюма. Она также составила методическое руководство, программы и инструкции для сбора полевых материалов по одежде, планы описания всех элементов одежды для последующего картографирования, координировала полевую и исследовательскую работу этнографов среднеазиатских республик и ленинградской части Института этнографии, консультировала авторов.¹ В этот период О.А. Сухарева сумела сплотить вокруг своей методики исследования коллектив единомышленников, которые проводили совместные работы по этнографии народов Средней Азии. Так, под ее руководством проводили свои исследования Н.П. Лобачева, сфера интересов которой были новые обряды, различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале и сложение института свадебной обрядности народов Средней Азии.²

---

¹ Сухарева, О.А. Рецензия к книге Народная архитектура Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1977. – №1. – С.170-171.

² Лобачева, Н.П. Формирование новой обрядности узбеков [Текст] / Н.П. Лобачева. – М., 1975. – 140 с.; Она же. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.П. Лобачева // Домусульманские верование и обряды в Срдней Азии. – М., 1975. – С.298-333.; Она же. К истории сложения института свадебной обрядности (на примере свадебных обычаев и обрядов Средней Азии и Казахстана) [Текст] / Н.П. Лобачева // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – 1978. – С.144-175.; Она же. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) [Текст] / Н.П. Лобачева // Костюм народов Средней Азии. – М., 1979. – С.18-48.; Она же. Свадебный обряд как историко-этнографический

В течение этого периода она активно работала над материалом о ремеслах и быте узбеков и таджиков Узбекистана, который вошел в подготовленную коллективом института монографию по истории Узбекистана.¹ В монографию вошли 42 страницы текста О.А. Сухаревой, которые были уникальными по своим профессиональным и научным качествам, достойные быть включенными в этот фундаментальный труд. В 1969 году, будучи на пенсии в Институт этнографии АН СССР устраивается на работу А.Л. Троицкая – однокурсница О.А. Сухаревой. Вместе они продолжили исследования над новыми материалами по этнографии Средней Азии на базе ранее собранных данных. Следует отметить, что вышедшие в 20-50-е годы, статьи и публикации А.Л.Троицкой об оккультизме среди оседлого населения Туркестана, национальном искусстве и по истории культуры народов Востока имели большое значение для становления их совместной работы в этнографии Востока.²

источник (на примере хорезмских узбеков) [Текст] / Н.П. Лобачева // Советская этнография. – 1981. – №32. – С.36-50.; Она же. Огни сафара в Хорезме (о забытых праздниках) [Текст] / Н.П. Лобачева // Этнографическое обозрение. – 1995. – №5. – С.24-36.; Она же. К истории Среднеазиатского костюма: киргизские белдемчи [Текст] / Н.П. Лобачева // Этнографическое обозрение. – 1997. – №6. – С.70-83.; Она же. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона [Текст] / Н.П. Лобачева // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 2001. – С.69-96.; Она же. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии [Текст] / Н.П. Лобачева // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1986. – С.6-31.; Она же. Сверстники и семья (к вопросу о древней половозрелой градации общества народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.П. Лобачева // Советская этнография. – 1989. – №5. – С.83-95.; Она же. Народная одежда как источник по этногенезу. К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.П. Лобачева // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991. – Вып.3. – С.82-95.; Она же. Что такое свадебный обряд (опыт изучения брачно-свадебной обрядности) [Текст] / Н.П. Лобачева // Этнографическое обозрение. – 1995. – №4. – С.56-64.

¹ Сухарева, О.А. Города и селения Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.П. – С.122-137.; Она же. Ремесленное производство [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.П. – С.174-201.; Она же. Бытовые условия жизни народных масс [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.П. – С.491-510.

² Троицкая, А.Л. К биографии некоторых художников эпохи сефевидов [Текст] / А.Л. Троицкая // Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А.Э. Шимдат. – Ташкент, 1923. – С.134-137.; Она же. Лечение больных изгнанием злых (кучурук) среди оседлого населения Туркестана [Текст] / А.Л. Троицкая // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. – 1925. – №10. – С.145-146.; Она же. Женский зикр в старом Ташкенте [Текст] / А.Л. Троицкая // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. – Л., 1928. – Т.7. – С.173-199.; Она же. Из отчета о командировке 1936 в национальные районы Среднеазиатских республик [Текст] / А.Л. Троицкая // Советская этнография. – 1937. – №4. – С.137-149.; Она же. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане [Текст] / А.Л. Троицкая // Советская этнография. – 1948. – №3. – С.11-12.; Она же. Abdoltili - арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии [Текст] / А.Л. Троицкая // Советское

В 1970 году, О.А. Сухарева начинает писать статьи, которые дополняют ее исследования по истории городов Самарканда и Бухары. Это было связано, прежде всего, с проектом ее будущих работ о Бухаре и ее квартальном разделении. Так, в 1970 году входит статья о среднеазиатской одежде¹, в 1971 году – о способах литья металла² и в 1974 году она выступает с докладом о кварталах городов Средней Азии на Бартольдских чтениях.³

С 1976 по 1979 годы О.А. Сухарева проводит ряд исследований по истории и этнографии городов, населения, традиций, обрядов, национальной одежды, ремесел связанных с кустарными промыслами по пошиву одежды.⁴ Во время работы в Самаркандском музее она приступила к изучению истории развития декоративной вышивки народов Средней Азии, и этот опыт помог ей во время работы над новыми статьями и книгами в Институте этнографии в г. Москве. Так, работая над институтским сборником «Костюмы народов Средней Азии» в 70-е годы, она вновь проанализировала собранный в 30-е годы полевой материал. Она сравнила одежду свадебного обряда таджиков и узбеков г. Самарканда и некоторых и

востоковедение. – Л., 1948. – Вып.5. – С.252-274.; Она же. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в. [Текст] / А.Л. Троицкая // Труды АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – Т.XVII. – С.211-217; Она же. Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.) [Текст] / А.Л. Троицкая // Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963. – С.250-255.; Она же. Каталог архива кокандских ханов XIX в. [Текст] / А.Л. Троицкая. – М., 1968. – 582 с.; Она же. Некоторые странные обычаи, обряды и поверья таджиков (долины Верхнего Зеравшана) [Текст] / А.Л. Троицкая // Занятия и быт народов Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сборник. – Л., 1971. – Вып.3. – С.224-254.; Она же. Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в. [Текст] / А.Л. Троицкая // Восточный сборник. – М., 1972. – Вып.3. – С.139.

¹ Сухарева, О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. [Текст] / О.А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т.26. – С.101-112.

² Сухарева, О.А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник (Тр. Ин-та этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – Л.: Наука, 1971. – Т.97. – С.147-167.

³ Сухарева, О.А. В.В. Бартольд о кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города [Текст] / О.А. Сухарева // Бартольдские чтения. – М., 1974. – С.51-53.

⁴ Сухарева, О.А. Очерки по истории среднеазиатских городов [Текст] / О.А. Сухарева // История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. – М.: Наука, 1976. – С.132-148.; Она же. Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии (в порядке дискуссии) [Текст] / О.А. Сухарева // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1978. – С.118-131.; Сухарева, О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.3-13.; Сухарева, О.А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюция [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.77-103.

других районов Средней Азии с его последующими изменениями, которые были выявлены уже в послевоенный период, сравнивая элементы этих изменений. Ссылаясь на свои прежние работы по вопросу костюма жителей Самарканда¹, а также на данные, собранные в период работы в музее г. Самарканд, она подготовила огромный материал для издания отдельной работы по развитию национального костюма самаркандцев. Следует отметить, что живя в Самарканде, О.А. Сухарева изучала быт и материальную культуру не только населения города, но и его окрестностей, собирая материалы полевых исследований, которые стали основой для ее будущих фундаментальных работ по истории костюма, верованиям, обрядам и другим направлениям ее деятельности в этнографической науке.

В 1976 году О.А. Сухарева издаёт монографию, тем самым завершив цикл книг, посвященных Бухаре, в которой под новым углом исследует быт населения и развитие Бухары. Она связывает эти категории с квартальным разделением города. Именно эта цель отражена в названии книги, которая называлась «Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов)».² По результатам подобного исследования, в этом же году выходит небольшая статья ученого о городе Самарканде.³ На этом этапе она в основном анализирует свои ташкентские материалы, проводя совместные этнографические исследования быта народов Средней Азии. В 1976 году она также издаёт статью «Очерки по истории среднеазиатских городов», напечатанная в книге «История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века».⁴ В 1979-1982 годы О.А. Сухаревой было издано

---

¹ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.; Она же. Художественные ремесла Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // Звезда Востока. – Ташкент, 1948. – №9.; Она же. Этнографическая работа Самаркандского музея [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1949. – №1. – С.198-200.

² Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 365 с.

³ Бартольд, В.В. О кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города [Текст] / В.В. Бартольд. – Бартольдовские чтения. – М., 1974. – С.51-53.

⁴ Сухарева, О.А. Очерк по истории среднеазиатских городов [Текст] / О.А. Сухарева // История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. – М.: Наука, 1976. – С.132-148.

ещё несколько статей, которыми она подвела итоги своей научной биографии.¹

После выхода в свет книги «История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века» изданной в 1976 году, О.А. Сухарева перешла в статейную работу и публиковала отдельные статьи о различных проблемах этнографии, делая заключения исходя из своего богатого опыта в этой отрасли.²

Следует отметить, что в последние годы жизни О.А. Сухарева опубликовала статьи в научных журналах, не ограничивая свои исследования в рамках отдельно взятого региона. Так, например в 1979 году, в журнале Наука была опубликована ее статья «Товарно – денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья», которая имела больше историческое направление.³ Даже в таком необычном для себя направлении исследования, она благодаря теоретическому складу мышления, могла делать выводы и заключения помогающими решению частных вопросов исследования проблемы. В 1980 году, в книге «Ближний и Средний Восток» была опубликована статья О. А. Сухаревой «Участие Женщины в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX – начале XX в.».⁴ В статье автор отражает общепринятое мнение учёного мира о признании уклада общества Средней Азии указанного периода как позднефеодальное общество. Исходя из этого аспекта периодизации развития общества, О.А. Сухарева, отмечает рост городов и их перехода на крупное

---

¹ Сухарева, О.А. Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX-начала XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1979. – С.203-212.; Она же. О ткацких ремёслах в Самарканде [Текст] / О.А. Сухарева // История и этнография Средней Азии (Сборник статей). – Душанбе: Дониш, 1981. – С.25-37.; Она же. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.10-48 (в соавторстве с Н. О. Турсуновым).

² Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 365 с.

³ Сухарева, О.А. Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX-начала XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1979. – С.203-212.

⁴ Сухарева, О.А. Участие женщины в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX начале XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М.: Нука, 1980. – С.203-112.

производства, в свете которого изменились традиционные формы занятия и уклада быта населения. Ученый отмечает прогрессивную роль создания единого государственного сообщества на пространстве СССР, что способствовало коренным изменениям в быту, как городских жителей, так и сельского населения.

В 1981 году, она пишет рецензию¹ на книгу Н. Исаевой-Юнусовой «Таджикская вышивка», напечатанная в журнале «Советская этнография». Искусство вышивки народов Средней Азии, было тем направлением работы, в котором авторитет О.А. Сухаревой был признанным всеми учеными этнографами и поэтому более ценным являлся ее положительная оценка этой работы.

Также в 1981 году О. А. Сухарева опубликовала статью о ткацком ремесле в Самарканде,² которая была издана в сборнике статей «История и этнография Средней Азии». Стоит отметить, что абсолютно все ее исследования носили характер новизны, и не было случая, чтобы О.А. Сухарева допускала повторения какого-нибудь исследования. Так, в 1982 году она издаёт свой фундаментальный труд об истории среднеазиатского костюма на примере одежды населения самаркандского оазиса второй половины XIX – начала XX века.³

Последняя статья⁴ О.А. Сухаревой была напечатана в журнале «Советская этнография» уже после ее смерти. Ученый описывает и объясняет орнамент декоративной вышивки населения Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями. О.А. Сухарева еще раз доказывает доисламский характер большинства традиций и обрядов, связанных с предрассудками, отмечая их древнее происхождение.

---

¹ Сухарева, О.А. Среднеазиатское искусство вышивки [Текст]: О книге Н. Исаевой – Юнусовой «Таджикская вышивка» / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1981. – №3. – С.151-158.

² Сухарева, О.А. О ткацких ремёслах в Самарканде [Текст] / О.А. Сухарева // История и этнография Средней Азии (Сборник статей). – Душанбе: Дониш, 1981. – С.25-37.

³ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.

⁴ Сухарева, О.А. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.67-79.

О.А. Сухарева скончалась 22 января 1983 года, в г. Москве, оставив после себя богатое научное наследие. В 2006 г. посмертно вышла ее монография «Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка»,¹ рукопись которой была закончена и передана на рассмотрение незадолго до смерти О. А. Сухаревой.² Монография стала итогом ее многолетних исследований по истории среднеазиатского костюма и декоративной вышивке населения самаркандского оазиса.

Обращаясь к анализу научной деятельности О.А. Сухаревой нельзя не отметить ее вклад в подготовку молодых научных кадров. Под ее руководством было защищено десять диссертаций. Особо следует отметить ее роль в подготовке кадров для таджикской этнографической науки. Она была руководителем кандидатской³ и докторской⁴ диссертаций этнографа Н.О. Турсунова, профессора Худжандского государственного университета и кандидатской диссертации⁵ этнографа О.Муродова, который работал в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Научное наследие О.А. Сухаревой состоит из восьми книг, ⁶более ста статей, опубликованных в научных сборниках, научных журналах и в книгах

---

¹ Сухарева, О.А. Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. – 312 с.

² Жданко, Т.А., Кармышева, Б.Х. Ольга Александровна Сухарева. Некролог [Текст] / Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.160.

³ Турсунов, Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие промыслы в конце XIX - начале XX вв.) [Текст]: Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Турсунов Назиржон Очилович. – Л., 1969. – 24 с.

⁴ Турсунов, Н.О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII - начале XX вв. [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Турсунов Назиржон Очилович. – М., 1979. – 44 с.

⁵ Муродов, О. Пережитки ранних верований таджиков долины Зеравшана [Текст]: Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Муродов Отамурод. – М., 1975. – 24 с.

⁶ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 150 с.; Она же. Прошлое и настоящее селения Айкыран [Текст]: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955 – 238 с. (в соавторстве с М.А. Бикжановой); Она же. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Альбом / О.А. Сухарева. – М.: ИЗОГИЗ, 1955. – 155 с. (в соавторстве с Б.Н. Засыпкина, В.Г. Мошков); Она же. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 365 с.; Она же. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Текстиль / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1954. – 190 с. (в соавторстве с В.Г. Мошковой, А.К. Писарчик и П.А. Гончаровой); Она же. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 90 с.; Она же.

других авторов, а также альбомов,¹ и включает в себя следующие основные направления:

Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.; Она же. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.

¹ Сухарева, О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. – Ташкент, 1928. – Вып.1. – С.73-89.; Она же. Мать и ребёнок у таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Иран, III. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С.107-154.; Она же. К истории развития самаркандской декоративной вышивки [Текст] / О.А. Сухарева // Литература и искусство Узбекистана. – Ташкент, 1937. – Кн.6. – С.119-134.; Она же. Задачи этнографии в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Социалистическая наука и техника. – Ташкент, 1939. – №5. – С.61-65.; Она же. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – М., 1940. – №3. – С.172-176.; Она же. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.; Она же. Художественные ремесла Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // Звезда Востока. – Ташкент, 1948. – №9.; Она же. Этнографическая работа Самаркандского музея [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1949. – №1. – С.198-200.; Она же. О культе мусульманских святых в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок). Сб. МАЭ. – М.; -Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т.XIV. – С.119-139.; Она же. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т.XXI. – С.299-353.; Она же. К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв. [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1954. – Т.27. – С.25-40.; Она же. К исторической типологии Бухары первой половины XVI в. [Текст] / О.А. Сухарева // Изв. АН Тадж ССР. Отделение общественных наук. – Сталинабад, 1954. – Вып.5. – С.153-166.; Она же. Ферганская этнографическая экспедиция [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1954. – №3. – С.111-115.; Сухарева, О.А. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1955. – №3. – С.30-42.; Она же. Наука [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.180-184 (в соавторстве с Т.Н. Кары-Ниязовым и В.А. Шишкиным); Она же. Реакционная роль ислама [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.197-205; Она же. Прогрессивные изменения в быте и занятиях населения [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.363-371.; Она же. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX-начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // КСИЭ. – М., 1958. – Вып. 30. – С.121-129.; Она же. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков [Текст] / О.А. Сухарева // Труды АН Таджикской ССР. Памяти М.С. Андреева. – Сталинабад, 1960. – Т.120. – С.195-207.; Народы Средней Азии и Казахстана [Текст]: В 2 томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т.1. – С.262-278.; Одежда. Общественный и семейный быт [Текст] // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т.1. – С.292-304, 314-344 (в соавторстве с М.А. Бикжановой и К.Л. Задыхиной); Сухарева, О.А. Города и селения Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.122-137.; Она же. Ремесленное производство [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.174-201.; Она же. Бытовые условия жизни народных масс [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.491-510.; Она же. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. [Текст] / О.А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т.26. – С.101-112.; Она же. К вопросу о литье металлов в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. – Л.: Наука, 1971. – Т.97. – С.147-167.; Она же. В.В. Бартольд о кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города [Текст] / О.А. Сухарева // Бартольдовские чтения. – М., 1974. – С.51-53.; Она же. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.5-93.; Она же. Очерки по истории среднеазиатских городов [Текст] / О.А. Сухарева // История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. – М.: Наука, 1976. – С.132-148.; Она же. Рецензия к книге Народная архитектура Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. –

- этнографические исследования (вопросы брака, свадебные обряды, материнство, воспитание ребенка, ремесла);
- исторические исследования (история городов, их кварталы и общины).
- искусствоведческие исследования (декоративная вышивка, народный костюм, одежда и головные уборы и их орнамент);
- исследования по религии (религия, верования, культы, пережитки демонологии, шаманства и доисламские верования);

Суммируя проведенный анализ жизнедеятельности О.А. Сухаревой, следует подчеркнуть, что в ее характере всегда преобладало стремление к науке, которое граничило с борьбой против бюрократической системы различных институтов, которые ограничивали поле исследования планами и заказными исследованиями господствующей идеологии. Среди ее работ трудно найти просто описание чего-либо: даже небольшие статьи и заметки содержат элемент исследования, интересные сравнения, предположения, постановку различных научных вопросов. За свой вклад в развитие среднеазиатской этнографии, О.А. Сухарева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Почётными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской и Таджикской ССР, а также почётными грамотами и благодарностями Института этнографии АН СССР и его общественных организаций.¹

Подводя итоги научной биографии О.А. Сухаревой, следует отметить, что, будучи одним из первых советских этнографов-исследователей жизни и быта населения Бухары и Самарканда, О.А. Сухарева по праву считается универсальным ученым, которую в равной степени признавали как этнографом и историком – востоковедом, филологом – иранистом, искусствоведом, религиоведом.

1977. – №1. – С.170-171.; Она же. Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии (в порядке дискуссии) [Текст] / О.А. Сухарева // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1978. – С.118-131.; Она же. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.3-13.; Она же. Опыт анализа кроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюция [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.77-103.

¹ Жданко, Т.А., Кармышева, Б.Х. Ольга Александровна Сухарева. Некролог [Текст] / Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.159-160.

Годы становления ее научного творчества совпало с временем завершения процесса специализации ее знаний. Она выявила для себя целью исследование городского быта перешла к исследованию истории Бухары и Самарканда и других городов в качестве историка этнографических исследований. Но вместе с этим она продолжала свои исследования в других отраслях науки – в изучение Ислама, доисламских верований, изучение историко-культурного прошлого, собрание музейных экспонатов и артефактов, что доказывает универсализм ее интересов в науке.

1.2. Переводческая деятельность и научно-литературное сотрудничество Сухаревой О.А. и С. Айни

Известный советский ученый-этнограф О.А.Сухарева является одной из ярких личностей в исторической и этнографической науке Средней Азии. Исследование ее научной деятельности входит в число важнейших задач современной историографии. Изучение ее научного творчества выявляет новые направления ее деятельности, что подтверждает универсализм характера ее исследований. Среди этих направлений следует выделить деятельность О.А. Сухаревой в переводческой отрасли, а именно – ее работа по переводу повести С. Айни «Смерть Ростовщика». Исследование переводческих работ ученого как часть ее научной деятельности, является малоисследованной темой, поскольку эти работы О.А. Сухарева выполняла вне поля своей основной сферы научной деятельности. Но, несмотря на это, именно благодаря этому направлению ее работы, мировая литература получила в свои ряды произведение Садриддина Айни «Смерть ростовщика»,¹ которое занимает достойное место в жанре социальной сатиры таджикской и мировой литературы. История создания данного произведения отражена в работах таджикских ученых литературоведов Н.А. Каландарова,² Т.Н. Нагзибековой, которые исследовали историю рукописных текстов и особенности перевода таджикских книг на русский язык.³ Также переводческая работа О.А. Сухаревой отражена в работах узбекских ученых,

---

¹ Айни, С. Смерть ростовщика [Текст] / С. Айни; перевод О. Сухаревой. – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.; Он же. Бухарские палачи; Смерть ростовщика. Ятим [Текст] / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 348 с.

² Каландаров, Н.А. Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович. – Душанбе, 2004. – 22 с.; Он же. Две редакции №30 [Текст] / Н.А. Каландаров // Молодёжь и мир мысли (Материалы IV научной конференции молодых ученых Таджикистана). – Худжанд, 2001. – С.212-217 (на тадж. яз.); Он же. Эволюция образа Кари-Ишкамбы в рукописи №30 [Текст] / Н.А. Каландаров // Вестник национального университета. – Душанбе, 2002. – №1. – С.119-126 (на тадж. яз.); Он же. История рукописных текстов повести «Смерть ростовщика» [Текст] / Н.А. Каландаров. – Душанбе, 2003. – 68 с. (на тадж. яз.).

³ Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – 25 с.

которые отметили важность ее роли по сохранению оригинальности языка произведений С. Айни в русском переводе выполненной О.А. Сухаревой.¹

В 1930 году О.А. Сухарева после успешного завершения учёбы в САГУ и защиты дипломного проекта, возвращается в г. Самарканд, где она начинает свою трудовую деятельность в качестве преподавательницы Таджикских центральных педагогических курсов. В это же время О.А. Сухареву приглашают на работу в «Таджикинпрос», где она преподаёт таджикский язык на факультете Узбекского государственного университета. Это был период начала ее переводческой и филологической деятельности, в ходе которого она приступила к переводу учебников и художественной литературы с русского языка на таджикский. В этот же период в г. Самарканде работал над своими произведениями писатель С.Айни. В 1936 - 1937 гг. С. Айни работает над повестью сатирического жанра «Смерть ростовщика», написанной на таджикском и узбекском языках. Для издания этого произведения на русском языке, требовалось равное знание двух языков, как таджикского, так и русского на самом высшем уровне, поскольку текст произведения такого автора как С.Айни требовал знания не только таджикского языка, но и народного фольклора, фразеологизмов, переносных смысловых слов, искусства описания и других элементов языка оригинала. Можно сказать, что знания таджикского языка и культуры таджикского народа были присущими чертами О.А. Сухаревой, которая выросла в Самарканде и имела возможность с раннего детства общаться с таджиками. Она поступила в Восточный институт Ташкента, свободно владея таджикским языком. В студенческие годы она изучала фольклор, традиции, и обряды таджиков, что еще больше усовершенствовало ее знания и повысило уровень ее литературной речи. Именно эти способности О.А. Сухаревой помогли ей справиться с задачей перевода повести «Смерть ростовщика».

---

¹ Бабаева, Д.Х. Садриддин Айни и французская литература (к проблеме литературных связей Востока и Запада на современном этапе) [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.05 / Бабаева Дильбар Хабибджановна. – Душанбе, 1996. – С.15.

Учитывая, авторитет, успехи в языкознании и способности О.А. Сухаревой, С.Айни именно ей доверил перевод своего произведения. Впервые вопрос о переводе этой книги встал сразу после того как автор завершил работу над таджикским текстом рукописи. Важность русского перевода был необходим по нескольким причинам: во-первых, автору было необходимо знать мнение российского писательского сообщества и критиков о данном произведении. Во-вторых, для С. Айни было также интересно мнение русскоязычного читательского круга о сюжете повести. Исходя из этого, по просьбе писателя, О.А. Сухарева приступила к переводу этого произведения. К сожалению, в архивах и источниках не указана точная дата начала перевода этого произведения, но известно, что в довоенное время русский текст был представлен на обсуждение в Союз писателей Таджикистана.

В предисловии к русскому изданию книги С.Айни отмечает: «Я поставил эту повесть на широкое обсуждение в Союзе советских писателей Таджикистана в 1936 году. Нужно заметить что «Смерть ростовщика» была первым произведением, которое, по предложению редактора, было обсуждено Союзом советских писателей Таджикистана ещё до издания. Замечания, которые были сделаны во время обсуждения, я учёл и только после того, как повесть была снова переработана, передал её в издательство».¹ Н. Каландаров отмечает, что уже в 1937 году, С. Айни отправляет краткий обзорный текст с русским переводом Синьцина в редакцию Детской литературы при ЦК ВЛКСМ в город Москву для обсуждения. В ответном письме от 28 мая 1937 года было указано следующее: «Ваша рукопись нами получена и просмотрена. Судя по полученному нами отзыву и краткому содержанию этого произведения, сделанному товарищем Синьциным, эта вещь для ребят не подходит. Она

---

¹ Айни, С. Бухарские палачи; Смерть ростовщика. Ятим [Текст] / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 348 с.

рассчитана на взрослого читателя».¹ Можно согласиться с мнением редакции в том плане, что данное произведение наиболее популярно среди взрослого читателя, поскольку передаёт характер предприимчивого человека, с присущей ему жадностью. Однако также стоит отметить, что причиной отклонения могло быть и плохое качество перевода. По нашему мнению, именно качество перевода Синыцина не позволило передать весь душевный смысл краткого содержания отправленного в Издательство детской литературы в Москву. С.Айни внёс много поправок в текст произведения, чтобы окончательно сделать его понятным для взрослой аудитории читателей. Таким образом, изменив первоначальный вариант детской книги, С.Айни создаёт повесть, что требовало увеличение ее объёма. Параллельно с внесением изменений, в конце 30-х годов О.А. Сухарева приступает к переводу этого произведения. Сам факт взятия этой работы со стороны О.А. Сухаревой и обязательства по ее переводу, говорит об уровне ее знаний таджикского языка. Утверждая трудность при переводе текстов произведений С. Айни, Т. Нагзибекова отмечает, что «в русских переводах художественных приведений С. Айни выявлены 12 приёмов передачи таджикских реалий. Однако самым продуктивным приёмом в таджикско-русской переводческой схеме оказался комбинированный приём – транскрипция описания. В художественных произведениях переводчики произведений С. Айни на русский язык чаще всего использовали приём транскрипции (74%), т.е. оставили реалии в том виде, в каком они употреблены в оригинале, в ряде случаев внеся лишь некоторые фонетические изменения».² Переводчики произведения С. Айни «Ятим» Т. Гольц в 95 %, «Одина» Г. Хацревич в 89,5 %, «Смерть ростовщика» О.А.³ в 84 %, «Рабы»

---

¹ Каландаров, Н.А. Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович. – Душанбе, 2004. – С.7.

² Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – 25 с.

³ Айни, С. Смерть ростовщика [Текст] / С. Айни; перевод О. Сухаревой. – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.

С. Бородин в 78 %, «Воспоминания» А. Розенфельд в 62 процента реалий таджикского язык использованы в русских переводах.¹

Несмотря на то, что перевод текста был завершён ещё до начала Великой отечественной войны, издание книги на русском языке было отложено в связи с началом войны. В 1943 году вышло первое русское издание данного произведения. После окончания войны, в 1949, 1951 и 1952 гг., книга была переиздана и О.А. Сухарева при каждом издании вносила в текст новые добавления автора. Д.Х. Бабаева отмечает, что имелись два варианта перевода О.А. Сухаревой, которые в стилистике рассказа отличались друг от друга. Большинство из переводчиков использовали именно первый вариант перевода, хотя уже в 1952 году вышел новый русский перевод О.А. Сухаревой. Сравнение оригинала и русского перевода свидетельствует о том, что О. А. Сухарева перевела все 15 глав оригинала. Но в переводе четвертая и пятая, а также четырнадцатая и пятнадцатая главы объединены. Одиннадцатую и четырнадцатую главы поменяли местами. Перевод О.А. Сухаревой отвечает многим требованиям художественного реалистического перевода: сохранение единства формы и содержания, стиля автора и О.А. Сухарева сумела передоказать русскому читателю художественный перевод и ведёт рассказ в стиле С.Айни, что способствовало точному отражению мысли писателя в других языках мира.²

В 1957 и 1960 гг. книга была вновь переиздана, что доказывало потребность читателей к этому произведению и высокий уровень перевода.³ В эти годы, О.А. Сухарева много работала, поскольку параллельно с работой над переводом она была занята тем, что готовила к изданию книгу о городе Бухаре. Как писала О.А. Сухарева: «За это время я совершенно оторвалась от всего мира – превратилась в перерабатывающий бумагу автомат: писала,

---

¹ Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – 25 с.

² Бабаева, Д.Х. Садриддин Айни и французская литература (к проблеме литературных связей Востока и Запада на современном этапе) [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.05 / Бабаева Дильбар Хабибджановна. – Душанбе, 1996. – С.17.

³ Каландаров, Н.А. Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович. – Душанбе, 2004. – С.18.

писала, спешила – а жизнь шла где то мимо. Даже мои дома, хоть и привыкли к этому, запротестовали».¹ В своих письмах 1955, 1956, 1958 гг. О.А. Сухарева пишет о всяческих преградах создаваемых системой бюрократизма и дирекции института, мешающих ей работать над завершением исследования города Бухары. В письме к Т.А. Жданко в середине мая 1958 года, она сообщает: «Я нахожусь уже последнем издыхании, устала, рвусь к «Бухаре...». Под этим названием она имела ввиду книгу «Позднефеодальный город Бухара».² Несмотря на все трудности она находила время для перевода книги «Смерть ростовщика» и в 1956 году, после окончательной корректировки вышло русское издание этого произведения, которая было наиболее дополненным вариантом по сравнению с другими изданиями. Произведение состояло из эпиграфа, предисловия и 18 глав, тогда как первая рукопись 1936 года состояла только из 13 глав.³ Как отметил сам писатель, намерения о доработки «Смерть ростовщика», были у него давно, но только в 1952 году, С. Айни начинает работу над новой редакцией и завершает эту работу в августе этого же года и этот вариант рукописи под №34 в настоящее время хранится в архиве Музея писателя в городе Душанбе.⁴

Однако переводческий труд О.А. Сухаревой не был оценен по достоинству со стороны руководства Института истории Узбекистана, где она работала в эти годы. В 1958 году, на Учёном совете директор данного института, предложил постановить, что О. А. Сухарева сорвала государственный план, поскольку не закончила к сроку работу по исследованию «Бухары». На заседании Ученого Совета Института истории АН Узбекской ССР в 1958 году, со стороны руководства этого заведения переводческая деятельность О.А. Сухаревой подверглась критике. В докладе директора института было указано, что О.А. Сухарева «занялась

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.109.

² Там же. – С.104.

³ Каландаров, Н.А. Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович. – Душанбе, 2004. – С.7

⁴ Там же. – С.9.

обогащением» и вышел в свет перевод повести Айни «Смерть роставщика», сделанный Ольгой Александровной ещё в 1956 году.¹ Однако необъективность такого утверждения была столь очевидной, что Ученый совет не поддержал директора. Впоследствии Ольга Александровна рассказывала, что эта «клевета», как она её называла, получилась настолько некрасивой и неправдоподобной, что ей удалось при этом сохранить уравновешенность и спокойствие. Она писала своим близким: «...что и говорить, работать это мешает, и еще будет мешать. Как это надоело – ведь вся работа в Академии шла через эти препятствия, не имеющие никакого отношения к науке». Несколько раз О. А. Сухарева обращалась в дирекцию с просьбой освободить ее от руководства сектором.²

Но стоит отметить яркое признание этого перевода со стороны автора повести «Смерть ростовщика» С.Айни и русскоязычного литературного круга, которые дали положительную оценку качеству перевода. Отмечая значение перевода О.А. Сухаревой, писатель пишет, что «повесть эта много раз издавалась как на таджикском, так и на русском языках и получила высокую оценку советских читателей и критики в своих статьях не отметили каких-либо существенных недостатков».³

Как отмечает Бабаева Д.Х. «в её переводе мы находим все пословицы и поговорки. например, в произведении «Смерть ростовщика», они переведены не дословно, даже в их русском эквиваленте. У нас не возникает сомнений в их национальном колорите, например, поговорка «Шавад оби, нашавад лалми» переведена как «Либо выйдет, либо нет; либо дождик, либо снег», что соответствует содержанию оригинала».⁴

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.104.

² Там же.

³ Айни, С. Бухарские палачи; Смерть ростовщика. Ятим [Текст] / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1970. – С.3.

⁴ Бабаева, Д.Х. Садриддин Айни и французская литература (к проблеме литературных связей Востока и Запада на современном этапе) [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.05 / Бабаева Дильбар Хабибджановна. – Душанбе, 1996. – С.15.

На основе русского перевода О.А. Сухаревой, которая смогла перевести на русский язык пословицы и поговорки оригинала, в 1957 году, был издан французский перевод книги «Смерть ростовщика», (La mort de l'usurier. – Paris: Galliard, 1957) в переводе В. Вуано и С. Бородина. Добросовестный и мастерский перевод О.А. Сухаревой «Смерть ростовщика» предоставил новые возможности для новых переводов этого шедевра с языка-посредника на языки народов мира.¹

Анализ научного творчества О.С. Сухаревой показал также и то, что ученый не только переводила тексты книг С.Айни, но и перечитывала их для дальнейшего использования данных, приведенных С.Айни в своих исследованиях о быте населения городов Самарканда и Бухары. Так, в книге «Позднефеодальный город Бухара» встречаются многочисленные ссылки на произведения С. Айни «Воспоминания» и «Смерть ростовщика». В частности О.А. Сухарева при описании порядка работы учеников сапожника, традиции приготовление лакомств, отношения устокоров с халфа и подмастерьями, о святости традиций ремесленников, приводит цитаты с книг С.Айни, что подтверждает характер документалистики произведений С.Айни. Отмечая положение наёмного рабочего – халфа и системы бунак в Бухаре, О.А.Сухарева приводит мнение С.Айни, о чем пишет: «По прежнему сохранялась система бунака. Но возможно природа применения этого института в период разложения феодальных и роста капиталистических отношений перетерпела изменений. С. Айни трактует бунак как погашаемую частями ростовщическую ссуду, на которую нарастают проценты на проценты».²

Таким образом, следует отметить, что основное значение перевода повести С.Айни выполненный О.А. Сухаревой состояло в том, что именно благодаря русскому тексту появилась возможность для дальнейшего

---

¹ Бабаева, Д.Х. Садриддин Айни и французская литература (к проблеме литературных связей Востока и Запада на современном этапе) [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.05 / Бабаева Дильбар Хабибджановна. – Душанбе, 1996. – С.15.

² Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – С.170.

перевода этого произведения на другие языки народов мира. В этой несвойственной для своей профессии работе, О. А. Сухарева проявила свои способности знания таджикского языка и смогла сохранить в русском переводе национальный колорит и сатирическую направленность повести С. Айни. Благодаря профессионализму О.А. Сухаревой мировая литературная мысль получила в свои ряды еще одно произведение великого таджикского писателя Садриддина Айни.

ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА БУХАРЫ, САМАРКАНДА И ДРУГИХ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТРУДАХ О.А. СУХАРЕВОЙ

2.1. Историко-этнографическое изучение г. Бухары и развитие городской жизни в трудах О.А. Сухаревой

До определенного момента история городов Средней Азии не становилась объектом исследования русских и советских учёных. В основном исследователи уделяли внимание археологическому исследованию древних и средневековых городов. Исследование городов Средней Азии с точки зрения этнографии было новым направлением для исследователей в Средней Азии. Как отмечала в своих исследованиях О.А. Сухарева, «наши сведения о городах Средней Азии не могут идти ни в какое сравнение с тем, что известно о средневековых городах России и Западной Европы».¹

Начиная с начала 30- годов XX века, О.А. Сухарева начинает собирать материал о жизни, быте и населении городов и основным объектом ее исследований становятся её родные города, в которых она выросла. Само исследование состояло из нескольких этапов: вначале она приступает к исследованию обрядов, изучает семейные отношения городских жителей, наблюдает за историей одежды и национального костюма местных жителей, их верований, традиций и других направлений городской жизни.² Таким образом, был собран объемный материал из жизни города и городских жителей.

---

¹ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.34.

² Сухарева, О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. – Ташкент, 1928. – Вып.1. – С.73-89.; Она же. Мать и ребёнок у таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Иран, III. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С.107-154.; Она же. К истории развития самаркандской декоративной вышивки [Текст] / О.А. Сухарева // Литература и искусство Узбекистана. – Ташкент, 1937. – Кн.6. – С.119-134.; Она же. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – М., 1940. – №3. – С.172-176.; Она же. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.; Она же. Этнографическая работа Самаркандского музея [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1949. – №1. – С.198-200.

В начале 50-х годов XX века, О.А. Сухарева приступает к следующему этапу изучения городов - исследованию топографии, истории и развития городской жизни, анализируя и сопоставляя их со своими прежними исследованиями.

Первые печатные издания были посвящены городу Бухарев 1954 году вышли две статьи ученого, посвященные исторической топографии Бухары. Первая статья¹, по топографии города X-XII вв., была издана в XXVII томе Трудов Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Вторая статья², об исторической топографии Бухары первой половины XVI века, была издана в Известиях Академии наук Таджикской ССР г. Душанбе. Интерес к исследованию топографии города Бухары был обусловлен быстрым ростом города и изменением расположения его кварталов, которые расширялись за пределами городской стены. Поэтому было необходимо составление новой топографии города, которая бы отражала новые формы городского строительства. Ссылаясь на ранние труды историков, а также на составленные в разные периоды плана города, О.А. Сухарева определила причины изменения топографии города. Был приведен анализ карт составленных в досоветский период и в советское время. Следует отметить, что для исследования О.А. Сухаревой, использовались планы города Бухары: Д.Г. Мессершмидта, составленный в первой половине XVIII века, план города, составленный в 1832 году Э. А. Эверсманом, план Яковлева-Ханькова 1843 года, план из архива П. И. Лерха относящийся к середине XIX века, план подполковника Родионова от 1893 года и план Парфёнова-Фенина, датированный 1910 годом.³ Единственной топографической картой

---

¹ Сухарева, О.А. К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв. [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1954. – Т.27. – С.25-40.

² Сухарева, О.А. К исторической топографии Бухары первой половины XVI в. [Текст] / О.А. Сухарева // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – Сталинабад, 1954. – С.153-166.

³ Аминов, Ф.М. Бухара и русское востоковедение [Текст] / Ф.М. Аминов // Молодой ученый. – 2015. – №22 (102). – С.650-652.

города советского периода являлась карта города, составленная профессором Д.А. Морозовым во время его поездки в Бухару в 1923-1924 годах.¹

К концу 50-х годов, О.А. Сухаревой было завершено сбор и анализ собранных материалов по городу Бухары и в 1958 году выходит ее книга под названием «К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки»,² в которой была дана общая характеристика истории и быта городов, охватывая в равной степени оба направления. В этой работе автор анализирует экономическую и социальную историю городов, указывая при этом быт и занятия населения городов, с выявлением их роли в развитии городского хозяйства. В предисловии к книге, автор, излагая цель исследования, пишет, что ее работа не претендует на историческое сочинение об истории городов, оно больше напоминает исследование образа жизни населения трех крупнейших городов Бухарского ханства – Бухары, Карши и Шахрисабза во второй половине XIX - начале XX веков. Впервые ученый сделал попытку установления связи этнографического и исторических исследований посредством изучения этнического, профессионального и классового состава городского населения и дополнил исторический материал по истории городов Бухарского ханства.

Историко-этнографическое изучение городов Средней Азии стало ярким событием и новизной для среднеазиатской науки, в этом плане стал интересным факт заимствования данного направления исследования у ученых- историков и этнографов Европы и России. В этнографии городов автор выделил такие факторы как особенности быта, одежды, род занятий, образ жизни и обычаи городских жителей. Ученый, как и в других работах, указывает на один из факторов, а именно завоевание и присоединение региона к Царской России, вследствие которого, изменился стиль архитектуры города, образ жизни его населения, их занятия и одежды. Было

---

¹ Аминов, Ф.М. Бухара и русское востоковедение [Текст] / Ф.М. Аминов // Молодой ученый. – 2015. – №22 (102). – С.650-652.

² Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 150 с.

отмечено, что несмотря на то, что после присоединения к Царской России Средняя Азия превратилась в сырьевой придаток и рынок сбыта своих товаров, но при для развития местной промышленности и ухода от кустарного производства были созданы благоприятные условия.¹ Также, после присоединения к Царской России, автор отмечает, что было отменено рабовладение и набеги туркменских племен в Иран с целью захвата рабов и продажи их на невольничьих рынках Средней Азии, прекращение междоусобных феодальных войн, что очень позитивно отразилось не только на политической жизни края и общества, а также то, что города русского Туркестана начали довольно быстро терять феодальный облик, где прежде внешним выражением которого была городская стена с воротами, запиравшимися на ночь.² В завершении исследования о городах Бухарского ханства, О.А. Сухарева делает вывод о том, что форма общественного строя этих городов вплоть до конца XIX века оставался феодально-патриархальным. Таким образом, феодализм как общественно-экономическая формация, с элементами надзора власти эмира и его чиновников и влияние духовенства привел к тому, что весь облик горожан и уклад их жизни сохраняли застойные, традиционные формы.³

В 1958 году, была издана статья О.А. Сухаревой, под названием «Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX- начала XX в.)», в котором дискретизм заменяется синхронным методом исследования, и автор посвящает работу изучению быта и ремёсел городских жителей. На основе выбранной темы, автор приходит к заключению о том, что именно профессиональный тип деления города, стал основой для его дальнейшего развития.⁴ В этой работе автор впервые поднимает проблему квартального поселения жителей городов Средней Азии, что привело в

---

¹ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.143.

² Там же. – С.28.

³ Там же. – С.145.

⁴ Сухарева, О.А. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX- начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // КСИЭ. – М., 1958. – Вып. 30. – С.121-129.

будущем к отдельному исследованию квартального расселения населения города, выполненного на примере города Бухары. Исследование этого города с точки зрения этнографии, имеет большое значение, поскольку частые междоусобные войны и набеги кочевых племен, вследствие чего происходила смена населения и ее ассимиляция, что приводило к потере самобытности местного аборигенного населения и именно для сохранения этого состояния, необходимо было зафиксировать полученные данные в рамках отдельной этнографической работы.

В 1962 году была издана монография «Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность».¹ Как отметил сам автор: «Основным источником настоящего исследования явились воспоминания престарелых бухарцев-ремесленников; статистические материалы в Эмирской Бухаре не составлялись, да они и не могли бы вскрыть всех процессов, которые зарождались в промышленности того времени. Выполнить задачу, поставленную перед собой автором, было бы невозможно без активной помощи старшего поколения бухарских ремесленников, которые с большим сочувствием и доброжелательностью отнеслись к проводимой работе, щедро делясь с автором своими знаниями и богатым опытом, добросовестно припоминая то, что пришлось пережить или узнать им самим».²

В следующей монографии вышедшей в 1966 году под названием «Бухара XIX- начала XX в. (позднефеодальный город и его население)»³ автор даёт характеристику населения города, исходя из рода его занятий в тех отраслях, которые были отмечены в первой книге. Тематика этого монографического исследования охватила топографию города, степень изученности истории города, список и строение улиц, рынки, караван-сарай,

---

¹ Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.

² Там же. – С.15.

³ Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.

мечети, бани и другие общественные строения города. Ученый также пишет о численности населения и структуре бухарской семьи.

В нашем исследовании важно отметить особое отношение О.А. Сухаревой не только к истории и жизни местного населения, а также лингвистическому исследованию города. Она отмечает Бухару как таджикоязычный город и приводит сведения Юлиуса Клапрота, посетившего город в 1805 году и встретившего бухарцев в Казани, обнаружив, что разговаривают на персидско-таджикском языке. В ходе исследования автор анализирует родоплеменное происхождение жителей города и проводит опрос населения с целью определения их национальности. В работе также приведены обычаи, традиции, мероприятия жителей города.¹

Таким образом, эти две работы определили ход дальнейших исследований О.А. Сухаревой, поскольку она в дальнейшем работала над бытом и занятием городских жителей. Ее авторитетное мнение относительно быта городского населения отразилось в ее работах по ремесленному производству, условиям быта и занятия горожан, которые были включены в книгу по истории Узбекистана.²

Немалое внимание в трудах О.А. Сухаревой было также уделено вопросу характера внутренней бухарской торговли. Широкий спрос изделий бухарских ремесленников привел к полному отделению ремесла от сельского хозяйства. Ученый отмечает, что развитию товарной промышленности города Бухары способствовали и чисто местные, специфические условия. Бухара – столичный город, который находился в привилегированном положении; жители города, в том числе и ремесленники, освобождались от очистки арычной сети и работ по поддержанию санитарного состояния дворов – это делали за них крестьяне пригородных округов. Здесь были

---

¹ Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – С.8.

² Сухарева, О.А. Города и селения Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.122-137.; Она же. Ремесленное производство [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.174-201.; Она же. Бытовые условия жизни народных масс [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.491-510.

лучше организованы все виды коммунального обслуживания, вплоть до доставки воды на дом водоносами и продажи в кварталах кипятка для заваривания чая. Развитая городская торговля обеспечивала население всем необходимым. В течение последнего столетия (XIX в.) налоговый гнет был здесь ослаблен. В результате развития промышленности удельный вес ремесленников в составе населения города Бухары был очень велик. Из-за отсутствия статистических данных число ремесленников, работавших в Бухаре в конце XIX – начала XX в., точно не установлено, однако несомненно, что ремесленники представляли собой весьма значительную часть горожан, их насчитывалось не менее чем 10-15 тыс., а вместе с семьями они, вероятно, составляли более 25% городского населения.¹

В 1976 году вышла ещё одна работа О.А. Сухаревой под названием «Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов)».² В этой работе, была отмечена и исследована структура городских кварталов. О.А. Сухарева приводит значение названий 202 кварталов, которые она разделяет на джарибы.³ Важно отметить, что первый джариб под названием «Шайхи Рангрёз» состоял из 18 кварталов и полностью составлял таджикское население, в который также входило три квартала евреев. В монографии имеется подробное приложение с схемой джарибов, топографическим указателем описи ворот города и кварталов, махала, гузаров (улиц), рынков, общественных заведений, мечетей, медресе, мазаров, источников воды, мостов, садов, пахотных земель и огородов.⁴

Несмотря на то, что публикации, посвященные Бухаре имели этнографический характер, но в некоторых вопросах они выходила за рамки своих исследований, в результате чего имелись случаи обнаружения какой-

---

¹ Валиев, А., Мирзоев, М. Некоторые вопросы ремесленного производства населения Средней Азии в трудах О.А. Сухаревой [Текст] / А. Валиев, М. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2020. – №6 (89). – С.246-249.

² Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 365 с.

³ Районов. Прим. автора.

⁴ Там же.

либо неясности и противоречий в фактах. Так, например в 1976 году, автор выразила сомнение в датировке медресе Халифа Ниезкули (Чор-минор) в Бухаре.¹ Исследовав документы из архива датированных периодом конца XVII, она обнаружила упоминание об этом объекте. Исходя из этого, О.А. Сухарева определила дату строительства этого здания концом XVII века. Ученый Анке фон Кюгельген в результате своего исследования в 2004г. отметил, что дата с надписи на здании относится не к строительству здания, а к передаче его в вакуфные системы.² Подобное название также встречается и в Дарвазском районе Таджикистана, где в 2012 году, был найден архитектурный объект, остатки которого были условно названы «Панчманор», что доказывает, что оба здания получили своё название от количества минаретов «Чор манор» – «четыре минарета» и «Панч манор» – «пять минаретов».³ Ссылаясь на сведения средневековых источников, таких как Наршахи, Муллозода, «Гулшан аль-мулюк» и другие О.А. Сухарева проводит детальный исторический, семантико-лингвистический и этнический анализ кварталов и улиц Бухары, что позволило выявить не количественный состав населения города, но и род занятий, начиная от средневековья до начала XX века. Ученый отметила взаимосвязь роста города за счет кварталов на основании указанных источников, что позволяет определить историю развития города в каждой исторической эпохе. Научная значимость исследований О.А. Сухаревой также в том, что ученым были исследованы и проанализированы материалы архивов Бухарского эмирата, кушбеги Бухары, вакфные грамоты и другие первоисточники для составления истории развития кварталов города. Ученый провела классификацию названий кварталов Бухары, разделив их по именам

---

¹ Аминов, Ф.М. Бухара и русское востоковедение [Текст] / Ф.М. Аминов // Молодой ученый. – 2015. – №22 (102). – С.650-652.

² Кюгельген фон, А. Легитимация Среднеазиатской династии мангитов в провидениях их историков XVIII-XIX вв. [Текст] / А. фон Кюгельген. – Алма-Ата: Дайк-пресс, 2004. – С.78.

³ Смирнова, Л.О. Датировка Чор манор в Бухаре, Узбекистан [Текст] / Л.О. Смирнова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2020. – №2. – С.176-189.

отдельных личностей, по названиям мазаров, по именам мифических персонажей и согласно профессий жителей.¹

Классификация названий кварталов, анализ их национально – этнического состава и языков, а также и другие виды сравнения показали, что жители Бухары разделены О.А. Сухаревой на следующие группы: таджикоязычные бухарцы, таджики, персы (иранцы), узбеки, евреи. К таджикоязычным и таджикам Бухары автор относит коренных жителей города Бухары, родственные корни которых насчитывают более 300 лет². Ученый относит к таджикоязычным бухарцам жителей города, которые учатся в таджикских школах и говорят дома на таджикском языке, но при опросе называют себя узбеками³.

Тюркоязычные узбеки из числа жителей Бухары в основном относятся к потомкам сипахов-тюрков, служителей двора эмира Бухары и военным чиновникам. Также тюркоязычное население города составляют кочевники, переселившиеся в Бухару в результате миграции в период позднего средневековья.⁴

Таким образом, исходя из проведенного О.А. Сухаревой исследования, можно прийти к выводу о том, что Бухара являлась таджикоязычным городом, как в период средневековья, так и в более позднее время и так же в период проведенных ученым исследований. Об этом также говорит активность таджикоязычного населения в строительстве города. Каждому вновь построенному зданию – дому, мечети, минарету, стене города и т.д. давалось таджикское название, что свидетельствовало о степени влияния этого языка в городе.⁵ При этом таджикский язык сопровождал этот город во все периоды ее истории. О.А. Сухарева приведен факт строительства стен

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1766. – С.277.

² Там же.

³ Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – С.123-124.

⁴ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.300.

⁵ Там же. – С.302.

города в годы правления эмира Абдуллахана 1557-1598, когда некоторые части оставались за пределами города и жители дали им название таджикское название Дилкушоидарун (сердце, открывающееся внутрь) и Дилкушоиберун (сердце, открывающееся наружу), что говорит о таджикоязычности его жителей.¹

Ученый передает чувства родства не только по профессиям и по генеалогии, но она также показывает жителей Бухары хранителями традиций города. Так, она указывает на институт «шафатталош» который был характерен для населения Бухары. Суть этого института состояла в том, что жители кварталов не допускали продажу дома в квартале для чужих лиц (в связи с историей кварталов). Если хозяин дома пытался продать дом чужому человеку, то жители квартала поднимали шум (шафатталош) и право на покупку домовладения оспаривали не только непосредственные соседи, но, если последние отказывались от покупки, претендентами с полным правом могли выступить другие жители квартала.² Таким образом, жители сохраняли родственные отношения в своем квартале.

Следует отметить, что при анализе кварталов автор приводит топографию кварталов, отмечая развитие города по этим планам. Также по этим планам она указывает на изменение или сохранение топонимики каждого квартала города. Так, согласно плану Бухары, из архива Лерхаона город состоял из 12 кварталов, в которые входили следующие махалла:

Козиён (северный); Гаукушон (восточный)

Моркушон (северо – восточный);

Гаукушон (восточный);

Бозори ходжа (к югу от Гаукушон);

Суфиён (юго – восточный);

Хыёбон (южный);

Адрасбофон (юго – западный);

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.302.

² Там же. – С.71.

Джуйбор (западный);
Кулолгарон (западный);
Чашма Аюб (северо – западный);
Мурдашуён (северо – западный);
Регистон (центральный).

О.А. Сухарева дает также подробное описание жизни каждого квартала, что говорит о том, что ученый проводила много полевых исследований в каждом отдельном квартале. Ее анализ кварталов охватил следующие элементы: топонимика, занятие населения, количество домов, язык жителей, их этническая принадлежность, уровень жизни. Ученый характеризует некоторые кварталы города следующим образом: квартал Шайхи Рангрез («Старец красильщик»), второе название Дарвозайи Кавола («Ворота Кавола»). Квартал состоял из 41 дома. Население было таджикоязычное. Занимались мелкой торговлей и ремеслом. Жили здесь также землевладельцы. Их земли находились за городом, земледелием они не занимались и в большинстве сдавали землю в издольную аренду. Но так как они жили на доходы с земли, их называли «дехкон». Квартал Халифа Хусайн (собственное имя). Квартал состоял из 24 домов. Жители были таджикоязычными, но называли себя узбеками. Занимались главным образом торговлей, отчасти разными ремеслами. Специализации по одной профессии не наблюдалось. В квартале находился один из крупнейших суфийских центров – Хонако Халифа Хусайна, где совершались по пятницам громкие радения (джахр). Квартал Мухаммад Косим (собственное имя). По сообщениям, квартал состоял из 46 домов. Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. В небольшом числе здесь жили персы (иранцы). Жители квартала являлись в основном мелкими торговцами, торговали, в частности, пряностями (аттори). Квартал Поччо – ходжа (Зять – ходжа). Квартал состоял из 51 дома. Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Квартал Кокила, или Кокилайикалон («Большое Кокила»). Квартал состоял из 93 домов. Население было таджикоязычное, но считало

себя узбеками. Квартал Куйи мургкуш (Улица убивающих птиц или кур). Квартал состоял из 52 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, некоторые семьи причисляли себя к узбекскому племени мангыт. Особый интерес для понимания состава городского населения имеют названия кварталов, обозначающие профессии. Таких названий в конце XIX – начала XX в. было 29. Особенно много среди них названий ремесел и ремесленников: Дегреси (литье котлов), Мехчагарон (гвоздари), Сузангарон (игольщики), Аррокимисгари (Аррок медников), Зангулясози (выделка колокольчиков), Косагарон (гончары – чашечники), Харротон (токари), Хуллабофон и Пухтабофон (ткачи), Тагбандбофон (ткачи, вырабатывающие пояса), Алоканбандон (мастера басонных изделий – изготовление тесьмы, кистей и пр.), Зехтоби (изготовление тесьмы или струн), Чармгарон и Кемухтгарон (кожевенники), Сарроджон (шорники), Собунгарон (мыловары), Сиёкорон (чернильщики старой обуви), два квартала Пустиндузон (шубники), Буйробофон (плетельщики циновок), Равгангарон (маслоделы), два квартал Писташиканон (мастера по обработке фисташек и урюковых косточек), Гаукушон (вероятно, мясники, закалывавшие крупный рогатый скот), Сорвоно (погонщики верблюдов), Мурдашуён (Обмывальщики мертвых). Как показал опрос, в большинстве этих кварталов жители сохраняли до конца XIX – начала XX века свою профессию, определившую эти названия. Население Бухары, по мнению О.А. Сухаревой, в середине XIX века, составляло около 85 000-90 000 жителей. В это число были включены и те 9-10 тысяч студентов медресе, данные о которых приводит член русского посольства Н.В.Ханыков, а также 10-15 тысяч жителей эмирского дворца арка.¹ Согласно сведениям английского шпиона А.Бернса в Бухаре в начале XIX века проживало 150 000 человек, по сведениям русского военного Виткевича население составляло приблизительно 100 000 человек, а по данным М. Вольфа 180 000 жителей. В

---

¹ Кюгельген фон, А. Легитимация Среднеазиатской династии мангытов в провидениях их историков XVIII-XIX вв. [Текст] / А. фон Кюгельген. – Алма-Ата: Дайк-пресс, 2004. – С.25.

1898 году, Н. Ситняковский насчитывает население города в 68 500 и 80 000 жителей. Но все эти цифры носили нарративный характер или строились на основе личных подсчетов исследователей исходя из примерного количества домов. Но практика показывает, что эти цифры не отражают реальное количество населения города. Так, например, по переписи населения 1926 года, в Бухаре оно составило только 41 839 человек.¹

Таким образом, исследование О.А. Сухаревой показало, что столица Бухарского эмирата – город Бухара была городом чрезвычайно расчлененным. Из всех среднеазиатских городов лишь число кварталов Ташкента было несколько большим, чем в Бухаре (свыше двух с половиной сотен). Остальные города Средней Азии по числу кварталов не могли идти в сравнение ни с Ташкентом, ни с Бухарой: Самарканд не насчитывал, судя по имеющимся данным, и ста кварталов, в Ходженте, по уточненным данным было 146 кварталов, Китаб состоял из 42 кварталов, а Куляб – всего из 17 кварталов.² Ученый приводит также статистику населения других городов конца XIX века, население которых росло быстрыми темпами за счет увеличения промышленности этих городов. Так, согласно переписи 1897 года в Коканде было 81 с лишним тысяч жителей, а к 1913 году население возросло до 113 с половиной тысячи человек.³

Анализ топонимики, улиц, кварталов, профессий, имен и других элементов города Бухары, непременно приводил к вопросу о автохтонности этих терминов. О.А. Сухарева в своих исследованиях называет Самарканд и Бухару таджикоязычными городами. Заметим, что по отношению к некоторым таджикоязычным категориям населения Бухары ученый использует термин «форс» или «ирани», что имеет одинаковое значение.⁴ Она объясняет это тем, что данный термин стал более распространённым

---

¹ Кюгельген фон, А. Легитимация Среднеазиатской династии мангитов в провидениях их историков XVIII-XIX вв. [Текст] / А. фон Кюгельген. – Алма-Ата: Дайк-пресс, 2004. – С.25.

² Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.323.

³ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.34.

⁴ Там же. – С.82-83.

после так называемой «шиитской резни» 1910 года. Обострение отношений между суннитами и шиитами Бухары привело к тому, что прежние названия «ирани», «марви» стали употребляться остальными лишь за глаза, приобретая оттенок оскорбительности и враждебности. Вследствие этого, исходя из изданий «Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923-1924 год» и материалов переписи населения 1926 года Бухаре, она предлагает принять их новое и уже укоренившееся в быту бухарцев название – «форс».¹ При этом она также отмечает тот факт, что Бухара обладала своим собственным диалектом языка, на котором и говорило население города. Ученый отмечает, что «в написании отдельных слов и выражений отражено местное, бухарское произношение, с его диалектными особенностями; например, вместо «рафтанд» - «рафтан», вместо «хаммом» - «хамбом» и т. д. в соответствии с современным таджикским алфавитом йотированные звуки передаются как «я», «ю», «ё». Так как в таджикском языке ударение падает на последний слог и это правило нарушается лишь в определенных случаях (например, не получает ударения изафет, произносящийся слитно со словом), то в тексте иногда, а в указателях везде дается ударение, падающее не на конец слова, во всех остальных случаях следует читать с ударением на последнем слоге. Труднее всего язык осваивался приезжими семьями узбеков, которые во втором поколении уже осваивали таджикский язык».²

Таким образом, этнографическое исследование О.А. Сухаревой показало, что значительная часть названий бухарских кварталов – таджикская. Даже в названиях, представляющих собой имена собственные, где сравнительно велик процент узбекских имен, из 79 названий – таджикских 48, а узбекских 31. Следует, однако, отметить, что среди названий кварталов XVI-XVIII вв. встречается много таких, которые произошли от имен специфически узбекских: Амир Тин – Кылыч, Кучкор –

---

¹ Тохтиев, Ш.Р. Краткая История Самаркандских и бухарских ирани [Текст] / Ш.Р. Тахтиев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №33 (287). – Вып.13. – С.124-129.

² Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.18.

бек бий, Тарматой – бий и другие. Этот факт, несомненно, стоит в прямой связи с политическим усилением узбекской племенной знати в XVI-XVIII вв., когда в столицу Бухарского эмирата переселилось много степняков, значительная часть которых попала в привилегированное военно-служилое сословие, а часть – в состав высшего чиновничества и знати. Занимаясь строительством культовых зданий, в частности квартальных мечетей, они давали им свои имена, которые затем становились названиями кварталов. Из названий, не являющихся именами людей, таджикских оказалось 145, в то время как узбекских было только 13, причём одно из них таджикско-узбекское. Если подытожить проделанные нами подсчёты, оказывается, что всего в названиях кварталов XIX – начала XX вв. таджикских элементов было – 173, узбекских – 47, неопределённых – 35. Эти данные ещё раз доказывают, как сильна была в Бухаре таджикская языковая традиция, опирающаяся на таджикское происхождения основной, старой части Бухары.¹

Обладая огромным опытом по исследованию городов, О. А. Сухарева всегда делилась своими знаниями с молодыми учёными. Трепетное отношение у нее было к представителям таджикской науки. В 1982 году, находясь в состоянии болезни и в преклонном возрасте, она, тем не менее, находила силы для издания совместной статьи с молодым таджикским этнографом Н.О. Турсуновым,² который как мы отмечали, кандидатскую и докторскую диссертации защитил под руководством О.А. Сухаревой. В совместном исследовании ученые выдвигали свои идеи относительно возникновения и развития г. Кунграда. Возникновение этого города имеет множество легенд. Новые археологические и этнографические данные свидетельствуют, что на территории близких к нынешнему Кунграду существовало множество памятников старины. Исследование О.А. Сухаревой и Н.О. Турсунова, показало, что важнейшими признаками

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.270.

² Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.10-48.

поселений являются занятия населения и значение населённого пункта в жизни всего региона или его части. Помимо этих признаков в разработанной ими типологии указывались и другие факторы, влиявшие на формирование поселений, в том числе статистические данные о численности населения, особенно необходимые при составлении классификации городов.¹

При исследовании городов и в частности города Бухары, О.А. Сухарева не ограничивалась методологией изучения истории и этнографии и использовала методы исследования разных наук. Так, при исследовании экономического состояния г. Бухары, она на одной странице указывает на этические, юридические, экономические нормы, подытоживая все это этнографическими выводами. Здесь мы встречаем такие категории как этика поведения, производственные отношения, юридическая ответственность, что говорит о широте ее знаний в различных отраслях науки.² Широкое применение в ее методике также имели категории фольклористики, литературоведения, этногеографии, географии, этнолингвистики, этнической антропологии, этнической истории, этнопсихологии, и других вспомогательных для этнографии наук. Также в исследовании городской жизни, заметно использование метода историзма, историко-этнографического обзора и анализа, которые были применены О.А. Сухаревой в монографии «Квартальная община позднефеодального города Бухара». В этой работе ученый затрагивает топографию кварталов, быт и ведение хозяйства, исторические корни жилых кварталов. Как этнограф, автор начинает своё исследование с того, что дает описание и характер быта населения города, указывает на роль кварталов в жизни жителей и в конце дает характеристику топографии и истории отдельных кварталов. В отличие от исторического метода, в котором исследователи ставят изучение истории на первое место, О.А. Сухарева ставит исторический обзор кварталов на

---

¹ Сайманов, С.С. Из истории города Кунграда [Текст] / С.С. Сайманов // Материалы Второго форума гуманитарных наук «Великая степь». – Астана, 2017. – С.330-335.

² Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – С.166.

последнее место, тем самым указывая на этнографическое направление своего исследования. Относительно этого метода ученый отмечает следующее: «Имея глубокие корни и истории народных масс, организуя и направляя течение их повседневной жизни, она породила стройную этическую систему, основанную на демократических устоях, сложившихся еще в доклассовом обществе. Общинные традиции вносили много хороших черт в народный быт. Прекрасные законы взаимопомощи, гостеприимство и уважение к старшим, древний принцип равенства всех достаточно умудренных годами членов общины, место которых в ней должно определяться богатством, накопленного им в течение долгой жизни опыта, сохранились, несмотря на многие века господства классового строя».¹

Таким образом, подводя итоги исследования о вкладе О. А. Сухаревой в изучение города Бухары, стоит отметить, что отражение истории развития города Бухары и этнографии городской жизни в трудах О. А. Сухаревой занимало особое место. Не ограничиваясь в пределах этнографии, ученый исследовала историю, экономику, культуру города Бухары, соединяя все эти данные с этнографическими категориями исследования относительно быта горожан. Исследование городов в научном творчестве О.А. Сухаревой дополнило тот пробел мало изученности быта жителей Бухары, который был на тот период. Именно благодаря циклу работ ученого об этом городе удалось выявить, что даже в 30-70 гг. прошлого столетия, когда ученый проводила свои исследования, язык общения жителей Бухары продолжал оставаться таджикским, что стало весомым доказательством признать Бухару таджикским городом.

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.338.

2.2. Исследование этнического состава городского населения в трудах

О.А. Сухаревой

Одним из достижений исторической и этнографической науки на территории Средней Азии было то, что здесь одновременно с проведением исследований, учёным и в частности русским и советским исследователям приходилось разработать определённую методику, которая бы соответствовала психологии и характеру местного населения. Период конца XIX и начала XX веков, поставила перед учёными ряд сложных задач, которые требовали внедрения новых методов работы и их постоянного совершенствования в зависимости от быстро развивающихся политических и экономических событий в обществе. Целый ряд революционных изменений создали ситуацию, при которой в обществе произошёл коренной перелом, повлиявший как на сознание, так и на быт населения. Исходя из этого, учёным-этнографам приходилось также постоянно изменять свою методику исследований и работы с местным населением, которое рассматривалось в качестве главного источника этнографических изысканий. После Великой Октябрьской социалистической революции и начавшейся переоценке научных ценностей на основе классового подхода, метод полевых исследований также изменился. В состав опрошенных информаторов входили лишь неимущие и бедные слои населения, что во многом осложнило работу ученых, поскольку основные артефакты и реликвии были достоянием имущих слоев населения.

На данном этапе исследования нас интересует, прежде всего, вопрос определения этнического состава городов Средней Азии - Самарканда и Бухары на основе приведённых фактов в работах О.А. Сухаревой, которая особо не останавливается на этом аспекте, хотя некоторые ее концепции ярко выражают их этнолингвистический характер.¹

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.; Она же. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т. XXI. – С.299-

Особое место в рассмотрении данного аспекта занимает совместная работа О.А. Сухаревой и таджикского этнографа Н.О. Турсунова «Из истории городов и сельских поселений Средней Азии»,¹ опубликованная в 1982 году. По данной тематике также привлекают внимание труды русских ученых дореволюционного периода. Так, в монографии А. Шишова «Сарты» и «Таджики»² показана специфика этнического вопроса в Центральной Азии, в особенности его спорные аспекты относительно роли таджикского народа. Также этнические вопросы затронуты в работе А.А. Семенова «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратыгина и Дарваза».³ Ценные этнографические материалы о таджикском этносе собраны Д.Н. Логофетом,⁴ М.С. Андреевым и А.А. Половцевым и другими исследователями.⁵ Важные сведения об этнических проблемах Средней Азии дает С.М. Абрамзон,⁶ который исследует население Таджикистана периода 30-х годов XX века и в частности этнические границы тюркских и таджикских поселений на территории Памира.

353.; Она же. Квартальный город Бухара. – М., 1964.; Она же. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.; Она же. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. [Текст] / О.А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т.26. – С.101-112.; Она же. Участие женщины в товарном производстве тканей и одежды у таджиков в конце XIX - начале XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Ближний и Средний Восток. – М., 1980. – С. 203-212.; Она же. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюция [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.77-103.

¹ Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.27.

² Шишов, А. Таджики [Текст] / А. Шишов. – Ташкент, 1910. – Ч.1. – 324 с.; Алматы, 2006. – 392 с.

³ Семенов, А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегины и Дарваза [Текст] / А.А. Семенов. – М., 1903. – 112 с.

⁴ Логофет, Д.И. В долинах рек Хингоу и Арзынга (Путевые очерки по Восточной Бухаре) [Текст] / Д.И. Логофет // Военный сборник. – 1913. – №2 (3). – С.173.

⁵ Андреев, М.С., Половцев, А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан [Текст] / М.С. Андреев, А.А. Половцев // СМАЭ. – 1911. – Т.IX. – С.4-41.

⁶ Абрамзон, С.М. Манапство и религия [Текст] / С.М. Абрамзон // Советская этнография. – 1932. – №2. – С.82-97.; К вопросу об изучении населения Таджикистана [Текст] // Проблемы Таджикистан: сборник. – Л., 1934. – Т.II. – С.169-176.; Он же. Добыча золота - один из древнейших промыслов горных таджиков [Текст] / С.М. Абрамзон // Советская этнография. – 1971. – №2. – С.114-122 (в соавторстве с Н.А. Кисляковым); Он же. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежнее кочевников и полукочевника (на пример казахов и киргизов) [Текст] / С.М. Абрамзон // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1973. – С.235-249.

Следует отметить, что эти ученые в основном сосредоточились на исследовании населения горных регионов, тогда как О.А. Сухарева посвятила свои исследования городским жителям. Ученый исследовала материальную культуру города, в форме профессий и ремесла, а также одежды городского населения и поэтому ее работы в выборе объекта отличались от антрополого-этнографических исследований других ученых дореволюционного и раннего советского периода. Город-производитель, а не деревня с ее патриархальными порядками был предметом исследований О.А. Сухаревой, что и определило контур ее работ и их оригинальность по сравнению с работами других исследователей. В дальнейшем эта ее мысль получила свое развитие в трудах и работах ученых современного периода.¹ Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса нами также были изучены работы таджикских исследователей советского периода затрагивающих вопрос этнического состава населения Самарканда и Бухары советского периода. Эти вопросы нашли отражение в трудах теоретиков советской исторической науки,² внесших серьезный вклад в разработку вопроса этнического состава городов Самарканда и Бухары, с точки зрения национального самосознания, что было вызвано рядом дискриминационных решений советского периода в данном вопросе.

---

¹ Анарбаев, А.А. Урбанистические традиции Ферганы [Текст] / А.А. Анарбаев // Изучение культурного наследия Востока. – СПб., 1999. – С.65-66.; Буряков, Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры ташкентского оазиса [Текст] / Ю.Ф. Буряков. – Ташкент, 1982. – 212 с.; Исомиддинов, М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда [Текст] / М.Х. Исомиддинов. – Ташкент, 2002. – 255 с.; Мамбетуллаев, М.М. Формирование городов Хорезма [Текст] / М.М. Мамбетуллаев // Генезис и пути развития процессов урбанизации Средней Азии: Тезисы докладов международной конференции. – Самарканд, 1995. – С.76-78.; Эшов, Б.Ж. История формирования и развития Раннегородской культуры Средней Азии [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: Эшов Боходир Жураевич. – Ташкент, 2008. – 48 с.

² Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя средневековая культура [Текст] / Б.Г. Гафуров. – М.: Наука, 1972. – 657 с.; Исаков, А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Раскопки 1977-1983 гг. [Текст] / А.И. Исаков. – Душанбе: Дониш, 1991. – 156 с.; Искусство таджикского народа [Текст] / под ред. Б. Искандарова, Н. Нурджанова. – Душанбе: Дониш, 1979. – Вып.4. – 152 с.; История таджикского народа. Древнейшая и древняя история [Текст] / под ред. Р. Масова. – Душанбе: Суруш, 1998. – Т.1. – 751 с.; Масов, Р.М. История топорного разделения [Текст] / Р.М. Масов. – Душанбе, 1991. – 192 с.; Негматов, Н.Н. Государство Саманидов. Хорасан и Мавераннахр в IX-X вв. [Текст] / Н.Н. Негматов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.; Он же. Таджикский феномен [Текст] / Н.Н. Негматов. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – 406 с.

Исследование проблемы этнических отношений в Средней Азии в работах О.А. Сухаревой нами разделены на четыре основные категории:

-во-первых, Сухарева О.А. исследует этническую принадлежность жителей городов при исследовании кварталов г. Бухары, когда в форме статистики она указывает на вопрос этнической принадлежности жителей квартала. Здесь она детально приводит количество хозяйств, язык жителей квартала, доминирующий этнос, этнический характер, этническое занятие и другие характеристики этноса;

-во-вторых, О.А. Сухарева затрагивает вопрос этнического происхождения при исследовании состава профессий, ремесел и занятия жителей Самарканда и Бухары, в ходе которого она также берет за основу лингвистико-понятийный аппарат местного диалекта, указывая на его принадлежность к тому или иному этносу. Ученый проводит классификацию профессий с их природно-этническими особенностями присущими тому или иному этносу. Здесь она обращает внимание на две общие группы – оседлость и кочевничество. Внутри этих групп она выделяет ремесла населения городов и занятия кочевников в условиях их перехода в городское хозяйство;

-в-третьих, данный аспект также изучен О.А. Сухаревой, при исследовании истории одежды, в ходе которого она широко использует этническое происхождение того или иного предмета одежды;

-в-четвертых, О.А. Сухарева затрагивает вопрос этнической принадлежности, как вспомогательный аспект в определении лингвистико-понятийного аппарата исследования элементов оккультизма, используя язык и слова оригинала и тем самым доказывая принадлежность того или иного обряда к определённому этносу.

В свете указанных подходов, развёртываются основные спектры исследования по данной проблематике. Несмотря на различие этих подходов, для нас представляет интерес тот факт, что О.А. Сухарева в основном

опирается на проблемное исследование, оставляя вопрос этнического происхождения открытым для обсуждения.

Вопрос об этническом составе городов и селений Средней Азии, традиционно был связан с занятием населения. Если в количественном отношении, тюркские народы преобладали в регионе, то в больших городах – в частности в Бухаре и Самарканде, включая их окрестности, таджики составляли большинство населения. Однако по отношению к ним применяли дополнительные формы деления, разделяя их на таджиков-бухарцев, бухарцев, афганцев, персов, что заметно уменьшало их влияние в обществе. Также в городах жили и евреи, количество которых, составляло в Бухаре около трех тысяч человек.¹ Также стоит отметить арабов, цыган, лезгин (дагестанцы) и афганцев, служивших в армии Надир Шаха. Этническими профессиями можно назвать крашение хлопка, которым занимались евреи, ремесла – таджики, религиозные деятели – саиды из числа арабов, военные чины – узбеки. Купцами и земледельцами были таджики. Среди них были и узбеки; полностью кочевые узбеки, напротив, занимались животноводством.² Интересными являются факты об этническом составе Средней Азии, которые приводит Б.С. Сафаралиев. Ученый отмечает, что в этнографическом отношении Туркестанский край в конце XIX в. представлял собой довольно сложную картину. Иранская ветвь насчитывала на его территории 357060 человек, из них 349045 таджиков и 8015 персов. По областям она распределялась следующим образом:

- Самаркандская – 230384 тыс., в том числе 85577 человек в городах;
- Ферганская 114081 тыс., в том числе 16502 в городах;
- Сырдарьинская – 4531 человек, причем исключительно в сельской местности.

---

¹ Кюгельген фон, А. Легитимация Среднеазиатской династии мангитов в провидениях их историков XVIII-XIX вв. [Текст] / А. фон Кюгельген. – Алма-Ата: Дайк-пресс, 2004. – С.26.

² Кюгельген фон, А. Легитимация Среднеазиатской династии мангитов в провидениях их историков XVIII-XIX вв. [Текст] / А. фон Кюгельген. – Алма-Ата: Дайк-пресс, 2004. – С.28.

Кроме таджиков и персов, в крае также проживало более 4762 евреев, которые разговаривали на литературном таджиком языке, и более 10 тыс. русских. В 1886 г. только в Ходжентском уезде и восьми переселенческих посёлках было 2537 русских, которые вели 628 хозяйств.¹

Состав населения Самарканда О.А. Сухарева характеризует в большей степени смешанностью, объясняя это тем, что здесь в отличие от Бухары этнический состав населения изменился в XVIII веке, когда опустевшие части города были заселены переселенцами таджиками из городов Ходжент, Ургут, и Хаваст, а также узбеками прибывших сюда из городов Ташкент, Шахрисабз, Заамин, Ямин и из-под селения Ура-Тюбе.² При этом и в Самарканде и в Бухаре приезжие узбеки переходили на таджикский язык. Этнические группы Самарканда, по мнению О.А. Сухаревой, составляли таджики, узбеки, ирани, среднеазиатские евреи, цыгане-люди, но при этом доминирующем в культурно-социальном плане оставалась таджикская этническая общность. Случаи этнического противоборства по вопросам занятости населения не имели место в городах Самарканда и Бухары, поскольку существовала четкая иерархия разделения труда, при котором никто не мог преступать через традиции города³.

Этнический состав населения в городах Средней Азии варьировался между влиянием двух этносов – таджиков и таджикоязычными народами и узбеками и тюркоязычными группами народов. Опираясь на данные статистики того периода, О.А. Сухарева приводит следующие данные об этническом составе населения крупных городов Средней Азии конца XIX века:

- в городе Ташкенте проживало 80 процентов узбекского населения;
- в городе Коканд-90 процентов узбеки;
- в городе Самарканд -60 процентов таджики;

---

¹ Сафаралиев, Б.С. Из истории духовной культуры таджикского народа [Текст] / Б.С. Сафаралиев. – Челябинск, 2011. – С.16.

² Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.35.

³ Там же. – С.36.

- в городе Бухара – большинство таджикоязычные;
- в городе Андижон - 90 процентов узбеки;
- в городе Намангон -80 процентов узбеки;
- в городе Ош -95 процентов узбеки;
- в городе Ходжент - 96 процентов таджики;
- в городе Уратюбе- 80 процентов таджики;
- в городе Канибадам – 97 процент таджики;
- в городе Чуст – 98 процент таджики;
- в городе Чимкент – 86 процент узбеки.¹

Рост населения в конце XIX века привел к еще большему укрупнению городов, что отражено в приведенной таблице.

Таблица №1

Количество населения городов Средней Азии в 1897-1910 годы

№п/п	город	год 1897	год 1910	город	год 1897	год 1910
1	Ташкент	155.5	201.1	Хива	-	20
2	Коканд	81.3	113	Канибадам	-	17
3	Самарканд	55.1	89.6	Куляб	-	10
4	Бухара	-	Около 80	Скобелев	8.9	11.3
5	Андижон	47.6	76.3	Джиззах	-	12
6	Намангон	62	73	Чуст	13.6-	18
7	Ош	34.1	47.2	Чимкент	11.1	15.5
9	Ходжент	30.1	40	Прежевальск	8.1	15
1	Уратюбе	20.6	25	Каттакурган	10	11

¹ Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.27.

Данные таблицы показывают, что особенно быстро росло население именно в тех регионах, где были созданы необходимые социально-экономические предпосылки для развития этноса.

Из указанных элементов анализа, мы пришли к выводу о том, что города Бухара и Самарканд были таджикоязычными городами на период проведения в этом городе исследования О.А. Сухаревой, которые охватили конец XIX века до 40-60-е годы XX века.

К структуре этнического расселения и занятости, О.А. Сухарева обращается, изучая процесс заселения горожан, которому она посвятила отдельное монографическое исследование о проблемах квартального деления города Бухары.¹ Для ученого важным фактором определения этнического вопроса является топонимика кварталов города, которая отражает их этническую принадлежность, а также язык жителей квартала. О.А. Сухарева определяет структуру города Бухары, состоящей из 220 кварталов.² В топонимике этих кварталов мы наблюдаем элементы таджикского и узбекского языков. Семантико-лингвистический анализ топонимики кварталов дал следующие результаты:

1. Из 220 топонимов кварталов Бухары периода конца XIX до 40-х годов XX века, 105 кварталов носят таджикские названия, в которых отражается значение данного квартала или занятия его жителей. Например, встречаются такие названия как Шайхи Рангрес, Куимургкуш, Махаллаи кухня, Поёни об, Оби равон, Махаллаи нав, Хавз инав, Шахри нав, Чукукр махала и другие. Также заметно использование окончания «он» в конце названия кварталов, что свойственно именно таджикоязычным жителям. Так, встречаются такие названия как Пухтабофон, Чармгарон, Косагарон, Сарахсиён и другие. 110 кварталов были названы именами людей и только пять кварталов носили тюркские названия;

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального город Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 364 с.

² См. Приложения

2. Языковой анализ населения кварталов Бухары показал, что из общего количество кварталов около 200 были таджикоязычными кварталами и только в 15 кварталах жили не таджики. Это были кварталы арабов, евреев и тюрков;

3. Третьим элементом отражения этнического признака был язык общения в городской среде. Исследования О.А. Сухаревой не содержат итоговые суждения автора по этому вопросу, но при анализе быта переселенцев из числа военных чинов и их потомков, принадлежавших к тюркскому роду, ученый указывает на их языковую ассимиляцию в среду города Бухары. Она в частности отмечает, что прибывшие тюркские переселенцы, первое время имели затруднения при общении с местным населением, но со второго поколения их дети и потомки уже разговаривали на таджикском языке.¹

Лингвистико–понятийный аппарат как основа определения этнического происхождения объекта исследования, особенно заметно встречается в исследовании позднефеодального города Бухары, в особенности в анализе ремесленно-производственного процесса. Используя местный говор жителей Бухары, О.А. Сухарева составляет подробный словарь всех видов ремесел в городе и на этой основе проводит изучение их историко-этнографических особенностей. Составленный словарь ремесел, приведен в конце ее работы в качестве приложения.² Автор не приводит никаких комментариев по вопросу этнического происхождения этих слов. Словарь содержит 463 производственных терминов, которые отражают производственный процесс и повседневный обиход 37 ремесел, существовавших в Бухаре в период конца XIX до 40-х годов XX века. В терминологии выделены названия профессий и ремесел, которые заканчиваются на окончании «кор» (устокор, гилкор, лойкор, содакор), «гар» (дуредгар, пардозгар, чармгар, равгангар),

---

¹ Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – С.125.

² Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – С.182-193.

«боф» (шохибоф, румолбоф, бахмалбоф), «дуз» (калушдуз, пустиндуз, кухнадуз), «соз» (кулфсоз, тунукасо, кордсоз, дувотсоз), которые ярко выделяют их таджикское происхождение. Также таджикское происхождение имеют такие окончания как банди, рези, пази, ён и другие. Заметим, что О.А. Сухарева не указывала при этом этническую принадлежность своих информаторов, но от приведенных ею слов оригинала можно прийти к выводу о национальной принадлежности ее информаторов. Но вместо этого она приводит целые словосочетания, значение которых отражает этническое происхождение информатора. В подтверждение этнического происхождения также автором приведены стихи местного фольклора, которые О.А. Сухарева перевела на русский язык. Но для нашего исследования важным является их оригинальный текст, который подтверждает этническую принадлежность ее информаторов. Ниже мы приводим текст оригинала стиха, отражающего тяжелый труд ткачих в Самарканде и в Бухаре: «Дилакам зардоб шуд аз чакчаки бофандаги. Чашмакам пур об шуд аз риштахои кандаги» что переводится таким образом: «Сердечко моё превратилось в желчь от стука ткацкого станка. Глазенки слезятся от рвущихся нитей основы».¹

Проживая в послевоенные годы в Самарканде, О.А. Сухарева в течение 12 лет, собирала материал о национальном костюме жителей этого города. В предисловие к ее монографии, замечено, что в качестве изначального пункта в характеристике понятий автор использует многочисленные термины, из самаркандского диалекта таджикского языка. При этом, этимология терминов не раскрывается и только переводится на русский язык, что как мы упомянули ранее было присуще другим работам автора.² В плане выявления этнических свойств, именно в национальном костюме выразительнее проявляются этнические особенности того или иного народа. Поэтому

---

¹ Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – С.173.

² Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.; Она же. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т.XXI. – С.299-353.

углубленные исследования вариантов эволюции традиционного костюма занимало в этнографических работах особое место.

Категории общности и социальные единицы в исследовании костюма в основном составляют духовенство, женщины, мужчины, бедные, богатые, городские, сельские жители. Однако в начале своей монографии об истории костюма жителей Самарканда, О.А. Сухарева излагает сущность объекта своего исследования и отмечает: «Носители изученного мной среднеазиатского костюма – жители Самарканда и его сельской округи – в основном принадлежали к таджикам (курсив автора М.М.), но имели в своём составе и иные этнические компоненты, вошедшие в него на разных этапах истории города».¹

Следующее направление изысканий в исследовании этнического вопроса с точки зрения исследований О.А. Сухаревой представлено в аспекте проблематики происхождения основных терминов, которые приведены в работах учёного посвящённых верованиям и оккультизму среди населения городов Самарканда и Бухары. Вопросы культа и верований являются одним из фундаментальных исследований учёного, на базе которых была построена первая половина ее научной деятельности.² В ходе своих исследований ученый в качестве объекта исследования выбирает конкретный этнос – таджиков, что отражается на определении цели исследования. В отличие от других работ учёного, этнический вопрос в этом направлении уже выявлен и автору остаётся только привести сравнение с другими этносами. Поэтому ученый приводит текст некоторых словосочетаний на таджикском языке, что подтверждает их таджикское происхождение.

Таджикские словосочетания в топонимике святых мест, охватывает огромный ареал по всей Средней Азии. Так, например, такие названия как

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.44.

² Сухарева, О.А. Пережитки анимизма у равнинных таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Сухарева Ольга Александровна. – Л., 1940. – 140 с.; Она же. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков [Текст] / О.А. Сухарева // Труды АН Таджикской ССР. Памяти М.С. Андреева. – Сталинабад, 1960. – Т.120. – С.195-207.

Шохи зинда, Шохи мардон, Тахти Сулаймон и другие святые места получили свои названия именно таджикам, что указывает на автохтонность этой части населения Средней Азии. По мнению В.В. Бартольда некоторые из этих святых мест имеют доисламское происхождение. Так, по отношению к культу Шохи зинда, ученый утверждает, что «возможно, что здесь ещё до ислама была какая-нибудь могила, почитавшаяся туземцами, и что культ этой могилы был перенесён на мусульманского святого».¹

Для более полной характеристики этнического вопроса в Средней Азии и идентификации роли этноса, следует учесть также и вопрос о формировании нации и его политического признания. Тот факт, что О.А. Сухарева избегала открытого обсуждения данного вопроса в своих исследованиях связано, по нашему мнению, с политикой национально-государственных административных образований, охвативший народы Средней Азии в 20-е годы и оставивший отпечаток на этническом вопросе в последующие годы. Как отмечает Д.Тошева, «сложно идентифицировать эти народности как согдийцев или тюрков в рассматриваемом периоде, также как и названия терминов, в значимости от политического или лингвистического контекста».² Веками жившими в мире и согласии, христиане, евреи, узбеки, таджики, русские не испытывали той ненависти друг к другу, которая могла бы толкнуть на убийство и люди были весьма открытыми в социальных отношениях.³

Еще в одной работе О.А. Сухаревой, которая была опубликована после ее смерти, исследуются таджикские традиции на примере празднования весеннего цветения.⁴ Подобное исследование проводилось впервые.

Итак, выявленные нами факторы этнического анализа научных работ О.А. Сухаревой, послужили в качестве ориентира перспективных

---

¹ Бартольд, В.В. Ислам [Текст] / В.В. Бартольд. – Петроград: Огни, 1918. – С.49.

² Тошева, Д. Двенадцать ворот Бухары. Как Бухара стала «жемчужиной Востока», а потом потеряла эту роль? [Электронный ресурс]: Интервью / Д. Тошева. – Режим доступа: <https://www.caa-network.org/archives/8598> (Дата обращения: 20.08.2022)

³ Там же.

⁴ Сухарева, О.А. Празднество цветов у равнинных таджиков (конец XIX - начало XX вв.) [Текст] / О.А. Сухарева // Древние обряды, верования и культы, народов Средней Азии. – М.: Наука, 1986. – С.3-46.

исследований теорий национального разделение труда на территории Средней Азии в последующих работах по изучению данного вопроса.

Результаты проведенного анализа работ О.А. Сухаревой по вопросу этнического состава населения городов Самарканда и Бухары, позволяют сделать некоторые выводы, частного характера, представляющие интерес для нашего исследования:

-во-первых, развивая концепцию о составе населения городов, в центр своих исследований О.А. Сухарева ставит социально-экономические аспекты. Скорее всего, это было связано с политической конъюнктурой научного сообщества, в котором она работала до переезда в Москву. При этом вопрос об этническом составе городов она не оставляет за рамки своего исследования;

-во-вторых, в трудах ученого в скрытой форме, мы замечаем преобладание таджикского этноса в Самаркандском и Бухарском оазисах, которое отражается на характере и языке ее информантов.

Таким образом, теоретический анализ работ О.А. Сухаревой показывает, что проблема этнического состава населения рассматривалась ученым в нескольких аспектах, которые охватили основные концептуальные вопросы ее исследований. В работах ученого данный вопрос имел латентный характер, что было связано с политической конъюнктурой научного сообщества, в котором она работала до переезда в Москву. Поэтому затрагивая вопросы занятия населения, их духовный и социальный быт, она оставляла вопрос этнического статуса в не поле своего исследования. Вместе с тем вопрос этнического состава городов для О.А. Сухаревой имел значение в плане исследования национального костюма, традиций, ритуалов и других этнографических особенностей населения городской среды, которые ученый выбрала в качестве объекта своего научного исследования. Самобытные черты каждой этнической общности, так или иначе, отражался на социально-

экономических механизмах его адаптации и интеграции в социокультурное пространство городского общества.¹

Исходя из этого на основе приведённых О.А. Сухаревой фактов и подтверждений, мы составили портрет таджикского этноса, который имел наибольшее влияние в культурно-экономическом пространстве городов Самарканда и Бухары. При всей совокупности приведённого нами анализа, полученные результаты не исчерпывают круг многих вопросов этнического характера в обществе городов Самарканда и Бухары, что открывает новые перспективы для дальнейшего исследования данной проблемы.

---

¹ Емельяненко, Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Емельяненко Татьяна Григорьевна. – СПб., 2012. – С.14.

2.3. Отражение социально-экономической жизни города в трудах О. А. Сухаревой

Трудно найти один объект и предмет исследования в трудах О.А. Сухаревой, поскольку ее исследования всегда носили комплексный характер и одновременно охватывали несколько направлений. Однако система и процесс ее работ показывают целые объекты, порождающие проблемную ситуацию и избранные для изучения. Ее работа по исследованию города Бухары направлено на решение конкретной проблемы – глубокий исторический и социальный анализ городской общины и оценка перехода от феодального производства к капиталистическим отношениям, который был реализован посредством целенаправленного изучения производства и их перехода на капиталистические отношения. В рамках этого исследования ученый показывает множество взаимосвязанных характеристик производственного процесса в городе, связанных с детализацией изучения всего производственного процесса с выявлением существенных свойств, связей, признаков каждой отдельной отрасли производства и в целом городского хозяйства.

Отметим, что город – относительно древняя и, вместе с тем, самая современная форма территориального расположения населения, выполняющая различные социальные, экономические, политические и культурные функции. Возникновение городов отражает ускоренный темп культурного и технологического развития общества, освоение окружающей среды, связанное с политическими процессами и экономическим развитием, а также прогрессом и особенностями социального строя. Кроме того, каждый исторический период имеет свои специфические особенности градостроительства. Развитие организационных процессов конца XIX и начало XX веков, создало условия для формирования городов регионального значения, примерами которых могут быть города Самарканд и Бухара. Опираясь на имеющиеся у нас историографические сведения, необходимо

учитывать возникновение городов, различных по типологии выполняемых ими функций и отношений с окружающими их сельскими поселениями. В период конца XIX и начала XX века, Бухара была крупнейшим центром ремесленного производства и важнейшим фактором экономики Средней Азии. Местная экономика только удовлетворяла нужды населения города Бухары и целого региона. В сотнях отраслях производства трудились десятки тысяч горожан, которые производили продукцию широкого потребления. Можно сказать, что выбранный О.А. Сухаревой анализ развития городов, рассматривается как переплетение разнородных направлений жизни городов и первостепенное значение для решения поставленных перед нею задач, составляя исследования, непосредственно направленные на структурный анализ процесса производства.

Структура городов периода конца XIX и начало XX веков состояла в основном из арки, цитадели и рабата. Важную роль в жизни городов играла деятельность рынка, которая имела ключевое значение для развития города. Было общепринято, что в указанный период самый большой рынок в Средней Азии был в городе Ташкенте, который вмещал 4500 лавок. Однако О.А. Сухарева отмечает, что в Бухаре рынок состоял из 50 базаров, и считался самым большим в регионе. Рынок Ходжента содержал 1100 лавок, Уратюбе 1165 лавок.¹ Обычно размер базара в каждом городе зависел от двух аспектов – от уровня производства в городе и от степени транзита товаров через город. В этом плане Ташкент превосходил другие города, поскольку обладал большим производственным потенциалом и имел транзитное значение для отправки товара в другие области Средней Азии. Транзитное значение Ташкента было связано с открытием здесь транспортных узлов российских железных дорог.²

---

¹ Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.26.

² Там же. – С.25.

Также для ведения городского хозяйства было важным его квартальная форма разделения труда. Так, в кварталах Бухары работали мастера-ткачи, кузнецы, литейщики, слесари, ювелиры, гончары, шорники, деревообработчики, сапожники и сотни других профессий.¹ Высокий уровень разделение труда в городе свидетельствовало о развитости городской экономики и способствовало качественному сдвигу местного производства.

Некоторые учёные признают городом любое село или населённый пункт, имеющее приоритетное политическое значение для определённого региона.²

О.А. Сухарева и Н.О. Турсунов по этому поводу отмечают, что к городам относятся поселения, имеющие более 10 тысяч населения, действующие большие и малые рынки, специализированные ремесла и другие выделяющие их характеристики.³ Они приводят критерии местного характера, по которому городом может быть поселение, в котором действуют 32 ремесла, и можно сказать почти все города Средней Азии имели такое количество производств, предназначенных для внутреннего рынка.⁴ Сам термин «шахр», по мнению О.А. Сухаревой, означает место, в котором находится резиденция правителя оно именуется термином «шахристон» (шахри дарун-цитадель).⁵ Термин «шахристон» вызвал дискуссию между О.А. Сухаревой и О. Смирновой. Сухарева пишет, что под терминов «мустагаллат» имеются ввиду кварталы в которых имелись участки для возделывания зерновых культур и поэтому эти кварталы внутри шахристана сохранили облик селений.⁶ Однако О. Смирнова отмечает, что эта

---

¹ Бухара - город искусства [Текст] // Культура. Духовность. Общество. – Новосибирск, 2015. – С.45-49.

² Blanton, R.E. Regional evolution in the valley of Daxasa [Text] / R.E. Blanton // Journal of Field Archaeology. – 1979. – Vol.6. – PP.4-6.

³ Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.13.

⁴ Там же. – С.26.

⁵ Сухарева, О.А. Бухара XIX века – начало XX вв. [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – С.90.

⁶ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.29, 30.

информация «сомнительна и основана на недоразумении».¹ Смирнова О. пишет о том, что под этими землями имелись ввиду не сам «шахристан» а его пригород, отдельные части которого действительно сохраняли облик селений.²

Для развития социально-экономической отрасли и градостроительства важны также природно-географические и демографические факторы. Определённое значение имеют территориально-географическое расположение, обеспеченность водой, наличие природных ископаемых. Специфические особенности о развития ранних городов, были связаны не только с внутренними закономерностями процессов социально-экономического развития, но и с внешними факторами, например с присоединением Средней Азии к России.

Бухаре принадлежит уникальная роль в формировании политики, экономики и культуры Средней Азии, так как город был одним из центров региона во всех вышеперечисленных направлениях, начиная с эпохи раннего феодализма. Так, Чарджуйский перекресток (или перевал) был единственным безопасным местом, где торговцы могли пересечь реку, отправляясь в дальний путь от Запада к Востоку или обратно. Контроль над таможенными пошлинами и налогами осуществлялась легче, так как Бухара и после, и перед переправой Амударьи стояла первой. Кроме того, город был местом, где кочевой мир пересекался и сообщался с оседлыми народами. Кочевники были агрессивным врагом во время войны, но они были незаменимыми потребителями экономики городских ремесленных центров. Эти симбиотические отношения также способствовали дальнейшему развитию региона в целом и Бухары в частности, трансформируя ее из маленького городка в центр торговли, политической и экономической жизни.³

---

¹ Смирнова, О.И. Очерки из истории Согда [Текст] / О.И. Смирнова. – М.: Наука, 1976. – С.88.

² Там же.

³ Тошева, Д. Двенадцать ворот Бухары. Как Бухара стала «жемчужиной Востока», а потом потеряла эту роль? [Электронный ресурс]: Интервью / Д. Тошева. – Режим доступа: <https://www.caa-network.org/archives/8598> (Дата обращения: 20.08.2022)

Изучение О.А. Сухаревой развития городов, их быта и социально-экономического положения проведено в порядке хронологического и сравнительного метода, в рамках которого она показывает тенденцию развития цехового производства в Бухаре на разных стадиях его развития, ссылаясь на период позднего средневековья. Так, исследуя ткачество, ученый утверждает, что оно проникло в пределы города Бухары, только в XVI веке. До этого времени, ткачество находилось за пределами городских стен и только после построения новой стены, ткачи из селений вокруг Бухары, вошли в состав городских кварталов.¹ Она также приводит сравнение тканей времен Наршахи и начала XX века, отмечая, что занданичи красного, белого и зеленого цветов использовали до начала XX века, а до нашего времени дошли белая ткань сорта мата карбос и зеленого цветов.² Такое сравнение производства направляет анализ научной мысли, концепции, взгляды и идеи в хронологической последовательности, что позволяет выявить закономерности глубокого изучения историографических знаний.

О.А. Сухарева распределяет города Средней Азии по нескольким долинам. Наибольшее количество городов она относит к Ферганской долине, где были расположены города Наманган, Ходжент, Коканд, Маргелан, Ош, Канибадам и Чуст. К второй группе она относит долину Зеравшан, где расположены города Самарканд, Бухара, Карши, Шахрисабз и Катта Курган. В северной части крупным городом был Ташкент. В Хорезме расположились города Хива, Кунград, Ургенч и Хазарасп. О территории городов говорится в исследовании О.А. Сухаревой о кварталах городов. Так, численность кварталов в Ташкенте составляла 280, в Бухаре – 220, в Ходженте – 146, Самарканде – 100, Ура-Тюбе – 61 и в Шахри Сабзе – 52 квартала.³

---

¹ Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – С.24.

² Там же. – С.56.

³ Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.21.

В своих исследованиях производства и ремесел города, ученый старалась больше опираться на метод ретроспективного (возвратного) анализа, который позволял исследовать процесс движения мысли от современности к прошлому. Цель такого метода заключалась в выявлении старых элементов, сохранившихся по истечению времени в производстве и быта. Так, при изучении изготовления одежды О.А. Сухарева отмечает, что техника золотого шитья существовала в Бухаре и Самарканде со времен Тимура (XV век). Её описал еще испанский посол Клавихо.¹ В процессе выработки новых научных знаний о городах, О.А. Сухарева, прежде всего, исходила из экономического состояния жизнедеятельности городского населения.

Исследуя структуру города, его характеристики, связи внутри городского общества, О.А. Сухарева выдвигает предположение, о том, что в первой половине XIX века, в рамках феодального города, внутри этого общества уже сложились капиталистические отношения. На примере города Бухары, ученый выделяет шесть видов промышленного производства капиталистического характера, в которые входили металлообработка, отделка волокна, строительства, кожа обрабатывающее производство, производство одежды и пищевые промыслы.²

О.А. Сухарева доказала, что общинная организация труда и ее структуры, создавали базовую основу для развития всего производства. Она анализирует семейные корпорации, которые объединялись в общины и кварталы, что в целом отражала состав производства. Однако в отличие от других исследователей, которые показывали поверхностно эти отношения, О.А. Сухарева скрупулезно исследовала начало этих процессов, взяв за основу семейный быт отдельного производителя. Ученый показывает, что именно семья является держателем производства, вокруг которого

---

¹ Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – С.117.

² Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.16.

собирается сторонние участники этого процесса. На примере института ученичества, она показывает существование в мастерских города Бухары эксплуатации ученика, который не является родственником по сравнению с учеником-родственником. Многие родители знали об этом, но они не имели другого выхода, поскольку им было важно, чтобы их сын получал профессию и стать независимым во взрослой жизни. Родители, приводя своего сына к мастеру, обычно говорили: «Мясо его ваше, кости наше», смирившись с условиями хозяина мастерской. Ученичество во всех цехах приравнивалось к службе и обычно ученики так и представлялись: «Я столько лет служил учеником» (шогирд истода, хизмат кардам).¹ Таким образом, нельзя отрицать влияния классовой позиции при исследовании социально-экономических вопросов при исследовании города. Упоминая деятельность институтов паденшиков (мардикор), ученичество, устокор (хозяин), халфа (наемный рабочий) О.А. Сухарева в рамках классовой идеологии показывает сущность и происхождение эксплуатации чужого труда. Формой эксплуатации она считала также и налоги «тамга», «закот», арендную плату и другие формы обложения.²

Глубокое и всестороннее рассмотрение аспектов разделения производства и его дальнейшее расширение, привело ученого к выводу о том, что одним из этапов перехода к капиталистическому способу производства было не только разделение производства, но и его объединение, когда один предприниматель (хозяин производства) открывает смежные производства в рамках одного дела. По мнению О.А. Сухаревой, оно проявлялась в двух формах – товарное производство позднефеодального типа и мануфактурное производство капиталистической формы хозяйствования. Но эти формы не распространялись на все виды профессий.

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.160.

² Там же. – С.179.

Так, сфера строительства и мелкое производство так и остались на уровне феодального кустарного производства.¹

О.А. Сухарева указывает на то, что именно экономические отношения составляют основу ее исследования, посредством которых она проводит историко-этнографический анализ развития города. Однако конечной целью ее исследований всегда оставалась община, внутри которого происходили процессы, влияющие на развитие города. Она проводила большую исследовательскую работу по изучению общин и проводила много полевых исследований, в результате которых ей удалось создать комплексную работу о квартальной общине в городах Средней Азии, которую она показала на примере города Бухары.²

Выбрав город Бухару в качестве основного объекта своего исследования, О.А. Сухарева изменила существующую практику исследования города, обратив особое внимание на структуру кварталов города, которые создавали структуру производственных отношений всего города. Характеризуя экономику и социальный состав городов, она рассматривала этот вопрос в контексте его взаимосвязанности с бытом, с духовной жизнью населения и поэтому ее исследования большей мере отражали этнографические особенности городов и их жителей.

В этой связи стоит отметить большой вклад О.А. Сухаревой в разработку и совершенствование методологии исследований в области этнографии городского быта, которую она создавала на протяжении всего периода своей научной деятельности. Изучение этого опыта вызвано именно обстоятельствами важности и злободневности данной методики для нового поколения ученых этнографов, исследующих быт народов Средней Азии. Если другие историки городов применяли классическую методику исследования, которая состояла из социально-экономической, политической и культурного развития города, то О.А. Сухарева перевела центр

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.157.

² Там же. – С.7.

исследования города в его квартальную общину, что было абсолютно новой формой исследования города, что произвело большое впечатление на ученых того времени. В ходе исследования кварталов города Бухары, она подробно описывает инфраструктуру квартала и указывает на то, что производство на территории квартала находилось под общим присмотром старшин, которые распоряжались общими для квартала вопросами. Она приводит сравнение с позднефеодальными порядками в Москве и отмечает, что и там и в Средней Азии были элементы крепостничества, но в отличие от Москвы, здесь в роли старшин выступали только те, кто руководил ремесленными корпорациями. Кроме того в городах Центральной Азии действовал институт свободного наемного рабочего (халфа), который в отличие от крепостного был более свободным.¹

Для достижения поставленной цели по исследованию городов, О.А. Сухарева сформулировала предполагаемые научные результаты, которые отражали их историю и социально-экономическое состояние, но вместе с тем ее методика, как этнографа, не исключала исследование деталей быта жителей городов. Она отмечает, что в недрах общины скрыта форма эксплуатации, когда человек из-за страха перед общиной, перед мнением соседей, стариков вынужден исправно соблюдать все традиции, часть из которых уже перешли в стадию предрассудков.² Тем не менее, ученый отмечает положительно роль общины в развитии городского хозяйства. Она изучала структуру городов, логическую организацию быта жителей, их занятие и выявила общие характеристики ряда городов и определила закономерности их развития, определяя это влиянием сложившегося веками традиции производства. Надежная работа квартального производства обеспечивала рост благосостояния города, и только переселение жителей кварталов могло привести к остановке производства в городе. Так, такие производства как гончарство, швейное производство, производство посуды,

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.334.

² Там же. – С.340.

мыла, масла, сладостей, ткачество, токарное производство, плетение циновок, слесарей, кузнецов литье котлов, производство кожевников, москательщиков располагались внутри одноименных кварталов, что подтверждает тот факт, что корпорация производства имела форму квартального объединения.¹ Разделение труда происходило уже внутри квартала, когда родственные отношения переходили на стадию деловых связей между жителями квартала. Кроме того, размещение производства в квартале и в самом доме, освобождало хозяина производства от дополнительных затрат на оплату аренды лавки, цеха и оплату наёмным рабочим. Все эти работы выполняли члены семьи и близкие родственники. В таких условиях налог с дома (алык и салык) одновременно заменял и производственный налог, что облегчало налоговое бремя жителей квартала. Устанавливая логические отношения между ростом производства и торговлей, О.А. Сухарева пришла к выводу о том, что наиболее успешные производители расширяли свое производства тем, что размещали несколько станков или цехов, которые приносили прибыль владельцу производства, а сами владельцы производства занимались вопросами реализации продукции и не участвовали в процессе товарного производства, которая осуществлялась преимущественно наёмными рабочими. По приведённым подсчётам ученого, обладая больше пятию ткацкими станками, их владелец уже не мог работать, он занимался торговыми делами, оставляя производство. Таким образом, в Самарканде, Бухаре и других крупных центрах наряду с промышленностью, главным фактором роста экономики городов стала торговля, поскольку именно реализация продукции имела значение для получения прибыли.

Разделение хозяйственной деятельности также было заметно на уровне городов, которые специализировались на производстве определенного товара. Это разделение выглядело следующим образом:

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.364.

- Ош – производства кожи;
- Канибадам и Ашт – железные орудия;
- Исфара – бумажные материи и кунжутное масло;
- Бухара– шелковые и полушелковые материалы, канаус, бархат;
- Самарканд, Нурат и Ургут – полосатая ткань алоча;
- Каратаг – толстая ткань для халата;
- Карши и Шахри Сабз – кожа и обувь.¹

Отдельно стоит выделить транзитные города– Бухару, Ташкент, Коканд и Самарканд, которые имели большое торговое значение. В этом плане Ташкент ежегодно вывозил товары на 25 миллионов рублей, а ввозил на 15 миллионов. Товары, которыми торговали на рынках Ташкента, были хлопок, ткани, фарфор. Самарканд был центром развесной торговли чаем. Здесь активно работали российские компании Кузнецов и компания, Вогау и компания, братья К.С., братья Поповы. Ходжент и Ура-Тюбе были транзитом для торговых связей с Ташкентом и другими городами долины Зеравшан. Коканд играл роль транзита в Кашгар а город Ош для Памира и Припамирья.² Также в конце XIX века, рос товарооборот с Афганистаном, в котором активно участвовали города в приграничной зоне - Керки, Келиф, Сароикамар и Термез. В 1910 году торговля с Афганистаном и Индией через керкинскую таможенную составила 2,5 миллиона рублей (сахар, шелковые и полушелковые ткани, керосин, спички). С Афганистана завезено товаров на 2,2 миллиона рублей. Это были сухофрукты, хлопок, шерсть, каракуль, меха, бурдюки для воды. Только за счет таможни, годовой оборот города Сароикамара составил 600 тысячи рублей.³

Среди горожан заметно увеличился класс купеческого слоя, который снабжал города сырьем для промышленных предприятий и организовали сбыт товаров местных производителей. Количество городского населения

¹ Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.27.

² Там же. – С.22.

³ Там же. – С.27.

увеличивалось за счет естественного прироста, что было связано с ролью России по обеспечению безопасности в регионе.

В работе «Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население)» О.А. Сухарева даёт описание, анализ и оценку развития каждой отрасли хозяйствования города периода конца XIX и начало XX веков с указанием характеристики и предметных особенностей каждой отрасли. Ученый рассматривает хозяйственное развитие города Бухары в контексте проблем исторической науки и вместе с этим автор соединила общий анализ развития городского хозяйства с конкретно-этнографическим анализом современного быта. Она определяет генезис каждого ремесла и изучает процесс его развития в прошлом с его перспективами развития в условиях нового строя. Исследуя проблемный вопрос развития ремёсел и промышленности города Бухары, О.А. Сухарева дискутирует по широкому комплексу экономических вопросов, которые входят в предмет ее исследования. Поэтому автор в самом начале определяет структуру исследования, создавая классификацию ремёсел и их размещение в Бухаре. Исходя из разделения ремёсел и их размещение внутри города, ученый делает ещё одно открытие, связанное с квартальным размещением производства в городе Бухаре. Этот вопрос она рассматривает в своей работе «Квартальная община позднефеодального города Бухара(в связи с историей кварталов)»,¹ которая составляет продолжение контекста хозяйственного исследования городского хозяйства.

Этнографическое изучение ремесел Самарканда показало, что в конце XIX - начале XX веков в городе и его сельской округе отраслей традиционных старых ремесел было значительно больше. Самарканд являлся центром производства текстиля: больше всего здесь была развита выделка высокосортной полосатой бумажной ткани, а также ее полушелкового варианта — *бекасаба*. В XIX в. вырабатывались полушелковый *адрас* в

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – С.289.

пестрый абровый рисунок, а также узорчатый бархат, в конце XIX в. эти производства исчезли. В городе и пригородах занимались обработкой шелка – шелкомотанием и выработкой разнообразных тканей. Особые отрасли ткацкого ремесла были заняты производством тонкой белой ткани, употреблявшейся на чалмы, головные платки и саваны, а также выделкой чалм – бумажных, шелковых и полу пуховых. Ткацкие ремесла дополнялись вспомогательными: выработкой пряжи и шёлкомотанием, окраской пряжи и лощением тканей, изготовлением ткацких станков и челноков, ремиз и берд. Все эти ремесла размещались как в самом городе, так и в селениях, нередко имевших ремесленную специализацию (особенно много было ткачей)¹¹. В Самарканде было развито кожевенное производство и изготовление различной обуви, рассчитанной как на горожан, так и на сельчан, предъявлявших спрос на особые ее виды.

После присоединения региона Азии к России кожевенное производство увеличилось, образовались «кожевенные заводы», которыми владели как местные, так и русские предприниматели. Однако при некотором расширении размен ров предприятий техника оставалась прежней, ремесленной, на них работали местные ремесленники, владевшие традиционными приёмами обработки кожи.

Среди металлистов выделялись ювелиры, поставлявшие разнообразные украшения, которые были обязательной частью женского костюма. Ювелиры в Самарканде занимали специальный ряд на базаре, где лавками-мастерскими владели известные и богатые мастера, остальных; же работали дома, сбывая продукцию с рук либо через скупщиков

Все привозившиеся из других мест и изготавливавшиеся в самом городе материалы, и предметы одежды разнообразием и изобилием в сильнейшей степени способствовали развитию культуры одежды, ее обогащению, обновлению традиционного костюма новыми красками и формами.

Издавна сложились постоянные хозяйственные и культурные связи Самарканда с другими среднеазиатскими городами, особенно с Бухарой |и

Ташкентом, в меньшей степени с городами Ферганской долины. Эти связи оказывали определённое влияние на самаркандский костюм, Из Бухары в Самарканд поступали высокосортные шёлковые ткани, в частности многоцветный кустарный бархат, оттуда шли товары, завезённые из Индии и Иран. Из Ташкента ввозились кожи и обувь, В меньшем количестве из обоих городов доставлялись женские ювелирные украшения. Вероятно, через Бухару получали самаркандские ювелиры I привозные кораллы и жемчуг, перламутр и драгоценные и полудрагоценные камни. Постоянные связи соединяли Самарканд с Шахрисабзом, откуда привозили шелк-сырец, шёлковую пряжу и приходили мастера, поступавшие на работу в ткацкие мастерские Самарканде.¹

После присоединения к России эти связи ослабели, хотя и не прервались. Два близких по составу населения и значению города – Самарканд и Бухара были теперь разделены государственной границей. Изменились темпы экономического и культурного развития: Бухара заметно отставала. В этот период главное место в качестве торговых партнёров и источников культурных влияний заняли области, вошедшие, как и Самарканд, в Туркестанское генерал-губернаторство. Особенно, большое значение для Самарканда приобрели связи с Ташкентом, отразившиеся, в частности, на самаркандском костюме. Ташкент сделался законодателем мод, оттуда новые покрои и фасоны стали распространяться и на Самарканд. Именно эти влияния определили направление и характер изменений, начавшихся в Самарканде с конца XIX в. и сильно отразившихся на многих сторонах народной жизни.²

С появлением железной дороги, Самарканд, становится важнейшим пунктом транзитной торговли, особенно для всего Зеравшанского округа. Из метрополии в Центральную Азию хлынули разнообразные товары, в том числе ткани для одежды, фабричная пряжа, красители, в частности

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.45.

² Там же. – С.48.

искусственные, к началу XX в. в значительной степени, вытеснившие как местные, так и привозные растительные и кошениль.

Из России везли драгоценные металлы – золото и серебро, а также фальшивые камни, широко использовавшиеся местными ювелирами. Стали применяться драгоценные металлы низкой пробы, их не ковали, как раньше, а прокатывали для получения тонких пластин на привозном станочке. Импортируемые в Самарканд новые товары способствовали изменениям в облике и колорите народного костюма.

В составе населения города увеличилось число торговцев, среди которых появились богачи, все больше расширявшие торговые связи с другими районами Средней Азии и с метрополией. Зародилась местная промышленная буржуазия; в ее среде сформировалось свое понимание жизни, например, стремление афишировать благосостояние. Оно оказала большое влияние на народный костюм, которому всегда придавалось значение признака социального положения семьи.¹

Несмотря на выгодное географическое положение и рост производства, Самарканд и Бухара в начале XX века заметно отстали в экономическом плане от города Ташкента. О.А. Сухарева отмечает, что население Ташкента увеличилось с 80 тыс. в 1877 году, к 1910 году, увеличилось до 169 819 человек. Эти показатели были результатом роста количества хлопкоочистительных и маслобойных заводов в этом регионе. Прирост населения также был зафиксирован в Коканде, где в 1897 году было 81,5 тысячи жителей, а к 1913 году оно возросло до 113,5 тысяч человек. В Андижане соответственно с 47,5 тысячи до 76 тысячи человек. Число жителей города Бухары составило около ста тысяч вместе с пригородом.² Росту этих городов также способствовало то, что генерал-губернаторство отменило укрепление стен городов, что привело к расширению городских

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.24.

² Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.24.

территорий за счёт новых кварталов за его пределами. Стены городов утратили всякое значение и таким образом, начали застраиваться под городские кварталы земли, отведённые под пашни и сады. Замкнутость Бухары привела к тому, что в таких традиционных отраслях как производство тканей и материи из шелка и хлопка, Бухара теряла своё первенство над другими городами Средней Азии, даже в тех отраслях, в которых она считалась основным производителем. Так, после того как в городе Ходженте, наладили производства ткани алача-фаренги, калама, т.е. бумажная материя, которая состояла из одноцветных полосок на белом фоне, этот город уже превосходил Бухару по объёмам производства. Ходжентские ткачи усовершенствовали также технологию покраски материй и производили разноцветные ткани. Ткань калама также производили в городах Самарканд, Чилен, Пайшамбе, Катта-Курган, Дахбед и в небольшом количестве в городе Ургут. Первенство самаркандских ткачей осталось за производством фота – бумажной материи, которую использовали в качестве чалмы. Из полушёлковых материй стоит отметить производству пари-паша (носили женщины, использовалась для паранджи, бывала и шёлковая), пасма (полушёлковая материя, с широкими полосками), бикасаб (полушёлковая ткань с более узкими полосками), адрас (различалась шириной ткани), которые пользовались спросом не только в Средней Азии, но и вывозились далеко за ее пределами. Паласы, выделялись в Худжанде и в Зеравшане производством которых бассейны рек Ангрена и Чирчика.¹

Сравнивая состав населения и его специализацию по профессиям и формам городского быта, О.А. Сухарева отмечает, что города Бухарского эмирата в конце XIX и в начале XX века, по своим производственно-ремесленным характеристикам оставались типично феодальными, в которых общественно-политические условия искусственно консервировались в архаичные формы жизни и быта. Причиной этому был надзор эмирских

---

¹ Валиев, А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX - начало XX вв.) [Текст]: Дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Валиев Абдусалом. – Душанбе, 2016. – С.218.

властей и влияние духовенства, которые противостояли всякой форме прогресса.¹

Особое значение исследования города Самарканда и близлежащих селений со стороны О.А. Сухаревой состояло в том, что автор смогла определить границы этнической принадлежности того или иного культурного пласта. Эти проблемы ставились в работах этнографов СССР сравнительно редко и освещались они в основном на базе лингвистической теории Н.Я. Марра, который отрицал роль миграции в этнической истории народов и считал формирование их исключительно результатом автохтонного развития. Однако безоговорочное, некритическое отрицание миграций привело к искажённому представлению о процессах этногенеза и этнической истории, к игнорированию даже тех переселений, которые были отражены с полной несомненностью в археологических и собственно исторических (письменных) памятниках.²

Подводя итоги данного параграфа, следует отметить, что, несмотря на все трудности того времени и политического строя, О.А. Сухарева завершила свои исследования по изучению городов Средней Азии. Ее работы можно причислить к научным шедеврам, представляющим научную ценность для современной науки. Для идентификации ее работ важно учитывать дуализм её исследовательской деятельности, которая одновременно исследовала историческое прошлое города и его современный быт, соединяя историю и этнографию в одном исследовании. Точные, объективные и достоверные сведения, собранные в материалах О.А. Сухаревой, исключают предположения и основаны на достоверных источниках, что исключает сомнения по отношению к этим фактам. Опираясь на свой субъективный опыт в исследовании городов, ученый выбрала в качестве главного источника информации простых жителей, с которыми она общалась на

---

¹ Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 150 с.

² Пещериц, А.И., Чебоксаров, Н.Н. Полвека советской этнографии [Текст] / А.И. Пещериц, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – №5. – С.25.

таджикском языке, что внушало по отношению к ней больше доверия со стороны жителей города. Собирая факты, она проводила их строгую верификацию, сравнивая данные разных информаторов и устанавливая истинность своих научных утверждений на основе их эмпирической проверки с целью опровержения недостоверной информации. В рамках одного исследования она объединяла различные направления, охватывая несколько направлений. Так, при исследовании городов как объекта исследования, О.А. Сухарева определила их этнографические особенности, принципы организации управления, социально-экономические условия, а также традиции и обычаи населения, что привело к обширному результату для исторической, этнографической и других направлений науки.

ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА И СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДОВ ТАДЖИКОВ В ТРУДАХ О.А. СУХАРЕВОЙ

3.1. Религиозные представления и духовная культура таджикского народа в исследованиях О.А. Сухаревой

Изучения культуры и быта народа и его соотношение с религией ставит перед исследователями вопрос о границе исследования между этнографией, богословием, атеизмом и религиоведением. Рассматривая жизнь народа, его быт, этнография смыкается с религиоведением, поскольку предметом исследования становятся верования, религиозные ритуалы и культы. При этом эти два направления наук – этнография и религиоведение, в значительной степени дополняют друг друга по свойствам научных категорий. Этнографы изучают ислам в его реальных формах, в том виде, в каком он живет и проявляет себя в быту разных народов и воспринимается в научном мире как «бытовой ислам», который характеризуется теснейшим переплетением местных домусульманских религиозных традиций с нормами, установлениями, идеями и обрядами ислама.¹ Одной из заслуг О.А. Сухаревой перед наукой было в том, что она открыла для исследования новые направления этнографии, частью которого были взаимосвязанность элементов религии и этнографии. По этому поводу П.Г. Снесарев отмечает: «Учёные, занимающиеся вопросами религиоведения, в частности первобытными верованиями, не старались проникнуть в эту этнографическую область в силу традиции, рассматривавшей Среднюю Азию как зону безраздельного господства развитой религии – ислама, к тому же занесённой извне».² Это доказывает тот факт, что именно О.А. Сухарева была в числе первых ученых, которые соединили этнографию с вопросами религии.

---

¹ Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки [Текст] / Отв. ред. В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1986. – С.6.

² Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – С.13.

Следует отметить, что кандидатская диссертация¹ О.А. Сухаревой была посвящена анимистическим представлениям² верований таджиков. В результате больших полевых исследований, в 1938 году, была завершена работа О.А. Сухаревой «Анимистические представления и шаманства у некоторых таджиков», которая впоследствии становится ее диссертационной работой. Ценность ее методологии состояла в том, что она смогла соединить несколько направлений наук в одно цельное направление, создавая их в форме историко-этнографического, историко-этнологического, историко-культурного и историко-статистического обзора, охватывая различные вспомогательные науки и тем самым расширяя свою методологическую базу за счет других направлений науки. Как отмечает О.Б. Наумова, собирая материалы по шаманству, обрядам и верованиям равнинных таджиков, О.А. Сухарева лично присутствовала на камланиях (обряд по изгнанию злых духов), попасть на которые постороннему человеку было практически невозможно. Ей приходилось использовать всякие уловки, чтобы воочию увидеть этот обряд. Так она несколько раз попросила женщин найти для нее Биотун, чтобы участвовать в обряде камлания.³ Согласно ее рассказу, Ольга Александровна говорила своим знакомым женщинам про сон, который якобы ей приснился. Толкование этого «сна» требовало прохождение обряда камлание, которое бы успокоило души умерших, которые приходили человеку во сне. В другой раз она притворялась «больной», чтобы снова увидеть, как проводится этот обряд со стороны женщин шаманов. Так она становилась не только наблюдателем, но и непосредственной участницей обряда камлание.⁴ Можно сказать что, участвуя в камланиях, О.А. Сухарева подвергала не только свою жизнь, но и свои идейные взгляды большому риску, поскольку идеология классового общества требовала от науки

---

¹ Сухарева, О.А. Пережитки анимизма у равнинных таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Сухарева Ольга Александровна. – Л., 1940. – 140 с.

² Анимизм – вера в существование души и духов.

³ Женщина, которая проводит обряд камлания.

⁴ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.100.

абсолютную непричастность к объекту исследования, если дело касалось религии или предрассудков.¹ Однако не все ученые, в том числе и О.А. Сухарева, могли работать при условии давления со стороны партийного аппарата, которая противопоставляла «пережиточную» этнографию против мертворожденной, задушенной идеологическим прессингом этнографии современности.²

Несмотря на междисциплинарный характер исследования в области религии. О.А. Сухарева провела свои исследования³ в этой области с этнографическим уклоном, указывая религиозные обряды и ритуалы в качестве пережитков прошлого и вместе с этим исследуя их влияние на быт и повседневную жизнь населения. Она придерживалась мнения о том, что религия является реакционным пережитком прошлого и эта мысль сопровождала все ее работы посвященные религии и верованиям. По нашему мнению, автор в эти годы не могла выразить свои идеи относительно верований с другой позиции, поскольку цензура не пропускала инакомыслия в обществе. Поэтому в ее статьях и книгах про религии во введение обычным делом было критическая позиция автора по отношению к верованиям, что было обязательным требованием для всех исследований в области религии.

В рамках изучения обычаев, быта и ритуалов религии и верований, О.А. Сухарева возвращается к историческим корням того или иного ритуала, связанного с верованиями. Но ее исторические описания не были такими глубокими как ее детальное исследование в этнографии, которые помогли

---

¹ Сухарева, О.А. О некоторых элементах суфизма, генетических связанных с шаманством [Текст] / О.А. Сухарева // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.; -Л., 1959. – С.128.; Она же. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.5-90.

² Наумова, О.Б. Среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой [Текст] / О.Б. Наумова // Три века российской этнографии: страницы истории. – М., 2017. – Вып.1. – С.247.

³ Сухарева, О.А. О культе мусульманских святых в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории и археологии АН УзССР. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. – Вып.2. – С.159-178.; Она же. Наука [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.180-184 (в соавторстве с Т.Н. Кары-Ниязовым и В.А. Шишкиным); Она же. Реакционная роль ислама [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.197-205.; Она же. Прогрессивные изменения в быте и занятиях населения [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.363-371.

сохранить многие забытые традиции и обряды народов Средней Азии. Г.П.Снесарев отмечает, что данный оазис в силу своих исторических судеб и географического положения может предоставить исследователю материал о явлениях, в других местах уже исчезнувших и поэтому исследования в этой области являются важными для этнографического изучения Средней Азии.¹Обращаясь к вопросам быта и обычаев таджиков и их связи с религией, ученый дает им краткую характеристику, но при этом ограничивается только энциклопедическими источниками, которые в некоторых случаях могут не соответствовать действительности. Так, анализируя деятельность суфийских религиозно-философских течений «Накшбандия», «Кадирия», «Ясавия» их основоположников Баховиддина Накшбанди, Абдулкадира Гелани и Ходжа Ахмада Ясави, О.А. Сухарева объясняет их различие в том, что сторонники накшбандия практиковали молчаливый зикр, а сторонники кадирия – зикр громким голосом.²В целом ее характеристика суфийских орденов носила справочный характер, и это было нормой для ученого, проводившего этнографические исследования. Тем не менее, О.А. Сухарева подвергает критике суфизм, называя его реакционным направлением, основанным на отрицании «главенствующей роли разума и полном отказе от собственной воли, что открывало дорогу самому откровенному мракобесию».³ Развивая суждения о структуре и ступеней орденов суфизма (муршид, пир, мюрид), ученый указывает на полную власть пира и наставника над волей его последователей. Вступающий в орден – мюрид передавал себя в его полную власть, символизируя это обрядом «вручения руки».⁴ Требование безоговорочного подчинения пиру, по отношению к которому, согласно распространенному в суфийской среде выражению, «мюрид должен быть подобен трупу в руках обмывателя

---

¹ Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – С.8.

² Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.11.

³ Там же. – С.14.

⁴ Там же. – С.23.

мертвых», было одним из самых реакционных.¹ Ее стиль исследования института «пир» среди сектантов Самарканда и Бухары, напоминает исследования А.А. Бобринского на Памире, который также исследовал влияние пира и наставника и его власть над своими мюридами. В частности, в своей работе «Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии», ученый пишет: «Роль пиров или старцев в жизни сектантов – огромная. Пир является полным хозяином души и тела своего подчинённого; Он полновластный руководитель сектанта в его духовной, семейной и гражданской жизни. Все страны, заселённые последователями секты исмаилия, распределены между известным количеством пиров. Каждый последователь секты обязан подчиняться которому-нибудь из них».² Далее А.А. Бобринской перечисляет пиров и указывает количество их мюридов каждого пира. Он пишет, что в подчинении пира Саид Мурсала находятся 100 домов в Читрале и 400 домов в Шугнани, Рошани, Дарвазе и Яркенте.³

Такой же порядок описания мы наблюдаем у О.А. Сухаревой, которая при определении количества мюридов указывает не на дома, а количество людей, входивших в секту. Так, ученый отмечает, что в конце XIX и начале XX веков один из руководителей секты Кадирия Мухиддинхан ишан Мухаммед Содык Мухаммад Аваз Халифаев, имел 1000 мюридов, из них 500 находились в Ташкенте и Ташкентском уезде, 200 – в Намангане, а остальные – мелкими группами в других местах.⁴ Но в отличие от А.А. Бобринского она использует по отношению к секте термин «орден», тем самым как бы сравнивая эти секты с европейскими тайными религиозными организациями (орден тамплиеров, орден рыцарей и т.д.). Она также по примеру графа А.А. Бобринского приводит генеалогию происхождения пиров. Так, согласно ее информаторам, часть из них относится к саидам,

---

¹ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.25.

² Бобринской, А.А. Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии [Текст] / А.А. Бобринской. – М., 1902. – С.5.

³ Там же.

⁴ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.27.

происходивших от пророка Мухаммада, другая часть относится к ходжа (святые), генеалогия которых начинается от сподвижников пророка. Саиды и ходжа делились на «хасани», «хусайни», «алави», «раббони» («убони»), «ходжа красной розы» («ходжагони гули сурх»), Колоссальными были доходы бухарских ходжей из рода шейхов Джуйбари. Возвысившись в XVIв., они продолжали оставаться крупнейшими духовными феодалами вплоть до бухарской революции 1920 года. Документы свидетельствуют о том, что в XVI-XVII вв. их годовой доход с поместий достигал 150 тыс. манов зерна. К именитым ходжам принадлежали многие ишаны. Каждый ишан, который руководил орденом или его подразделениями, доказывал свое происхождение от «пророка» Мухаммеда.¹ О.А. Сухарева приходит к выводу о том, что большинство культов и верований носит доисламский характер. Она отмечает, что именно доисламские верования составляют основу уже исламизированных верований. Она приводит пример культ чильтанов,² женских культов, - Биби Сешанбе (Госпожа – Вторник) и Биби – Мушкилькушо (Госпожа – Разрешительница затруднений), которые стали в последствие «святыми» среди мусульманского населения.³

В работе «О культе мусульманских святых в Средней Азии», ученый анализирует влияние культа святых на верования населения, вопрос о времени происхождения которого, остается спорным в историографии данной проблемы.⁴ К этой проблеме О.А. Сухарева обращается и в своих последующих работах, написанных в период Ферганской этнографической экспедиции.⁵ Она отмечает, что с изменением образа жизни и быта населения

---

¹ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.45.

² Скрытых праведников, которые якобы в количестве сорока человек избираются из числа людей, и, оставаясь неопознанными и продолжая свою прежнюю жизнь, влияют на ход событий, отвращают от людей несчастья.

³ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.48.

⁴ Сухарева, О.А. О культе мусульманских святых в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории и археологии АН УзССР. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. – Вып.2. – С.159-178.

⁵ Сухарева, О.А. Ферганская этнографическая экспедиция [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1954. – №3. – С.111-115.

городов и сел, постепенно уходят в прошлое отдельные элементы шаманства, а также снижается роль реакционной части духовенства над духовной жизнью народа.¹

В 1975 году, с учетом большого спроса на работу О.А. Сухаревой о домусульманских верованиях, была опубликована часть ее кандидатской диссертации в виде большой статьи, в сборнике Института этнографии АН СССР под названием «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии».² В статье «Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков»,³ О.А. Сухарева вновь обращается к религиозным воззрениям таджиков, изучая элементы шаманства и демонологии у жителей Самарканда, Ура-Тюбе и других регионов компактного проживания таджиков равнин и излагает свою точку зрения по отношению к проблеме происхождения элементов шаманства. Ученый раскрывает основные аспекты кандидатской диссертации, показывая генезис обрядов шаманства, и определяет их аборигенные и автохтонные элементы. В своем исследовании О.А. Сухарева также выделяет элемент синкретизма, когда различные факты относительно разных верований соединяются в духовном мире отдельного народа. Так, после установления мусульманства обряд шаманизма принял некоторые признаки этой религии, но в целом не терял своей сути – искоренение потусторонних сил из человека, что показывает слияние двух взглядов – мусульманства и шаманизма. О.А. Сухарева утверждает, что в течение короткого срока шаманизм превратился из господствующей идеологии в обряд суеверия, что, по мнению ученого, достигнуто благодаря распространению научных знаний и атеистического мировоззрения. В первой

---

¹ Сухарева, О.А. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1955. – №3. – С.30-42.; Она же. Наука [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.180-184 (в соавторстве с Т.Н. Кары-Ниязовым и В.А. Шишкиным); Она же. Реакционная роль ислама [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.197-205.; Она же. Прогрессивные изменения в быте и занятиях населения [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.363-371.

² Домусульманские верования и обряды в Средней Азии [Текст] / под ред. Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1975. – 346 с.

³ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.5-93.

части статьи она дает лингвистико-семантический анализ основных терминов, связанных с суеверием, шаманизмом и анимизмом народов Средней Азии. В вопросе шаманства и культа верований, О.А. Сухарева делает вывод о том, что в культе верований у таджиков, существуют элементы синкретизма и заимствований, но вместе с этим терминология этого явления говорит о том, что оно исторически порождено именно местным населением. При этом как О.А. Сухарева, по отношению к доисламским обрядам таджиков использует термин «шаманство», что, по нашему мнению, является не совсем точным и уводит исследование к тюркизации обряда. Ссылаясь на кандидатскую диссертацию Сухаревой О.А. «Пережитки анимизма у равнинных таджиков» (1940 год), Снесарев Г.П. отмечает, что шаманство является обрядом тюркского происхождения, поэтому применение этого термина по отношению к обряду камлания у таджиков, может привести к тюркизации данного обряда, с чем не согласилась в своих работах О.А. Сухарева.¹

Следует отметить, что О.А. Сухарева в основном ссылается на полевые исследования в пределах Самаркандского уезда, определяя это в рамках единого пандемониума и анимистической идеологии. Так, по материалам исследования в таджикских селениях Самаркандского оазиса и в Ура-Тюбе в Таджикистане, О.А. Сухарева перечисляет такие элементы демонологии как дух, пари, албасти, дев, джинн, аджина, джунун и другие категории этого направления. При этом она выделяет функциональные свойства этих элементов, указывая на их качества с точки зрения жителей. Они делятся на добрых и злых, с позитивными и отрицательными характеристиками, которые им приписывают верующие люди. На всем протяжении статьи встречаются таджикские слова и фразеологии (пойяндоз, буи таф, хомшурбо, хунталабмекунанд, фотиха додан, момохои мероси), что говорит о том, что ученый проводила изыскания среди таджикских жителей. Таджики, по

---

¹ Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – С.40.

словам О.А. Сухаревой, сохранили свои доисламские верования не столько из закономерности развития их общества, сколько из-за нужды в этих ритуалах, которые заменили для них медицину при рождении ребенка или при лечении болезней.¹ В этой связи стоит отметить и то, что одежда и ее цвет также становилось предметом суеверия и предрассудков, что сохранилось у таджиков в конца XIX - начале XX веков. Так, Н.А. Хакимова отмечает, что в Ходженге шелк «карғашоӣ» (вороний) как и все сказочные персонажи с именем, имеющим приставку «каро», характеризовались либо как жестокие, жадные и завистливые, либо как люди с несчастливой судьбой, приставка «каро» в фольклорных топонимах и гидронимах также указывала на опасность, таящуюся в той или иной местности (например, обилие оборотней, ведьм, драконов и прочей нечисти). Золотой цвет символизировал счастье и богатство и обозначал благородное или сверхъестественное происхождение, а также славу, успех богатство, он считался лечебным цветом. Вместе с тем, жёлтому цвету соответствовали и негативные значения как признак желудочных заболеваний. Красный цвет (тадж. сурх) – цвет крови, счастья, плодородия, огня, солнца. Этот цвет считался священным, имеющим большую «жизненную силу». Людей, надевавших одежду красного цвета, называли «оташлибос».²

Вторая часть статьи О.А. Сухаревой посвящена поверьям народа в дух «албасты», собранный на базе полевых исследований среди таджиков Самарканда и Ура-Тюбе. Ссылаясь на их рассказы, ученый также упоминает о девах, названия которых также приводятся в оригинале на таджикском языке – девихафтсар (семиголовый дев), девихафтогдахан (семидестипастный дев), девихафтодсина (семидесятигрудный дев) и т.д. На основе реальных рассказов очевидцев, О.А. Сухарева излагает ситуации, при которых очевидцы стали свидетелями того или иного явления, связанного с

---

¹ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.28.

² Хакимова, Н.А. Цветовая гамма тканей абра Худжанда XIX-XX веков [Текст] / Н.А. Хакимов // Вестник Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики. – 2014. – №3 (59). – С.199.

потусторонними силами. Такая форма рассказа отражает реальную картину мира, на основе которого ученый делает свои субъективные выводы. Также в рамках историко-этнографического обзора, О.А. Сухарева дает описание так называемым местам поклонения – мазарам, остонам, святым местам. Так, описывая мазар, она отмечает, что «в горных местах можно встретить груды камней, над которыми стоит дерево, сплошь увешанное кусочками ткани. Это мазар. Проходящий мимо путник останавливался и, прочтя молитву, привязывал к дереву лоскуток материи, оторвав его от своей одежды; иногда он прибавлял к куче камней еще один. Кроме того, поклонялись камням необычной формы – с отверстием (тешик-таш), круглым (санги-джумон). Иногда священной считалась целая скала, например скала, известная под названием «Трон Сулеймана» (Ферганская долина). Мазарами считались и пещеры. Так, в одном из невысоких холмов, окружающих село Айкыран (Наманганская область Республики Узбекистан) имеется узкая, но глубокая щель. Если ударить палкой о палку, то внутри раздаётся многократное эхо, напоминая звуки колотушки ночного сторожа. Этого было достаточно, чтобы здесь образовался мазар. Он называется «Карауль бобо» - «святой дедушка – караульщик».¹ Элементы почитания камней, мы наблюдаем и в других регионах. Так, А.А. Бобринской характеризует эти места на Памире следующим образом: «До сего времени горцы, по привычке, соблюдают много старинных обычаев, нечего общего с сектой не имеющих. В горах, в особенности в Шугнанае, распространено почитание священных камней. Камни эти обыкновенно бывают облиты маслом, обложены у «ух voto» в виде мелких камней причудливых форм; иногда на камни насыпана небольшая горсть какого – ни будь зерна (не смешивать священных камней с мельничными, которые иногда встречаются около кишлаков). По словам горцев, они почитают священные камни с разрешения пиров, в память Сабзи-пуш и

---

¹ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.50.

других святых мужей».¹Приведенное описание, графа Бобринского свидетельствует о том, что на Памире, обряды, связанные со святыми местами являются домусульманскими. Они приняли исламизированную форму.

В вопросах анимизма и верования О.А. Сухарева ставит проблему о первичности и вторичности обряда и связанного с ним верования. Так, точка зрения некоторых исследователей (например, Д.К. Зеленина и С.А.Токарева) о первичности обряда и вторичности верования, связанного с этим обрядом, О.А. Сухарева считала ошибочным. Опираясь на древние верования равнинных таджиков, она утверждает, что каждый обряд или ритуал исходит от определенного мистического верования и поэтому только верование будучи первичным рождает как вторичное связанный с ним обряд или ритуал.²

Вторую особенность статьи составляет ее гендерное направление, которое, по сути, отражает духовность женщин и ее отношение к ритуалам и обрядам общества конца XIX - начала XX веков. При этом автор отмечает высокий уровень духовности среди женщин, граничащий в некоторой степени с суеверием.

В последующей части статьи О.А. Сухарева без комментариев приводит описание проведения обрядов и ритуалов шаманства и экзальтирования (дуохони, азоимхони, фолбини), в котором мулла или шаманка при помощи одержимого общается с духами, чтобы освободить человека от ее влияния. Проводя наблюдения за обрядами экзальтирования в селении Шахристан (Согдийская обл. Республики Таджикистан), О.А. Сухарева приводит слова шаманки в оригинале на двух языках, на таджикском и на узбекском, в зависимости от родного языка шаманки. При этом автор приводит слова очевидцев, которые подтверждают впадение в транс (мастмешуд) проводимого обряд мулла. Но называя этих лиц шаманами, О.А. Сухарева подтверждает тот

---

¹ Бобринской, А.А. Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии [Текст] / А.А. Бобринской. – М., 1902. – С.10.

² Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.56.

факт, что в отличие от шаманов Сибири и Алтая, здесь не били в барабаны а использовали только четки при выполнении данного обряда.¹

Важным аспектом данной статьи является также выявление генезиса культа духов и шаманизма, который часть ученых относят к тюркоязычным народам. О.А. Сухарева не соглашается с таким утверждением, считая данный обряд местным реликтовым верованием, принадлежащим к ираноязычным народам Средней Азии. В доказательстве автохтонности местного шаманизма, ученый приводит ссылку на Джувайни, который описывая, характер Махмуда Тараби утверждает, что тот имел связь с духами пари, что привлекало к нему его сторонников.²

В числе работ посвященных теме религии стоит отметить работу О.А. Сухаревой «Ислам в Узбекистане»³, которая была издана в 1960 году, после долгих бюрократических проверок. Завершив свои исследования по проблеме изучения ислама и верований в Средней Азии, в июле 1955 года, О.А. Сухарева написала письмо своей коллеге Т.А. Жданко по поводу рекомендации этой работы к изданию. В письме она пишет: «...нельзя ли у вас опубликовать мой «Ислам», который рецензировал Глеб Павлович (Снесарев. – О. Н.). Его приняли тут очень хорошо и будут печатать в сокращённом виде, так как выяснилось, та серия, для которой он предназначался, переназначена для весьма широкого читателя, в то время как моя работа, по существу, является научно-исследовательской, да к тому же и велика (там 4 листа). В свое время на ту работу, которую я писала для монографии «Таджики», во многом послужившую основой для написания этой работы, весьма положительную рецензию дал Крачковский... Он отметил, что материал свежий, рисует не ислам вообще, а специфические среднеазиатские его формы. Это же отмечено и в рецензии Глеба Павловича... В этом случае, т.е. если моя работа будет издаваться у вас,

---

¹ Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.71.

² Там же.

³ Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 90 с.

научным изданием, я снабжу её ссылками и кое-что интересное ещё добавлю, в частности по доисламским верованиям... Работу в таком расширенном виде могла бы представить к концу года».¹ Работа О.А. Сухаревой вызвала дискуссию среди ученых, которые в этом плане держались принципа объективного изложения фактов, что в некоторых случаях не могло соответствовать идеологии общества. В частности, изложенная в книге фраза: «Если Муххамед и существовал как историческая личность...» была наиболее дискуссионным, поскольку автор ставил под сомнение вопрос личности Пророка Мухаммеда, относительно которого было мало информации у О. А. Сухаревой. В своем письме к ней А.К. Писарчик отмечает: «Вводная часть, где говорится о Мухаммаде, вредная, так как вводит в заблуждение читателя, прикрываясь авторитетом Бартольда, в то время как Бартольд нигде не подвергает сомнению историчность личности Мухаммада и совершенно определенно говорит, что почти весь Коран – это его слова. Эти неточные сведения вначале заставляют относиться осторожно и к собственным Вашим материалам, которые очень интересны. Интересующие вас вопросы особенно разрабатывались Гольдцигером, хотя и не применительно к Средней Азии. Совет: Побольше не только шаманизма, а научной постановки и связях ислама с древнейшими религиозными представлениями. Всё же народы Средней Азии это не дикари».² Это была жесткая критика со стороны ее подруги и коллеги, но она содержала в себе истину. Далее А.К.Писарчик отмечает: «Сейчас я взяла БСЭ. В статье «Мухаммед (Магомед)» (т. 28, стр. 599) он изображается как реальная личность. Правда, и вы пишете. Но, может быть, вам не стоит ставить под сомнение существование Мухаммеда, а только его биографию».³ Возможно,

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.107.

² Наумова, О.Б. Среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой [Текст] / О.Б. Наумова // Три века российской этнографии: страницы истории. – М., 2017. – Вып.1. – С.254.

³ Наумова, О.Б. Среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой [Текст] / О.Б. Наумова // Три века российской этнографии: страницы истории. – М., 2017. – Вып.1. – С.255.

по этой причине издание этой работы откладывалось, и только в 1960 году она была издана в форме научно-популярной брошюры для агитаторов, пропагандистов и широкого круга читателей.

Ссылаясь на труды классиков марксизма-ленинизма, О.А. Сухарева показывает религию как «иллюзорного счастья» для народа, подвергая его идею критике в противовес советскому строю. Ученый проводит экскурс в краткую историю ислама и переходит к религиозным обрядам, праздникам и ритуалам, которые отражены на примере местного мусульманского населения. О.А. Сухарева приводит мнение народа относительно различных обрядов, связанных с праздниками, началом и окончанием поста, хаджем и другие религиозные требования.

Особое внимание ученый уделяет древним верованиям, в основном упоминая культ Али и его сыновей Хасана и Хусейна, что говорит о том, что ее информатором были шииты Бухары и Самарканда. О.А. Сухарева дает описание обряда «Ашуро» и сравнивает его с ритуалом, связанным с убийством Сиявуша. Ученый отмечает, что «в Бухаре, Ташкенте, Самарканде, в Ферганской долине Хасану и Хусейну посвящались празднества «ашури», ежегодно проводившийся в первые десять дней месяца мухаррам, начинающего лунный год».¹ Следует отметить, что она указывает на древние корни этих ритуалов. Так, ссылаясь на китайские источники, О.А. Сухарева пишет о том, что в доисламском Самарканде был обряд оплакивания убитого божественного ребенка. В указанный день люди одетые в черное босиком ходят по улицам с плачем, ударяя себя в грудь. Также она приводит слова Наршахи о том, что люди в этом регионе соблюдают обряд, связанный с оплакиванием Сиявуша.²

Особо отметим, что использованные в работе термины и словосочетания приведены в оригинале, то есть на таджикском языке, что также

---

¹ Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – С.27.

² Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – С.28.

свидетельствует о работе с информаторами из числа таджикского населения Самарканда, Ферганы, Бухары и других районов. Так, слова «джаннати зан», «назаркарда» и другие термины были предоставлены таджикоязычными информаторами. Таджикские термины встречались и в других регионах. Г.П. Снесарев отмечает в Хорезме употребление терминов «пари», «фолбин», «парихон» и трактует их как иранские слова, что привело к злоупотреблению этим фактом в период национального размежевания.

В «Ислам в Узбекистане» О.А. Сухарева уделяет внимание и культам святых, связанных с патронами ремесел, а также святым местам почитаемым местным населением Самарканда, Ферганы и Бухары. Так, она упоминает культ почитания места под названием «Тахти Сулаймон» (Трон Сулаймана), Курауль Бобо в Айкыране (Наманганская область Республики Узбекистан), Чашмаи Аюб (Источник Аюб) в Бухаре, Шохи зинда (Живой шах) в Самарканде и другие места, почитание которых стало неотъемлемой частью духовной жизни населения.¹

О.А. Сухарева обращается также к суфизму, описывая его краткую историю на основе произведений классиков персидской литературы, в частности Умар Хаяма. Ученый дает свое объяснение сути этого религиозного течения, отмечая, что история среднеазиатского суфизма на два периода – со времени возникновения до XVIII века и периода XIX-XX вв. При этом она указывает на то, что если суфизм раннего периода имел прогрессивный характер и противостоял фанатизму в религии, то суфизм позднего периода превратился в реакционный элемент верования.² С этим мы не можем согласиться, потому, что здесь под термином «суфии» О.А. Сухарева подразумевает наставников в лице духовенства, которые имеют свою школу, что не соответствует этому термину. Эти люди могут быть приверженцами какого-нибудь старца –суфи, к учению которого себя относят, но сами они не могут рассматриваться как суфии. Например,

---

¹ Там же. – С.30-34.

² Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – С.54.

многочисленное количество сторонников течения «Накшбандия» считающиеся суфистским, ни сами его почитатели, ни его духовенство и наставники не могут быть перечислены к суфиям, а могут быть названы лишь сторонниками этого направления в исламе. Ученый при этом ссылается на «Большую советскую энциклопедию», что говорит о том, что используемая литература была крайне скудной и ограниченной и к тому же носила классовый характер.¹ Наконец, О.А. Сухарева рассматривает структуру духовенства и религиозного управления на примере городов Узбекистана, таким образом, завершив свою работу на критическом тоне по отношению к этим слоям общества отражая интересы господствующего в советском обществе классовой идеологии.

В 1986 году, усилиями ученых Институт этнографии АН СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая, был издан сборник статей под названием «Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки».² В этом сборнике была опубликована посмертная статья О.А. Сухаревой о празднестве цветов у равнинных таджиков XIX - начала XX века.³ Статья имеет особую ценность для науки, так как рассматриваемый в ней вопрос никогда не изучался. О.А. Сухарева дает характеристику обряда празднества «бойчечак» (подснежники), «сайригулилола» (перевод), «гулгардони» («гуляние ко дню цветов»). Ученый связывает праздники цветов, испокон веков, вплоть до нашего века, жившие в народной среде как своеобразный фенологический календарь, необходимый земледельцу для правильного чередования сезонных работ с культом умирающих и воскресающих божеств. Исследование вопроса О.А. Сухаревой показало, что этнографические параллели позволяют по-новому взглянуть на некоторые детали в исторических источниках по-новому их истолковать.

---

¹ Там же. – С.58.

² Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки [Текст] / Отв. ред. В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1986. – 207 с.

³ Сухарева, О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1986. – С.31-46.

Таким образом, завершая исследование взгляда О.А. Сухаревой на религиозные верования, нужно отметить, что эти исследования были частью ее научной деятельности. Она начинала эти исследования в 30-е годы XX века, по этой теме защитила в 1940 году кандидатскую диссертацию, которая была посвящена религиозным воззрениям равнинных таджиков. Исследования доисламских верований О.А. Сухаревой привели ее к выводу о том, что они относятся к зороастризму. Данный вывод ученого основан на том, что в разных местах в сознание народа замечено представление «пари» в облике змеи, черепахи, лягушки и других животных, порождениями злого начала бога Ахримана.¹

Стоит отметить, что работы О.А. Сухаревой об исламе и религии в целом, принесли ей известность в научном сообществе, поскольку ее труд был востребован в обществе. В письме к Жданко она писала: «Мой «Ислам» принес мне неожиданную популярность. ...Ведь у нас во всем Союзе никто сейчас как следует этим не занимается, ни в общем плане исламоведения, ни в плане ислама у различных народов».²

Важным аспектом новизны в исследованиях О.А. Сухарева было то, что при исследовании религии она объединяет три отрасли науки – историю, религиоведение и этнографию в одно общее направление и создает методiku междисциплинарного исследования обычаев, быта и ритуалов религии и верований, с отражением к историческим корням того или иного ритуала верования. На основе диссертационной работы о пережитках и шаманизме, О.А. Сухарева продолжила тематику доисламских верований, которые впоследствии разработали и другие исследователи, для которых методика работы ученого стало базовой основой исследования. В частности подобную же работу о доисламских традициях и верованиях издал Г.П. Снесарев под назва-

---

¹ Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – С.42. (Снесарев Г.П. ссылается на дисс. Сухаревой О.А. «Пережитки анимизма у равнинных таджиков», 1940, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, по специальности 07-00-07 Москва 1940 год. От автора М.М.)

² Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.107.

нием «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хоразма».¹ По сути, его работа строится на том же структурном анализе, что и работа О.А. Сухаревой о распространении анимистических духов среди народов Средней Азии. Несмотря на критичное отношение к религии, что было свойственно той идеологии, работы О.А. Сухаревой в области религии и верований имели большое значение для дальнейшего изучения их влияния на быт и образ жизни населения. Оценивая деятельность ученого в данном направлении, Г.П. Снесарев отмечает: «К числу ведущих работ среднеазиатского религиоведения принадлежат и этнографические исследования О.А. Сухаревой. Большая заслуга их автора заключается не только в том, что ею собран богатейший материал, подвергнутый глубокому анализу с точки зрения теории происхождения и развития религии, но О.А. Сухарева также во всех своих работах весьма последовательно и чётко проводит разграничение явлений, генетически связанных с древними верованиями, и явлениями, непосредственно вытекающими из мусульманства, что, имеет не только теоретическое, но и чисто практическое значение для атеистического воспитания».²

Из проведенного анализа исследований О.А. Сухаревой по религии и верованиям, в основном таджиков, следует вывод, что этнографические исследования религии и верований, отражённые в трудах ученого, непосредственно показывают связь образа жизни, быта и хозяйствования любого этноса с религиозными обрядами.

---

¹ Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – 338 с.

² Там же. – С.15.

3.2. Вклад О.А. Сухаревой в этнографическое исследование национального костюма и семейных обрядов таджиков Самарканда

В начале 20-х годов XX века, в Узбекистане и Таджикистане начался процесс становления нового поколения молодых ученых –историков, археологов и этнографов, в число которых входили Е.М. Пещерева, О.А. Сухарева, А.К. Писарчик, Б.А. Литвинский, Е.Д. Давидович, Н.Н. Ершов, Б.Х. Кармышева и другие исследователи, которые внесли определённый вклад в изучение обрядов и одежды таджикского и узбекского народа. Благодаря их исследованиям, уже к 50-м годам советская этнография достигла существенных результатов в исследовании быта народов Средней Азии. Будучи учениками выдающихся российских ориенталистов А.Э. Шмидта, А.А. Семенова, М.С. Андреева, Л.В. Ошанина и К.К. Юдахина, новое поколение ученых-этнографов не только продолжили традиции дореволюционного российского востоковедения, но и способствовали становлению местной этнографической школы в Таджикистане и Узбекистане.¹ Достойное место среди этого поколения ученых занимает О.А. Сухарева. Ее научный интерес не ограничивался только этнографическими изысканиями быта, традиций и обрядов таджиков и узбеков. Одним из направлений ее научной деятельности становится изучение истории национального костюма двух народов. История одежды, его элементы и основные лингвистико-семиотические особенности неразрывно связаны с историей и культурой таджикского народа. Поэтому, тема истории костюма и обрядов и их этнические особенности как часть этнографии народа занимает большую часть научного наследия О.А. Сухаревой. По данной тематике ученый опубликовала более 20-ти работ, в которых были освящены свадебные обряды, история развития декоративной вышивки и костюма населения Узбекистана, ремесла, черты и формы головных уборов,

---

¹ Наумова, О.Б. Среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой [Текст] / О.Б. Наумова // Три века российской этнографии: страницы истории. – М., 2017. – Вып.1. – С.247.

декоративное искусство, текстиль, анализа покровов традиционной одежды народов Средней Азии, ткани и другие проблемы эволюции одежды таджиков.¹ Работа над исследованием костюма и обрядов таджиков О.А. Сухаревой началась еще в 20-30-е годы XX века, когда ученый проводила ряд работ по исследованию свадебного обряда таджиков.

Собирать материалы по традиционной одежде О.А. Сухарева начала во время работы в музее в Самарканде, одновременно с изучением вышивки. Свою методику вышивок, базирующуюся на составлении многочисленных описаний приданого женщин, Ольга Александровна применила и для определения времени бытования предметов одежды, что позволило уточнить дату вышивки и разделить их в порядке хронологии.² Как известно, главной задачей этнографического изучения традиционного костюма (как и других явлений народной культуры) является не столько его описание, сколько

---

¹ Сухарева, О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. – Ташкент, 1928. – Вып.1. – С.73-89.; Она же. К истории развития самаркандской декоративной вышивки [Текст] / О.А. Сухарева // Литература и искусство Узбекистана. – Ташкент, 1937. – Кн.6. – С.119-134.; Она же. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.; Она же. Художественные ремесла Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // Звезда Востока. – Ташкент, 1948. – №9.; Она же. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т.XXI. – С.299-353.; Она же. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Текстиль / О.А. Сухарева, В.Г. Мошкова, А.К. Писарчик, П.А. Гончарова. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1954. – 190 с. (в соавторстве с В.Г. Мошковой, А.К. Писарчик и П.А. Гончаровой); Она же. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Альбом / О.А. Сухарева. – М.: ИЗОГИЗ, 1955. – 155 с. (в соавторстве с Б.Н. Засыпкина, В.Г. Мошков); Она же. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. [Текст] / О.А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т.26. – С.101-112.; Она же. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.3-13.; Она же. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюция [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.77-103.; Она же. Участие женщины в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX начале XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М.: Нука, 1980. – С.203-112.; Она же. О ткацких ремёслах в Самарканде [Текст] / О.А. Сухарева // История и этнография Средней Азии (Сборник статей). – Душанбе: Дониш, 1981. – С.25-37.; Она же. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.; Она же. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.67-79.

² Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.108.

определение его специфических этнокультурных черт.¹ Поэтому, О.А. Сухарева отмечает историчность процесса развития народного костюма который «складывался на протяжении веков и отразил историю народа с его традиционными и своеобразными формами материальной культуры, его связи с другими народами, влияние экономики и социального строя на развитие национальной культуры».² Работа О.А. Сухаревой стала, по сути, первым исследованием в данном направлении и положила начало исследованиям народного костюма населения Средней Азии. Основные результаты этих исследований нашли своё отражение в двухтомном труде «Народы Средней Азии и Казахстана».³ Обозначив изучение традиционной национальной культуры народов региона в качестве одной из задач этнографии, О.А. Сухарева особое внимание уделяет традиционному костюму каждого отдельного этноса, ставя на первый план своего исследования эволюцию одежды таджикского этноса.⁴ Но в условиях смешанного общества, выявление отличительных элементов таджикского национального костюма от тюркских народов Средней Азии и определение его этнических особенностей было трудным делом и требовало огромной работы по сопоставлению костюмов центрально-азиатских народов. При этом, основными критериями сравнительного анализа костюма считался состав ткани, их форма цветовая гамма, покррой, декоративные элементы и этническая терминология. Для проведения сравнительного анализа костюма, О.А. Сухарева сотрудничала с другими этнографами того времени, в частности с Т.А. Жданко, Б.Х.Кармышевой, А.К.Писарчик, Е.М. Пещеровой, Н.А. Кисляковым, С.М. Абрамзоном и другими исследователями. В этот период вышли работы А.К. Писарчик по описанию одежды локальных групп – таджиков Нурата, работа Р. Я. Рассудова и М.В.Сазонова по изучению

---

¹ Емельяненко, Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Емельяненко Татьяна Григорьевна. – СПб., 2012. – С.14.

² Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

³ Народы Средней Азии и Казахстана [Текст]: В 2 томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т.1. – 768 с.

⁴ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41

одежды узбеков Ферганско-Ташкентского оазиса и Хорезма, К.Ш. Шаниязов занимался одеждой полукочевых узбеков, Ф.Д. Люшкевич – одеждой населения Бухарского оазиса. Одежда была также предметом исследования в работах М.А. Бикжановой, Г.А. Пугаченковой, Н.П. Лобачевой, Л.А. Чвырь, Д. А. Фахретдинова, Г.П. Васильевой и других исследователей.¹

Чтобы понять историю формирования народного костюма в сложной этнической среде, состоящей из разных по происхождению, разновремененно включившихся в нее компонентов, О.А. Сухарева выделила его локальный и этнический вариант. Исторический аспект ее исследований национального костюма, религии, традиций и обычаев можно проследить в ее оценке прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России. Она не отделяла историю народа от истории его национального костюма, что позволяет оценить ее научное творчество не только в рамках этнографии, но и отметить ее особенный вклад в историческую науку, которая выражается в прослеживании эволюции традиционного костюма народов Средней Азии.

Следует отметить, что в заключительном фундаментальном труде об истории среднеазиатского костюма на примере одежды населения города и селения вокруг Самарканда второй половины XIX до начала² О.А. Сухарева уделяет большое внимание именно одежде таджиков – основному населению Самаркандского оазиса. Ученый сравнила одежду свадебного обряда таджиков и узбеков города Самарканда и некоторых и других районов Средней Азии с его последующими изменениями, которые были выявлены уже в послевоенный период, сравнивая элементы этих изменений.

В исследовании национального костюма жителей Самарканда, О.А. Сухарева выделяет два этапа его развития. Первый этап охватывает 50-80-е годы XIX века, второй – конец XIX - начала XX веков. Таким образом,

---

¹ Емельяненко, Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Емельяненко Татьяна Григорьевна. – СПб., 2012. – С.14.

² Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.

ученый определяет нижнюю границу исследования самаркандского костюма серединой XIX века, верхней – первую четверть XX века.¹

На первом этапе основное место занимали архаичная одежды и наряды в основном местного производства. Традиционными для одежды местного населения на этом этапе были ткани, производимые местной промышленностью – двухцветные полосатые узкие хлопчатобумажные ткани, называемые «аладжа», шелк – от тонких платков, напоминающих паутину, до тяжелого адраса – и особенно изделия из кожи, которые играют здесь главную роль.² На примере одежды середины XIX века можно наблюдать изменения, происшедшие в женской одежде. Согласно данным Н.С. Лыкошина, одежда женщин этого периода состояла из короткого камзола колен, а сверху одевалась паранджа (род халата, приспособленного только для надевания в накидку). Паранджа делалась длиннее халата по росту и накидывалась воротом на голову. Рукава закинута и сшиты сзади, так что в рукава надеть паранджи нельзя. Под ворот одеваемого на голову паранджи подкладывался одним концом кусок узкой волосяной ткани, который служил вуалью для закрывания лица. При этом уже в возрасте 10-12 лет, девочки надевали паранджу, как женщины, но вместо черной волосяной вуали носили чаще кисею белую, или красную. Паранджа женщин делалась из серой в полоску материи, девушки иногда носили розовые из полушелковой ткани, т.е. банорас паранджи.³ Изделия местной промышленности обычно стоили дешево и были доступными для низших слоев населения.

На втором этапе большая часть жителей перешла на фабричные и мануфактурные изделия, поступающие на рынки Средней Азии из России,

---

¹ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41

² Негматов, Д.Н., Мирзоев, М.Н. Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни [Текст] / Д.Н. Негматов, М.Н. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №5 (82). – С.232.

³ Валиев, А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX - начало XX вв.) [Текст]: Дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Валиев Абдусалом. – Душанбе, 2016. – С.216.

Англии и других развитых стран. Новые и принципиально иные по самой своей конструкции покрои и виды появились в регионе только с началом развития капиталистического уклада и привели к изживанию безраздельного господства архаических туникообразных покровов разных вариантов наплечной одежды, имевших в принципе единый крой и отличавшихся лишь деталями. В конце XIX - начале XX веков народный костюм обогатился новыми видами одежды (в первую очередь верхней) и новыми более поздними покроями. Рассказывая об одежде равнинных таджиков, Н.С. Лыкошин отмечает, что одежда местного населения зависела от принадлежности к той, или иной племенной группе. По этому поводу Н.С.Лыкошин пишет: «Таджики носят халаты из дешевой бумажной материи с длинными рукавами, узкие концы которых зимою вполне заменяют перчатки. Для шитья халатов употребляются преимущественно ситец, ластик и сатин русского фабричного производства, но наряду с европейскими материями встречается немало и материй туземного изделия – алача, адрас и бикасаб. Бикасабовые, полушелковые халаты составляют парадную одежду. Зимняя верхняя одежда не отличается особым покроем, а только делается на стеганой подкладке из ваты, верблюжьей шерсти».¹ По мнению З.Н. Сафаровой, в конце XIX века среди простых горожанок Самарканда вошли в моду платья из ситца в горошек. В целом, покрой традиционных платьев городских таджичек из разных районов был одинаков и отмечались лишь отдельные локальные различия. Так, платья самаркандских и бухарских женщин во многих чертах были схожи и отличались лишь по ширине рукава. В Самарканде предпочтение отдавали платью, рукав которого к концу суживался примерно в два раза. Этим типологически оно было близко к платьям горных таджичек.²

---

¹ Валиев, А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX - начало XX вв.) [Текст]: Дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Валиев Абдусалом. – Душанбе, 2016. – С.214.

² Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – С.89.

Стиль и методология исследования истории костюма, начало которому в отечественной этнографии положила О.А. Сухарева, стало парадигмой для других исследований по данной тематике в современных странах Средней Азии. Следует отметить, что за основу своих исследований по национальному костюму ученый взяла традиционную одежду таджиков Самаркандского и Бухарского оазиса. Традиции и их нарушение в оформлении и ношении народной одежды конца XIV - начала XX вв, формирование не традиционализма в узорах вышитых платьев и генезис таджикской исторической и традиционной одежды и их социо-культурное значение отражены в диссертации М.П. Кабиловой, которая ссылаясь на исследования О.А. Сухаревой, приводит слова ученого о том, что изучение истории среднеазиатского костюма прошлых веков и даже первой половины XIX века национального костюма является недостаточно разработанной темой в этнографии и в исторической науке. Важность исследования О.А. Сухаревой в изучении истории костюма таджиков было и то, что она создала лингвистический аппарат основных терминов, которые были приняты в качестве оригинальных названий в научном сообществе и которые были впоследствии использованы другими исследователями. Такие термины как мунисак, калтача, кимхо, адрас, шойии бухори, бахмал, камзулча и другие остались в той же форме, в которой они были впервые употреблены в работах О.А. Сухаревой.¹

Детальное описание национального костюма того времени со стороны О.А. Сухаревой, дает нам представление о развитии костюма не только с точки зрения ее совершенствования, но оно также позволяет выявить степень ее европеизации, которая произошла в начале XX века и на это обратила внимание именно О.А. Сухарева. Изучая вопрос развития мужских рубашек, она отмечает, что к началу XX века они, были похожи по длине с европейской сорочкой, и их длина доходила до середины бедра. Она замечает

---

¹ Кабилова, М.П. Традиции и нетрадиционные элементы в исторической одежде таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Кабилова Мастона Пирумшоевна. – Душанбе, 2022. – С.5.

интересный факт относительно длины рубашек и их дифференциации у мужчин и женщин. Согласно ее сведениям, в указанный период мужская рубашка становилась короче, но женская стала длиннее и даже появилась мода на платье, которая должна была «мести землю». Ссылаясь на сведения пожилых мужчин, она отмечает, что эта мода появилась только с приходом русских в город. Приход русских вызвал реакцию духовенства, которые видели в одежде русских женщин угрозу для местных женщин-мусульманок, что привело к увеличению длины женского платья. При этом О.А. Сухарева замечает эти реакционные изменения только в Самарканде и Ташкенте, где женские рубахи стали длинными, тогда как в Бухаре и городах Южного Таджикистана, они по-прежнему только прикрывали колени, оставляя нижнюю часть шаровар открытой.¹ По ее мнению такой подход к женской одежде вызвали изменения в силуэте женщины в Ташкенте и Самарканде.

Отмечая эту взаимосвязь развитие костюма с историей городов, она указывает на то, что на историю самаркандского костюма, как и на другие стороны народной жизни, отразилась долгая и сложная история этого города. Самарканд не раз подвергался нашествиям и разрухам. Хорошо известен факт разрушения Самарканда войсками Чингисхана. Во времена Тимура город процветал, и его население пополнялось переселенными из разных стран ремесленниками и другими категориями людей, часть которых, осталась здесь и слилась с местным населением.³ Ученый опирается также на статистические данные и материалы переписи, согласно которым она определяет качественный состав населения города. В какой-то момент О.А. Сухарева даже оспаривает мнение В.В. Бартольда, который характеризовал Самарканд отсталым городом по сравнению с большими городами Средней Азии. Ученый пишет: «Несколько отставая в своем росте от Ташкента и крупнейших ферганских городов, Самарканд отнюдь не был «отсталым», как

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.56.

оценивал его состояние и начале XX века В.В. Бартольд, он по-прежнему принадлежал к важнейшим среднеазиатским городам».¹

Следует заметить, что исследования О.А. Сухаревой в области национального костюма имеют не только искусствоведческую ценность. Она в большей степени приводила факты и доказательства его культурно-цивилизационного происхождения, что приводило ее к этнографическим исследованиям. В одной из своих относительно этнографии костюма она отмечает следующее: «Носители изученного мной варианта среднеазиатского костюма – жители Самарканда и его сельской округи – в основном принадлежали к таджикам, но имели в своем составе и иные этнические компоненты, вошедшие в него на разных этапах истории города».² Таким образом, автор синтезирует свои наблюдения и ставит в центре своих исследований аборигенов города, под которыми она имеет в виду именно таджиков. Смешивание населения, по ее мнению, произошло только в XVIII веке, когда некоторые части города, откуда ушли их исконные жители, были заселены пришельцами из других регионов. Для нашего исследования важен вывод О.А. Сухаревой о том, что «в результате среди самаркандских таджиков наряду с основным, исконным населением появились переселенцы – таджики с гор, из Ургута, Ходжента и Хаваста, а также несколько групп узбеков – выходцев из Ташкента, Шахрисабза, Заамина, Ямина и из-под Ура-Тюбе. Сюда пришли как узбеки, сохранившие родоплеменное деление, так и сарты (из Ташкента)».³ Далее она указывает на то, что новые переселенцы приняли язык городских жителей, которые разговаривали на таджикском языке. Ученый пишет: «Основная часть потомков узбеков, переселившихся в Самарканд, перешла на таджикский язык. Лишь более крупные, компактные группы (например, узбеки, происходившие из Ташкента и населявшие четыре соседних квартала), хорошо владея таджикским языком, в домашнем

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.58.

² Там же. – С.89.

³ Там же. – С.44.

быту и между собой сохранили узбекскую речь».¹ Также она перечисляет и другие народы, среди которых она называет жителей пригородных селений Панджоб и Багишамаль – ирани, среднеазиатские евреи, и цыгане-люли.²

О.А. Сухарева отмечает, что, несмотря на массовый завоз фабричных тканей из России в конце XIX - начале XX века, тем не менее, не прекратилось производство тканей местных, кустарных производителей. Возродились те отрасли ремесла, которые в предшествовавший период значительно сузили или даже прекратили свою деятельность.³ Ученый подчеркивает, что костюм народов Средней Азии в его традиционной форме к середине XIX века, представлял собой сложный комплекс, в котором отразились особенности развития культуры народов этого региона. Ткань, из которой сделана одежда, как правило, является изделием местных ремесленников и отражает развитие производства текстиля и выработанную в этой отрасли ремесла технику. Если употреблена иноземная ткань, встает вопрос о ее происхождении, а, следовательно – и об экономических связях с той страной, откуда эта ткань вывезена. Ученый затрагивает также социальную функцию одежды, когда она отражает классовую принадлежность ее хозяина. В народной одежде, наряду с классовыми различиями, она обнаруживает и отголоски древнего деления общества на половозрастные группы, которое длительное время сохранялось как пережиток.⁴ Н.А.Хакимова отмечает распространение у таджиков в конце XIX - начале XX веков шелковые ткани абра (атлас, ханатлас, шохи), полушелковые (адрас, бекасабиабри, караало), хлопчатобумажные (ялангдаврон, караалокук карга подшохиизангор, шотирхона), которые имели орнаменты тканей «шохи» и «адрас», что было связано, с одной стороны, с

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – С.46.

² Там же. – С.57.

³ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

⁴ Сухарева, О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. [Текст] / О.А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т.26. – С.106.

государственной монополией на шелк, с другой – для удовлетворения потребности населения в тканях абра. На основе комбинации основного фонда узоров в контексте композиции и цветовой вариации мастера создавали такие ткани как чёрно-белые «сиёх» (чёрный), «одмий» (скромный). Шёлковые ткани имели общие черты, но в зависимости от места изготовления отличались своим узором и колером. В тканях абра Худжанда преобладают красные тона, в палитре красок Самарканда преобладает жёлтый тон, по которому нанесены чёрные, красные и зелёные узоры, в тканях Каратага преобладают бордовые, зелёные, фиолетовые и синие тона, а в Бухаре в основном три цвета: бордовый, жёлтый, розовый.¹

Следует отметить, что социальное расслоение центральноазиатского общества особенно усилилось с внедрением в общества новых капиталистических отношений, поскольку новые экономические условия были несовместимы с прежним укладом, основанным преимущественно на натуральном хозяйстве. Поэтому рост экономических процессов привел в движение социальные механизмы.² Но одежда населения хоть и имела социальное значение, но оно еще выделялось по возрастному цензу. Женщины и девушки разного возраста и статуса имели свой цвет одежды.

Терминология обрядов и одежды, собранная в исследованиях О.А. Сухаревой, указывает, на то, что они в большей степени принадлежали таджикам. Так, при характеристике женской одежды она упоминает такие предметы одежды как сарандоз (накидка на голову) – особый вышитый платок, матоъ– бумажная ткань домашней или ремесленной выработки, камарча –камарбанд (пояс), мунисаки пешво (платье, открытое в передней части), яктакикабуд (синяя рубашка) и другие таджикские словосочетания. Ученый отмечает, что женщины в возрасте (в 60-70-х годах прошлого века) носили мунисаки из бумажной алачи в тончайшие синие и голубые полосы

---

¹ Хакимова, Н.А. Цветовая гамма тканей абра Худжанда XIX-XX веков [Текст] / Н.А. Хакимов // Вестник Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики. – 2014. – №3 (59). – С.199.

² Горшунова, О.В. Образ жизни современной узбекской женщины: По материалам Ферганской долины [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Горшунова Ольга Вениаминовна. – М., 2000. – С.22.

(алочайи каут), которая в старину шла также на паранджи и на халаты пожилых мужчин. Мунисаки из алачи часто шили без подкладки, и тогда они назывались яктакикаут.¹

Заметим, что бухарские рукодельницы славились своим мастерством по вышиванию по всей Средней Азии. Они расшивали золотыми, серебряными и шелковыми нитками халаты, поясные платки, тубетейки. Поражает искусство изготовителей поясов, но больше впечатляет мастерство сапожников. Мужские и женские сапоги совсем неплохие: мужские – на высоких заостренных каблуках, суживающихся на концах до размеров шляпки гвоздя, женские немного неуклюжи, но часто украшены тончайшей шелковой вышивкой.²

О.А. Сухарева обращает особое внимание на те обряды и ритуалы, которые непосредственно связаны с одеждой, показывая их взаимосвязанность. Каждый предмет женской одежды имел особый статус и относился к тому или иному национальному обряду. Так она приводит в пример обрядовый пир, на который приглашался довольно широкий круг женщин с названием «калтачапушон». Суть его состояла в том, что молодая невестка, сделав угощение, сбрасывает калтачу и, выйдя на свет божий, начинает видеться со свекром и деверями» (ошуоб карда калтача мепартояду руйи дунй оба барома да падар арус ва додар аруса дидан мегирад).³

Отмечая положительное влияние присоединения Средней Азии к России, О.А. Сухарева пишет: «Этот аспект исследования приобретает особое значение вследствие того, что с конца XIX в. национальный костюм претерпел большие изменения, связанные с теми процессами и влияниями, которые явились следствием присоединения Средней Азии к России. До сих

---

¹ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

² Негматов, Д.Н., Мирзоев, М.Н. Состояние торговли в Бухарском эмирате в середине XIX века по материалам А. Бернса [Текст] / Д.Н. Негматов, М.Н. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №5 (82). – С.231-236.

³ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.59.

пор в этнографических работах этот момент недостаточно учитывался, и особенности костюма, непосредственно наблюдаемого в народном быту и отличающегося национальным своеобразием, нередко трактовались как глубоко традиционные, присущие тому, или другому народу, этнографической группе».¹ Ученый впервые выявила конкретные примеры влияния этого процесса на национальный костюм и назвала ошибочными присвоения новых элементов национального костюма XX века, глубокому прошлому истории этноса. Под влиянием фабричных производителей в начале XX века, в национальном костюме народов Средней Азии появились элементы и новые формы, не свойственные этим костюмам в прошлом. О.А. Сухарева отмечает мастерство вышивальщиц, кройки, шитья и швейных дел, которые переработали эти новые элементы, в духе традиции, что позволило им незаметно слиться с национальным костюмом.² На изменение костюма повлияло также и развитие моды в период с конца XIX до первых десятилетий XX века, что по мнению О.А. Сухаревой, было не свойственным для феодального общества, при котором не было разницы в костюме городского и сельского жителя. В период капитализма, появилось отличие в одежде по параметрам административных делений. «Костюм горожан – этосвоего рода эталон, на который ориентируются сельчане данной культурной провинции. Поэтому его изучение является необходимым первым шагом в исследовании истории традиционного национального костюма. Однако следует учитывать, что он первым отзывается на внешние влияния и внутренние изменения в обществе».³

Закрытый образ жизни женщин Востока, не позволяло этнографам дореволюционного периода давать какую-нибудь характеристику распространенным традициям и модным тенденциям, господствующим в женском городском костюме. Тем более, не дозволялось пристально,

---

¹ Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.37.

² Там же. – С.39.

³ Там же. – С.38-41.

оценивающе, всматриваться в направлении женщины. Практически невозможно было изучить женские наряды жителей равнинных селений и городов Бухарского эмирата.¹ Даже в таких условиях, О.А. Сухарева смогла детально составить опись женской одежды, общаясь непосредственно с мастерицами. Ученый отмечает, что в начале XX века и до конца 30-х годов наиболее употребительными оказались полосатый шелк червон-шохи с фиолетовыми, черными, белыми и золотисто-желтыми полосками. Кусок такой материи на одно платье стоило тогда 10 рублей (червонец), откуда и произошло его название. Его сменил полосатый, но более яркий шелксузором. Так и появилась фраза «червонец монуманагир» («оставь червой – возьми меня»)². Заметим, что по данным приведенным в диссертации З. Сафаровой наиболее модными на то время были женщины Ферганы, мужья которых не могли их обеспечить нарядами из-за дороговизны данного товара.³

О.А. Сухарева в своем исследовании костюма дает описание узоров на воротнике, поясе и других деталях женской одежды. Известными узорами женской одежды были вариант узора *гаждумак* – от названия кишлака Гаждумак Бухарской области, откуда произошло ее производства. Узор этот состоял из чередующихся очень узких полосок, в одном варианте – желтых, в другом – темно-малиновых с синими, белыми и пестрыми, выполненными особой техникой *занджира* («цепочка»). Наиболее нарядным, подходящим, например, для свадебного халата жениха считался узор *мушк-у-зафар* («мускус и шафран»), сходящийся на узенькие полоски. Этот узор назывался *шоона* (тадж. — «гребень»). Техника изготовления тесьмы *ш'ерози* отличалась своеобразием и простотой инструментария, однако не исключала

---

¹ Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – С.116.

² Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.; Она же. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

³ Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – С.117.

возможности широкого варьирования узоров. Тесьму шерози плели на пальцах, на каждый из которых надевалась петля из шелковой нити того или иного цвета. Халаты, не окаймленные тесьмой, имели вставленный между подкладкой и верхом узкий черный кант из сложенной вдвое косой полоски ткани. Такой кант назывался *магзи* (*магз* — «сердцевина, ядро»). Стремление к украшению этой одежды в 90-х годах породило моду делать кант на женских халатах более широким и выстрачивать по нему на швейной машинке светлыми нитками узор» джонона или куш-джонона (который являлся обязательным для тесьмы, окаймлявшей ворот девичьих рубах). Лишь иногда пожилые женщины из состоятельных семей сохраняли от старых времен выходные халаты из серовато-синей в мельчайшую полоску полушелковой ткани *пари-паша*, употреблявшейся также и на паранджи.¹ Естественно, низшие городские слои населения были не в состоянии украшать свою одежду золотым шитьем. Однако золотошвейная женская одежда бытовала не только в кругу дворцовой аристократии. Она входила в приданое и у средних слоев горожан.

За счет вышивки или золотого шитья средним слоям горожан удавалось преобразить, сделать более нарядной любую свою одежду, даже сшитую из относительно дешевых тканей. Вследствие этого недостатки материала становились практически незаметными.²

Особое внимание О.А. Сухарева уделяет проблеме объяснения и описания орнамента декоративных вышивок населения г. Самарканда, и его связь с народными представлениями и верованиями. Ученый доказывает доисламский характер многих привычек и обрядов, связанных с предрассудками, отмечая их древнее происхождение. Следует отметить, что О.А. Сухарева считается основоположником изучения сюзана – свадебной

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.; Она же. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

² Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – С.119.

вышивки, которая имеет сакральное значение для таджиков. Об этом уникальном виде декоративно-прикладного искусства таджиков она пишет в статье¹ и монографии², которые были опубликованы после ее смерти. Тем самым была поставлена точка ее многолетнему исследованию традиционной вышивки таджиков.

Интересным новшеством для костюма женщины таджички городов Самарканда, Бухары и других городов Средней Азии стало внедрение в моду стоячих воротников, которые быстро распространились среди местных модниц – это рубаха, сшитая из окрашенной ткани. Как отмечает З. Сафарова, в городах на женских платьях стоячие воротники появились в 1920-х годах – после революции. В мужских халатах такие воротники стали делать еще во второй половине 1870-х годов. Такие платья с кокеткой и стоячим воротником в горных районах Таджикистана название куртаиузбаки («узбекское платье»), в Северном Таджикистане – куртаи нугай («татарское платье»), а собственно воротник-стойка – гиребони казоки, а бухарские евреи называли их «куртаи сорти» («сартовское платье»). Бухарские таджики, в свою очередь, называли этот вид платья куртаи фаргонача («ферганское платье») или куртаи уруси («русское платье»).³ Платья с вертикальным разрезом ворота надевали замужние таджички. До этой поры они, как и незамужние девушки, носили рубахи с горизонтальным разрезом ворота – куртаи муллои. Разрез воротника по горизонтали для замужней женщины, было вызвано ее обязанностью по кормлению грудного ребенка, что было удобнее с вертикальным разрезом воротника платья. Элемент воротника также имел особые формы в мужском костюме периода последней трети XIX – начала XX веков. Ссылаясь на фотографии того времени, некоторые

---

¹ Сухарева, О.А. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.67-79.

² Сухарева, О.А. Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. – 312 с.

³ Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – С.119.

исследователи считают, что главным дифференциальным элементом этнического мужского костюма была форма ворот. Так, в начале XX века, таджики и узбеки носили как распашные рубахи, так и нераспашные – с горизонтальным разрезом ворота и с треугольным вырезом, с воротником – стойкой и отложным воротником. Также элементы мужской одежды составляли легкие халаты на одной подкладке и чакманы – халаты из шерстяных тканей. Все они имеют аналоги в таджикско-узбекском костюме. Халаты с тонким ватным слоем (джома), широкие и длинные, с длинными зауженными внизу рукавами принадлежат к старинным видам верхней одежды таджиков. Такие ткани, как бекасаб в темно-синюю узкую полоску на белом фоне и его высококачественную разновидность банорас (бенорас), использовали для халатов служителей мусульманского культа и почтенных стариков, прежде всего, принадлежавших хаджа. Халаты из чисто шелковых тканей, которые из-за особого отношения ислама к шелку в мужском костюме не имели массового распространения среди мусульман, применялись лишь в костюме высших слоев знати и суфийского духовенства. В качестве мужских головных уборов можно выделить шапок из ткани (чалма или салла), кулох, аракин и тюбетейки каллапуш. Отличительная особенность среднеазиатского кулоха, принадлежавшего к одному из архаических видов традиционных переднеазиатских головных уборов, – отсутствие околыша и сшивание его из четырех треугольных долек или из круга с вынутым сектором.¹

На основании сопоставления пережиточных деталей костюма в разных регионах Средней Азии, О.А. Сухарева приходит к выводу о том, что их объединяет общность процесса формирования костюма. Она также отмечает недостаточность изученности данной тематики по отношению к городскому населению, как в монографиях, так и в историко-этнографическом атласе одежды. Указывая на свою методику исследования костюма, О.А. Сухарева

---

¹ Емельяненко, Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Емельяненко Татьяна Григорьевна. – СПб., 2012. – 51 с.

отмечает, что ее исследование не только охватывает эволюцию костюма в целом, но и рассматривает его отдельные компоненты в плане их постепенных изменений. Ученый сравнивает свою работу с аналогичными исследованиями М. А. Бикжановой о развитии костюма узбеков Ташкента и с работой А.К. Писарчик о костюме таджиков Нурата, результаты которых дали общую картину развития среднеазиатского костюма. Выделяя этнические различия в костюме, О.А. Сухарева также ссылается на хронологические изменения костюма, которые были установлены глубоким монографическим исследованием, какое можно выполнить только на ограниченном объекте – на примере города Самарканда. Понимание генезиса отличительных черт костюма, по ее мнению, является важной чертой определения самоидентичности народа. Такие свойства костюма как ее универсальность для одежды обоих полов, О.А. Сухарева определяет по признаку архаичности, но со временем в результате половой дифференциации в женском и мужском костюме, в женской одежде стали применять калтачу, как женский элемент одежды.¹

Анализ приведенных терминов в работе О.А. Сухаревой, показал, что влияние одежды таджиков было заметным и на кочевые народы. Например, национальный головной убор кыргызов называется «шохкулох», а в некоторых случаях просто «кулох», что в переводе с таджикского означает «царская шапка» и «шапка». ²Возможно, данный головной убор кочевники заимствовали у коренных народов, и со временем оно стало их традиционным головным убором.

В 1928 году О.А. Сухарева публикует статью «Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана» в Сборнике научного

---

¹ Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.; Она же. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

² Асанканов, А. Традиционная культура кыргызского этноса и этническая идентичность [Текст] / А. Асанканов // Картина мира Центральной Азии: история и современность. – Алматы, Бишкек, Душанбе, 2021. – С.133.

кружка при Восточном факультете САГУ.¹ В своей статье автор отмечает два типа свадьбы – патриархальную и матриархальную. Во время полевых работ ею было выявлено, что на матриархальной свадьбе, практиковавшейся в ряде мест среди таджиков и узбеков, невеста имеет право находиться в доме своих родителей, Н.А. Кисляков, давая анализ исследования О.А. Сухаревой по обряду свадеб кишлака Шахристан пишет: «...автор отмечает добрачные тайные посещения женихом невесты и практикующееся при этом избегание женихом и невестой родни противоположной стороны».² Этот обряд было новизной не только для русских исследователей, но и для некоторых местных ученых, поскольку не приводилось ранее детальное описание данного обряда. Н.А.Кисляков использует автохтонный термин для обычая «кынголбози» применявшийся таджиками и происходивший в доме девушки. Он отмечает, что период тайных добрачных посещений у таджиков и казахов и «кайтармы» у туркмен были связаны с расчетами по уплате калыма, то здесь так же, как и в вопросе о некоторых формах брака между советскими этнографами еще нет единой точки зрения. Распад больших патриархальных семей связан с разделением хозяйства среди членов семьи и роста уровня самостоятельности молодоженов. В процессе распада большой патриархальной семьи и превращения ее в малую у оседлого населения сложилась переходная форма семьи, которую они называли неразделенной семьей, состоящая уже не из трех или более поколений, как это было раньше, а только из двух поколений, причем старшее поколение было обычно представлено одной парой, отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья; женитьба внука вела к выделению новой семьи, однако еще не порывавшей своих связей, часто и экономических, со старой семьей. Термин «неразделенная семья» в настоящее время получил признание у большинства

---

¹ Сухарева, О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. – Ташкент, 1928. – Вып.1. – С.73-89.

² Кисляков, Н.А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (по материалам Средней Азии и Казахстана) [Текст] / Н.А. Кисляков // Советская этнография. – 1967. – №5. – С.92.

этнографов.¹Распад больших патриархальных семей связан с разделением хозяйства среди членов семьи и роста уровня самостоятельности молодоженов. В совместном исследовании О.А. Сухаревой и М. А. Бикжановой анализируются изменения в традициях семьи, которые произошли в период строительства нового советского строя.²

Известно, что распад больших патриархальных семей связан с уменьшением их численного состава. О.А. Сухарева и М.А. Бикжанова считают, что в процессе распада большой патриархальной семьи и превращения её в малую у оседлого населения переходная форма семьи, которую они назвали неразделённой семьёй, состоящая уже не из трёх или более поколений, как это было раньше, а только из двух поколений, причём старшее поколение, было обычно представлено одной парой – отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья; женитьба внука вела к выделению новой семьи, однако ещё не порывавшей своих связей, часто и экономических, со старой семьёй.³Теме таджикской семьи в рассматриваемый период посвящены работы И.И. Зарубина, А.Л. Троицкой, Э.Г. Гафферберга, Д.Г. Иомудской-Буруновой, С.И. Толстова, А.Н. Кондаурова, Н.А. Кислякова и других исследователей.⁴О.А. Сухарева использовала материалы исследований этих ученых при написании своих трудов.

---

¹ Кисляков, Н.А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (по материалам Средней Азии и Казахстана) [Текст] / Н.А. Кисляков // Советская этнография. – 1967. – №5. – С.92.

² Сухарева, О.А., Бикжанова, М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран [Текст]: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955 – С.90.

³ Сухарева, О.А., Бикжанова, М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран [Текст]: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955 – С.94.

⁴ Гафферберг, Э.Г. Форма брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ [Текст] / Э.Г. Гафферберг // Советская этнография. – 1936. – №1. – С.81-106.; Иомудская-Бурунова, Д.Г. Женщине в старой Туркмении [Текст] / Д.Г. Иомудская-Бурунова. – М.; -Ташкент, 1931. – 15 с.; Толстов, С. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен [Текст] / С. Толстов // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – №9-10. – С.16.; Кондауров, А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев [Текст] / А.Н. Кондауров // Труды Института этнографии АН СССР. – 1940. – Т.III. – Вып.1. – С.17.; Кисляков, Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло [Текст] / Н.А. Кисляков. – М., -Л., 1936. – 185 с.; Большая семья в долине р. Вандж была отмечена В.В. Гинзбургом; Гинзбург, В.В. Горные таджики [Текст]: Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза / В.В. Гинзбург. – М.; -Л., 1937. – 476 с.

Завершая данный раздел, стоит отметить, что многогранность научной деятельности О.А. Сухаревой и весь ход ее научной биографии показывает, что она равномерно знала разные направления истории и этнографии, в ее взаимосвязанности с другими науками. Каждый кто изучает ее научное наследие находит в нем знания о различных направлениях жизни народов Средней Азии, что оправдывает термин «универсализм» по отношению к ее творчеству. Как бы подводя итог своим работам она заметила: «Изложение многих направлений, в которых я работала, начиная с Таджикистана в 20-х годах, издательства разных, тем, над которыми я работала, - и в самом деле получилось, очень длинным. Но действительно, это делалось, и все эти работы написаны. Я подумала и почувствовала, какую же долгую жизнь я прожила...».¹

Таким образом, заслуга О.А. Сухаревой в этнографических исследованиях состояла в том, что она определила этнограницы населения региона по признакам национального костюма и посредством своих исследований сохранила основные формы и детали костюма периода XIX - XX веков. Очень важным аспектом ее исследования является методология исследования, которая стало частью науки этнографии народов Средней Азии. На основе ее методики, на современном этапе мы можем наблюдать эволюцию развития таджикского народного костюма указанного периода и провести сравнительный анализ его изменения на разных временных этапах истории общества.

---

¹ Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.112.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование жизни и деятельности О.А. Сухаревой показало, что среди русских и советских этнографов, исследовавших Центральную Азию, ее научное творчество занимает достойное место и поэтому отдельное исследование ее научной биографии является актуальным для современной историографии. Ее научная деятельность охватила период с 1925 по 1983 годы и по характеру ее работы делится на три этапа.

Первый этап охватывает период ее работы в Самарканде с 1925 по 1946 годы. Уже на этом этапе О.А. Сухарева определяется с выбором этнографии в качестве основного направления научной деятельности. Знание таджикского языка помогло ей определиться с выбором объекта ее научных исследований. За основу своих научных изысканий О.А. Сухарева взяла историю и этнокультуру таджиков Средней Азии. Ученый изучает свадебные обряды и религиозные верования таджиков, а также орнамент декоративной вышивки населения Самарканда, Ура-Тюбинского р-на и села Шахристан в Таджикистане. Результатом ее исследований становится защита в 1940 г. кандидатской диссертации на тему «Пережитки анимизма у равнинных таджиков».

Второй этап научной деятельности О.А. Сухаревой охватил период работы ученого в Институте истории и археологии Академии наук Узбекской ССР в г. Ташкенте, который длился с 1946 по 1967 годы. Этот период считается самым плодотворным в научной деятельности ученого. Анализ ее научных трудов показал, что ее работы носили разносторонний характер и охватывали несколько направлений. В частности, она занималась изучением ремёсел, сбором материалов о быте и хозяйстве, исследовала культ мусульманских святых в Средней Азии, национальный костюм народов региона, народное декоративное искусство и религиозные верования народов региона. Характерно, то, что ее наблюдения за бытом народа, становились причиной ее глобальных исследований. В этом плане особую ценность, как

для исторической науки, так и для этнографии имеет цикл ее работ «К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки)» (Ташкент, 1958), «Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность» (Ташкент, 1962) и «Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население)» (Москва, 1966). Эти монографические исследования освещают и историю быта и жизни Бухары иносят историко-этнографический характер. Теме Бухаре посвящена и диссертация О.А. Сухаревой «Позднефеодальный город. Бухара конца XIX - начала XX вв.», которую она защищает в 1963 г.

Исследования Бухары, и этнографии городской жизни в трудах О.А. Сухаревой показало, что не ограничиваясь в пределах этнографии, она изучала историю, экономику, культуру города соединяя все эти данные относительно быта горожан. Монографические исследования по Бухаре показали, что таджики были коренными жителями города и продолжали оставаться основным его населением вплоть до середины 70-х годов XX века. Подобная картина наблюдается в отношении Самарканда и его окрестностей. Деятельность О.А. Сухаревой носила стационарный характер и основную часть ее работ составляют сведения, собранные в городах Бухара и Самарканд, но данный фактор не умаляет ценность этих работ. В них собраны сведения, которые профессионально изложены автором и рассматриваются в качестве лучшего источника по темам, над которыми работала О.А. Сухарева. От ее пристального внимания, как настоящего этнографа не оставались в стороне и детальные элементы быта, которые были малозаметными, но их исследование приносила для науки много информации. Анализ работ О.А. Сухаревой по Бухаре и Самарканду показал, что ее исследования охватили широкий круг вопросов, в которые входили следующие направления:

- исследование национального костюма, его истории, стиль, формы производства и детальное рассмотрение фасона одежды таджиков Самарканда;

- исследовательская работа по изучению истории и быта жителей городов на примере г. Бухары с определением топографии, состава населения, профессий, традиций и обрядов городских жителей;

- изучение религии, верования и шаманства и определение их взаимосвязанность с бытом народа.

В каждом из указанных выше направлениях, ученый вносила свои методические разработки, при помощи которых она достигала за короткий срок времени невероятных результатов.

Особо следует отметить исследования вопросов соотношения быта и религии, которые освещались в брошюре О.А. Сухаревой «Ислам в Узбекистане». Ученый объективно показала влияние ислама на быт, обряды и традиции советских людей на примере наличия суеверий и предрассудков в религиозных обрядах населения Узбекистана, в особенности таджиков. Следует отметить, что, исследуя религию коренных народов Узбекистана, ученый находила в них много элементов доисламских верований.

Второй этап научной деятельности О.А. Сухаревой характеризуется еще большим научным интересом к истории и этнографии среднеазиатских народов. Особое место в ее исследованиях занимали таджики. Она продолжила исследование быта, одежды, ремесел, религии, культа святых и т.д. населения Самаркандского и Бухарского оазисов, где в основном проживают таджики.

Третий этап трудовой и научной деятельности О.А. Сухаревой проходил в г. Москве, где она с 1968 по 1983 годы работала в Института этнографии им. Н.Н. Миклохо-Маклая Академии наук СССР. В этот период О.А. Сухарева продолжает изучать историю, этнографию, культуру и духовную жизнь населения Самарканда и Бухары.

В этот период выходит последняя монография О.А. Сухаревой по Бухаре «Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) (Москва, 1976), которая усиливает позицию ученого о принадлежности населения Бухары к таджикам.

В Москве О.А. Сухарева вновь возвращается к религиозной тематике. Заключительной статьей ученого из серии публикаций о религиозных верованиях народов Средней Азии становится статья «Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков» (Москва, 1975), в которой ученый еще раз обращается к верованиям таджиков, доказывая влияние домусульманских верований, а именно – зороастризма на духовную жизнь населения Бухарского и Самаркандского оазисов и других районов Узбекистана, где проживают таджики.

Объектом исследования ученого становятся также ремесла, связанные с кустарными промыслами по пошиву одежды и история декоративной вышивки таджиков и узбеков, результатом которой становится издание ее посмертной монографии «Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка» (Москва, 2006). В монографии особое внимание уделяется исследованию свадебной вышивке – сюзане, которая имеет сакральное значение для таджиков.

О.А. Сухарева также исследовала национальный костюм и центром этих исследований она выбрала город Самарканд. В своей работе «К истории костюма населения Самарканда (вторая половина XIX - начало XX в.)» (Москва, 1982) она вкратце даёт сведения об истории традиционной одежды коренных жителей этого города О.А. Сухарева была в числе первых ученых, которая проанализировала головные уборы жителей региона Средней Азии. В частности, ее этнографический и исторический анализ охватил особенности головных уборов девушек и женщин, указав при этом особенности семейно-возрастного характера, а также их исторические истоки формирования как элемента не только одежды, но и выявила военно-функциональные свойства женского головного убора. Она обратила внимание на такие детали как конструкция, декоративные особенности одежды, социальные функции одежды, духовные свойства и материальные ценности национальной одежды.

Анализ трудовой и научной деятельности показал, что все работы имеют колоссальное значение для таджикской науки, поскольку ученый больше всего исследовала именно историю и этнокультуру таджиков – аборигенов Средней Азии. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что она была таджиковедом и ее труды были направлены на сохранение культуры таджикского этноса.

Историографический анализ публикаций О.А. Сухаревой привел нас к важному выводу о том, что перед таджикской наукой, да и в целом перед таджикским народом, заслуга О.А. Сухаревой заключается в том, что ученый, живя и работая в Узбекистане, взяла на себя смелость изучать историю и этнокультуру таджиков, всегда отмечая, что во второй половине XIX – начале XX вв. основным населением Бухарского и Самаркандского оазисов были таджики.

В характере О.А. Сухаревой преобладало стремление к науке, которое помогло ей достичь успехов в каждом выбранном ею направлении деятельности. Среди ее работ всегда преобладал подробный анализ проблемы, сравнивая её с другими аналогичными вопросами науки, что показывало ее компетентность в решении научных проблем. Будучи одним из первых советских этнографов-исследователей жизни и быта таджиков Самарканда, О.А. Сухарева владела таджикским языком, что позволило ей свободно общаться с таджиками Самарканда и других городов и селений, собирая материал для своего исследования.

Подводя итоги научной биографии О.А. Сухаревой, следует отметить, что, будучи одним из первых советских этнографов-исследователей истории и этнокультуры таджиков Самарканда, Бухары и других районов Узбекистана, О.А. Сухарева по праву считается универсальным ученым, которую в равной степени признавали, как этнографа и историка – востоковеда, филолога – ираниста, искусствоведа, религиоведа. Научное наследие О.А. Сухаревой состоит из восьми книг, более ста статей, опубликованных в научных сборниках, научных журналах, в книгах других

авторов и альбомов. В большинстве своих публикациях она обращалась к вопросам этнографии, истории, культуры и духовной жизни таджиков, включая следующие основные направления:

- вопросы брака, свадебные обряды, материнство, воспитание ребенка у таджиков;
- самаркандская декоративная вышивка, народный костюм, одежда, и головные уборы таджиков;
- ремесла, орнамент одежды и искусство таджиков;
- религия, культ святых пережитки демонологии, шаманства и доисламские верования таджиков;
- города, кварталы и община таджиков на примере Бухары и Самарканда.

Завершая исследование, следует отметить, то, что О.А. Сухарева смогла на стыке времен революционных перемен, разработать собственную методику исследования, которая имело важное значения для историографии исторической и этнографической науки. Именно благодаря ее методу по изучению городов, костюма и верований, удалось собрать огромный полевой материал, отраженный в ее работах. И сегодня её опыт служит исследователям в качестве источника по изучению этнографии народов Средней Азии. Также, благодаря созданной О.А. Сухаревой научной школе, стало возможным дальнейшее развитие советской этнографической науки с активным участием нового поколения таджикских этнографов. В частности, под ее руководством проводили свои исследования два таджикских этнографа – доктора исторических наук, профессор Н.О. Турсунов и кандидат исторических наук О. Муродов, которые продолжили этнографические исследования среди таджиков в новых условиях – более развитого советского общества.

Многогранность научной деятельности О.А. Сухаревой отражается на направлениях ее работы. Она равномерно знала разные направления истории и этнографии, в ее взаимосвязанности с историей и с другими науками.

Термин «универсализм» по отношению к ее творчеству является вполне оправданным, поскольку ее творчество охватило разные направления ее деятельности. О.А. Сухарева определила этнограницы населения региона по признакам национального костюма и посредством своих исследований сохранила основные формы и детали национального костюма периода XIX - XX веков. На основе ее методики, на современном этапе мы можем наблюдать эволюцию развития таджикского народного костюма указанного периода и провести сравнительный анализ этих изменений на разных временных этапах истории общества.

Следует также отметить ее работу по переводу книг С.Айни, при котором она показала мастерство и профессионализм в знании таджикского языка, что было подтверждено литературными критиками. Анализ научного творчества О.С. Сухаревой показал, что ученый не только переводила тексты книг С.Айни, но и перечитывала их для дальнейшего использования сведений, приведенных С.Айни, в своих исследованиях о быте населения городов Самарканда и Бухары. Так, в монографии «Позднефеодальный город Бухара Бухара конца XIX – начала XX веков. Ремесленная промышленность» встречаются многочисленные ссылки на произведения С. Айни «Воспоминания» и «Смерть ростовщика». Таким образом, суммируя вышесказанное, следует отметить, что основное значение перевода повести С. Айни, выполненный О.А. Сухаревой, состояло в том, что именно благодаря русскому тексту появилась возможность для дальнейшего перевода этого произведения на другие языки народов мира.

В этой несвойственной для своей профессии работе, О. Сухарева проявила способности знания таджикского языка и смогла сохранить в русском переводе национальный колорит и сатирическую направленность повести С. Айни. Благодаря профессионализму О.А. Сухаревой мировая литературная мысль получила в свои ряды еще одно произведение великого таджикского писателя Садриддина Айни.

Таким образом, завершая диссертационную работу о жизни и деятельности О.А. Сухаревой, мы пришли к следующим логическим выводам:

1. Жизнь и деятельность этнографа и историка О.А. Сухаревой показало, что ученый, несмотря на все трудности, связанные с ее личной жизнью, с условиями жизни и идеологическими преградами, смогла завершить колоссальный объем работ, охвативших различные направления жизни и быта таджикского общества второй половины XIX-XX веков;

2. О.А. Сухарева продолжила традиции русской востоковедческой школы, одним из принципов которой является уважительное отношение к населению в районах, где проводятся исследования;

3. О.А. Сухарева разработала целую методику по проведению исследования религиозных обрядов, одежды и быта населения. Она смогла создать методологию исследования, основанную на принципе непосредственного участия в обрядах и ритуалах, что позволило ей еще ближе узнать сущность этих элементов и выявить их историческую связь с религиозными порядками общества. Разработанная О.А. Сухаревой научная методология исследования имела большое значение для историографии исторической и этнографической науки;

4. Ее исследования истории развития города Бухары и этнографии городской жизни позволили современным таджикским ученым выявить фактор таджико-язычности жителей этого города, которые, несмотря на давление со стороны администрации сохранили свою культуру и обычаи. О.А. Сухарева признает города Самарканд и Бухару таджикоязычными городами, где даже прибывшие узбекские семьи через одно поколение начинали общаться на таджикском языке.

5. Религиозные и духовные верования в исследованиях О.А. Сухаревой занимают особое место и посредством этих исследований она приходит к выводу о том, что большинство обрядов и ритуалов, имеющих религиозное значение с точки зрения ислама, на самом деле имеют доисламское

происхождение. Ученый на реальных примерах доказывает верность данного тезиса, приписывая ряд обрядов к доисламским верованиям;

6. Этнографическое исследование национального костюма и обрядов таджиков Самарканда, стало примером для дальнейших исследований в этом направлении, что привело к многочисленным исследованиям по истории костюма и одежды таджиков молодыми учеными Таджикистана;

7. Исследование показало трудности и преграды на пути ее переводческой деятельности произведений Садриддина Айни, которым она занималась в 30-50-е годы XX века. На этом поприще она столкнулась с резкой критикой со стороны администрации Института истории Узбекистана. Однако несмотря на это она завершила перевод «Смерть ростовщика», качество перевода которого получило высокую оценку Садриддина Айни.

Анализ и выводы диссертационной работы о жизни и творчестве этнографа-таджиковеда О.А. Сухаревой показало актуальность и научную обоснованность исследования в рамках историографии. Исходя из поставленных в диссертации проблемных вопросов, нами представлены следующие практические предложения:

1. Внедрить в программы по истории и этнографии Таджикистана тему вклада О.А. Сухаревой в изучение быта таджикского народа и как одного из видных ученых-таджиковедов Узбекистана;

2. С целью популяризации научного творчества О.А. Сухаревой, издать результат данного исследования в форме монографии и продолжить исследование по изучению научной биографии О.А. Сухаревой по выявлению новых фактов по отношению к ее личности. Также опубликовать отдельную библиографическую работу о трудах О.А. Сухаревой с описанием содержания в форме аннотации в качестве пособия по исследованию научного наследия ученого;

3. На основе собранного О.А. Сухаревой материала о быте таджиков Самарканда и Бухары, создать глоссарий этно-национального и культурного ресурса основных таджикских терминов, отражающих культуру города,

занятия, обряды, традиции, ритуалы, чтобы сохранить традиционные термины и предотвратить их исчезновение под влиянием новых форм языковой инвазии, который наблюдается по отношению к этим терминам. Сохранение этих терминов, анализ их изменений должен быть частью идентификационной политики государства для сохранения баланса национальной языковой культуры;

4. Способствовать созданию фильмов, передач, публикаций, документальных сборников с целью популяризации вклада О.А. Сухаревой в сохранение таджикской национальной идентичности. Собрать историко-этнографический материал, посвященный жизни и деятельности О.А. Сухаревой и на этой базе создать выставку в Национальном музее Республики Таджикистан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ О.А. СУХАРЕВОЙ

1. Сухарева, О.А., Турсунов, Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины: XIX начало XX в. [Текст] / О.А. Сухарева, Н.О. Турсунов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С.10-48.
2. Сухарева, О.А. Бытовые условия жизни народных масс [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.491-510.
3. Сухарева, О.А. В.В. Бартольд о кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города [Текст] / О.А. Сухарева // Бартольдовские чтения. – М., 1974. – С.51-53.
4. Сухарева, О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.3-13.
5. Сухарева, О.А. Города и селения Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.122-137.
6. Сухарева, О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – М., 1954. – Вып.1. – Т.XXI. – С.299-353.
7. Сухарева, О.А. Задачи этнографии в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Социалистическая наука и техника. – Ташкент, 1939. – №5. – С.61-65.
8. Сухарева, О.А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков [Текст] / О.А. Сухарева // Труды АН Таджикской ССР. Памяти М.С. Андреева. – Сталинабад, 1960. – Т.120. – С.195-207.
9. Сухарева, О.А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский

этнографический сборник (Тр. Ин-та этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая). – Л.: Наука, 1971. – Т.97. – С.147-167.

10. Сухарева, О.А. К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв. [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1954. – Т.27. – С.25-40.

11. Сухарева, О.А. К истории костюма населения Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Бюллетень АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1945. – №11-12. – С.38-41.

12. Сухарева, О.А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки [Текст] / О.А. Сухарева // Литература и искусство Узбекистана. – Ташкент, 1937. – Кн.6. – С.119-134.

13. Сухарева, О.А. К истории художественного ремесла, а Узбекистане (производство табакерок) [Текст] / О.А. Сухарева // Сб. МАЭ. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – Т.XIV. – С.119-139.

14. Сухарева, О.А. К исторической типографии Бухары первой половины XVI в. [Текст] / О.А. Сухарева // Изв. АН Тадж ССР. Отделение общественных наук. – Сталинабад, 1954. – Вып.5. – С.153-166.

15. Сухарева, О.А. К исторической топографии Бухары первой половины XVI в. [Текст] / О.А. Сухарева // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – Сталинабад, 1954. – С.153-166.

16. Сухарева, О.А. Мать и ребёнок у таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Иран, III. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С.107-154.

17. Сухарева, О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. – Ташкент, 1928. – Вып.1. – С.73-89.

18. Сухарева, О.А. О культе мусульманских святых в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок). Сб. МАЭ. – М.; -Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т.XIV. – С.119-139.

19. Сухарева, О.А. Бухара XIX - начала XX в. (позднефеодальный город и его население) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.
20. Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане [Текст] / О.А. Сухарева; Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 90 с.
21. Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 142 с.
22. Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 150 с.
23. Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 370 с.
24. Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 365 с.
25. Сухарева, О.А. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Альбом / О.А. Сухарева, Б.Н. Засыпкина, В.Г. Мошков. – М.: ИЗОГИЗ, 1955. – 155 с.
26. Сухарева, О.А. О культе мусульманских святых в Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Труды Института истории и археологии АН УзССР. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. – Вып.2. – С.159-178.
27. Сухарева, О.А. О некоторых элементах суфизма, генетических связанных с шаманством [Текст] / О.А. Сухарева // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.; -Л., 1959. – С.128.
28. Сухарева, О.А. О ткацких ремёслах в Самарканде [Текст] / О.А. Сухарева // История и этнография Средней Азии (Сборник статей). – Душанбе: Дониш, 1981. – С.25-37.
29. Сухарева, О.А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюция

[Текст] / О.А. Сухарева // Костюма народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С.77-103.

30. Сухарева, О.А. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.67-79.

31. Сухарева, О.А. Очерк по истории среднеазиатских городов [Текст] / О.А. Сухарева // История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. – М.: Наука, 1976. – С.132-148.

32. Сухарева, О.А. Очерки по истории среднеазиатских городов [Текст] / О.А. Сухарева // История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. – М.: Наука, 1976. – С.132-148.

33. Сухарева, О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков [Текст] / О.А. Сухарева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С.5-93.

34. Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. – 194 с.

35. Сухарева, О.А. Празднество цветов у равнинных таджиков (конец XIX - начало XX вв.) [Текст] / О.А. Сухарева // Древние обряды, верования и культы, народов Средней Азии. – М.: Наука, 1986. – С.3-46.

36. Сухарева, О.А. Ремесленное производство [Текст] / О.А. Сухарева // История Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – С.174-201.

37. Сухарева, О.А. Рецензия к книге Народная архитектура Самарканда [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1977. – №1. – С.170-171.

38. Сухарева, О.А. Руководство для изучения таджикского языка [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Таджгиз, 1929. – Ч.1. – 140 с.

39. Сухарева, О.А. Руководство для изучения таджикского языка [Текст] / О.А. Сухарева. – Ташкент: Таджгиз, 1930. – Ч.2. – 176 с.

40. Сухарева, О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – М., 1940. – №3. – С.172-176.

41. Сухарева, О.А. Среднеазиатское искусство вышивки [Текст]: О книге Н. Исаевой – Юнусовой «Таджикская вышивка» / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1981. – №3. – С.151-158.

42. Сухарева, О.А. Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. – 312 с.

43. Сухарева, О.А. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX-начало XX в.) [Текст] / О.А. Сухарева // КСИЭ. – М., 1958. – Вып. 30. – С.121-129.

44. Сухарева, О.А. Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии (в порядке дискуссии) [Текст] / О.А. Сухарева // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1978. – С.118-131.

45. Сухарева, О.А. Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX-начала XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1979. – С.203-212.

46. Сухарева, О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. [Текст] / О.А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т.26. – С.101-112.

47. Сухарева, О.А. Участие женщины в товарном производстве тканей и одежды у таджиков в конце XIX - начале XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Ближний и Средний Восток. – М., 1980. – С. 203-212.

48. Сухарева, О.А. Участие женщины в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX начале XX в. [Текст] / О.А. Сухарева // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М.: Нука, 1980. – С.203-112.

49. Сухарева, О.А. Ферганская этнографическая экспедиция [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1954. – №3. – С.111-115.

50. Сухарева, О.А. Художественные ремесла Узбекистана [Текст] / О.А. Сухарева // Звезда Востока. – Ташкент, 1948. – №9.

51. Сухарева, О.А. Этнографическая работа Самаркандского музея [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1949. – №1. – С.198-200.

52. Сухарева, О.А. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии [Текст] / О.А. Сухарева // Советская этнография. – 1955. – №3. – С.30-42.

53. Сухарева, О.А., Бикжанова, М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран [Текст]: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области / О.А. Сухарева. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955 – 238 с.

54. Сухарева, О.А., Мошкова, В.Г. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана [Текст]: Текстиль / О.А. Сухарева, В.Г. Мошкова, А.К. Писарчик, П.А. Гончарова. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1954. – 190 с.

II. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

55. Абрамзон, С.М. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевника (на пример казахов и киргизов) [Текст] / С.М. Абрамзон // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1973. – С.235-249.

56. Абрамзон, С.М. Манапство и религия [Текст] / С.М. Абрамзон // Советская этнография. – 1932. – №2. – С.82-97.

57. Абрамзон, С.М., Кисляков, Н.А. Добыча золота - один из древнейших промыслов горных таджиков [Текст] / С.М. Абрамзон, Н.А. Кисляков // Советская этнография. – 1971. – №2. – С.114-122.

58. Айни, С. Бухарские палачи; Смерть ростовщика. Ятим [Текст] / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 348 с.

59. Айни, С. Смерть ростовщика [Текст] / С. Айни; перевод О. Сухаревой. – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.
60. Аминов, Ф.М. Бухара и русское востоковедение [Текст] / Ф.М. Аминов // Молодой ученый. – 2015. – №22 (102). – С.650-652.
61. Анарбаев, А.А. Урбанистические традиции Ферганы [Текст] / А.А. Анарбаев // Изучение культурного наследия Востока. – СПб., 1999. – С.65-66.
62. Андреев, М.С., Половцов, А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан [Текст] / М.С. Андреев, А.А. Половцов // Сборник Музея по антропологии и этнографии им. Петра Великого при Российской академии наук. – 1911. – Т.IX. – С.4-41.
63. Асанканов, А. Традиционная культура кыргызского этноса и этническая идентичность [Текст] / А. Асанканов // Картина мира Центральной Азии: история и современность. – Алматы, Бишкек, Душанбе, 2021. – С.129-145.
64. Бартольд, В.В. Ислам [Текст] / В.В. Бартольд. – Петроград: Огни, 1918. – 98 с.
65. Бартольд, В.В. О кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города [Текст] / В.В. Бартольд. – Бартольдовские чтения. – М., 1974. – С.51-53.
66. Бобринской, А.А. Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии [Текст] / А.А. Бобринской. – М., 1902. – 24 с.
67. Буряков, Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры ташкентского оазиса [Текст] / Ю.Ф. Буряков. – Ташкент, 1982. – 212 с.
68. Бухара - город искусства [Текст] // Культура. Духовность. Общество. – Новосибирск, 2015. – С.45-49.
69. Валиев, А. Вклад русских исследователей в изучении таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства в начале XX в. [Текст] / А. Валиев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2011. – №6 (42). – С.179-186.

70. Валиев, А. Вопросы материальной культуры таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства в трудах русских дореволюционных исследователей [Текст] / А. Валиев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2014. – №1 (56-2). – С.65-70.

71. Валиев, А. Материальная культура таджиков Зеравшанской и Ферганской долин в трудах русских исследователей конца XIX-XX вв. [Текст] / А. Валиев // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2017. – №3/2. – С.6-11.

72. Валиев, А. Некоторые вопросы ремесленного производства таджиков Ферганской и Зеравшанской долин в трудах русских дореволюционных исследователей [Текст] / А. Валиев // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2012. – №3/4 (90). – С.5-10.

73. Валиев, А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (второй половина XIX - начало XX вв.) [Текст] / А. Валиев; Отв. ред. Х.П. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.

74. Валиев, А. Традиционная культура таджиков Северного Таджикистана в трудах русских ученых 60-х–80-х гг. XIX в. [Текст] / А. Валиев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – №2 (32). – С.178-185.

75. Валиев, А. Этнографическое изучение таджиков в первой половине XIX века [Текст] / А. Валиев; Отв. ред. Х.П. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 80 с.

76. Валиев, А., Мирзоев, М. Некоторые вопросы ремесленного производства населения Средней Азии в трудах О.А. Сухаревой [Текст] / А. Валиев, М. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание

Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2020. – №6 (89). – С.246-249.

77. Валиев, А., Мирзоев, М. Этнографическое изучение народов Центральной Азии накануне и в годы Второй мировой войны [Текст] / А. Валиев, М. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №1 (78). – С.191-194.

78. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя средневековая культура [Текст] / Б.Г. Гафуров. – М.: Наука, 1972. – 657 с.

79. Гафферберг, Э.Г. Форма брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ [Текст] / Э.Г. Гафферберг // Советская этнография. – 1936. – №1. – С.81-106.

80. Гинзбург, В.В. Горные таджики [Текст]: Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза / В.В. Гинзбург. – М.; -Л., 1937. – 476 с.

81. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии [Текст] / под ред. Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1975. – 346 с.

82. Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки [Текст] / Отв. ред. В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1986. – 207 с.

83. Жданко, Т.А., Кармышева, Б.Х. Ольга Александровна Сухарева. Некролог [Текст] / Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева // Советская этнография. – 1983. – №6. – С.159-160.

84. Иомудская-Бурунова, Д.Г. Женщине в старой Туркмении [Текст] / Д.Г. Иомудская-Бурунова. – М.; -Ташкент, 1931. – 15 с.

85. Исаков, А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Раскопки 1977-1983 гг. [Текст] / А.И. Исаков. – Душанбе: Дониш, 1991. – 156 с.

86. Искусство таджикского народа [Текст] / под ред. Б. Искандарова, Н. Нурджанова. – Душанбе: Дониш, 1979. – Вып.4. – 152 с.

87. Исомиддинов, М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда [Текст] / М.Х. Исомиддинов. – Ташкент, 2002. – 255 с.
88. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история [Текст] / под ред. Р. Масова. – Душанбе: Суруш, 1998. – Т.1. – 751 с.
89. История Узбекской ССР [Текст]. – Ташкент: Фан, 1968. – Т.II. – 662 с.
90. К вопросу об изучении населения Таджикистана [Текст] // Проблемы Таджикистан: сборник. – Л., 1934. – Т.II. – С.169-176.
91. Каландаров, Н.А. Две редакции №30 [Текст] / Н.А. Каландаров // Молодёжь и мир мысли (Материалы IV научной конференции молодых ученых Таджикистана). – Худжанд, 2001. – С.212-217 (на тадж. яз.).
92. Каландаров, Н.А. История рукописных текстов повести «Смерть ростовщика» [Текст] / Н.А. Каландаров. – Душанбе, 2003. – 68 с. (на тадж. яз.).
93. Каландаров, Н.А. Эволюция образа Кари-Ишкамбы в рукописи №30 [Текст] / Н.А. Каландаров // Вестник национального университета. – Душанбе, 2002. – №1. – С.119-126 (на тадж. яз.).
94. Кармышева, Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930-1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института [Текст] / Б.Х. Кармышева // Этнографическое обозрение. – 2001. – №4. – С.104-110.
95. Кары-Ниязов, Т.Н., Шишкина, В.А. Наука [Текст] / Т.Н. Кары-Ниязов, В.А. Шишкина // История Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1956. – Т.1. – Кн.2. – С.180-184.
96. Кисляков, Н.А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (по материалам Средней Азии и Казахстана) [Текст] / Н.А. Кисляков // Советская этнография. – 1967. – №5. – С.92-104.
97. Кисляков, Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло [Текст] / Н.А. Кисляков. – М., -Л., 1936. – 185 с.

98. Кондауров, А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев [Текст] / А.Н. Кондауров // Труды Института этнографии АН СССР. – 1940. – Т.III. – Вып.I. – С.17.

99. Кюгельген фон, А. Легитимация Среднеазиатской династии мангитов в провидениях их историков XVIII-XIX вв. [Текст] / А. фон Кюгельген. – Алма-Ата: Дайк-пресс, 2004. – 515 с.

100. Лобачева, Н.П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии [Текст] / Н.П. Лобачева // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1986. – С.6-31.

101. Лобачева, Н.П. К истории сложения института свадебной обрядности (на примере свадебных обычаев и обрядов Средней Азии и Казахстана) [Текст] / Н.П. Лобачева // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – 1978. – С.144-175.

102. Лобачева, Н.П. К истории Среднеазиатского костюма: киргизские белдемчи [Текст] / Н.П. Лобачева // Этнографическое обозрение. – 1997. – №6. – С.70-83.

103. Лобачева, Н.П. Народная одежда как источник по этногенезу. К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.П. Лобачева // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991. – Вып.3. – С.82-95.

104. Лобачева, Н.П. Огни сафара в Хорезме (о забытых праздниках) [Текст] / Н.П. Лобачева // Этнографическое обозрение. – 1995. – №5. – С.24-36.

105. Лобачева, Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона [Текст] / Н.П. Лобачева // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 2001. – С.69-96.

106. Лобачева, Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.П. Лобачева // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975. – С.298-333.

107. Лобачева, Н.П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) [Текст] / Н.П. Лобачева // Советская этнография. – 1981. – №32. – С.36-50.

108. Лобачева, Н.П. Сверстники и семья (к вопросу о древней половозрасной градации общества народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.П. Лобачева // Советская этнография. – 1989. – №5. – С.83-95.

109. Лобачева, Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) [Текст] / Н.П. Лобачева // Костюм народов Средней Азии. – М., 1979. – С.18-48.

110. Лобачева, Н.П. Формирование новой обрядности узбеков [Текст] / Н.П. Лобачева. – М., 1975. – 140 с.

111. Лобачева, Н.П. Что такое свадебный обряд (опыт изучения брачно-свадебной обрядности) [Текст] / Н.П. Лобачева // Этнографическое обозрение. – 1995. – №4. – С.56-64.

112. Логофет, Д.И. В долинах рек Хингоу и Арзынга (Путевые очерки по Восточной Бухаре) [Текст] / Д.И. Логофет // Военный сборник. – 1913. – №2 (3). – С.173.

113. Лунин, Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении [Текст] / Б.В. Лунин. – Ташкент, 1905. – 408 с.

114. Лунин, Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк [Текст] / Б.В. Лунин; От. ред. А.З. Зияев. – Ташкент: Фан, 1979. – 186 с.

115. Мамбетуллаев, М.М. Формирование городов Хорезма [Текст] / М.М. Мамбетуллаев // Генезис и пути развития процессов урбанизации Средней Азии: Тезисы докладов международной конференции. – Самарканд, 1995. – С.76-78.

116. Масов, Р.М. История топорного разделения [Текст] / Р.М. Масов. – Душанбе, 1991. – 192 с.

117. Мирзоев, М.Н. Отражение текстильного производства в работах О.А. Сухаревой // М.Н. Мирзоев // Вестник Таджикского национального университета. – 2020. – №3. – С.67-71 (на тадж. яз.).

118. Народы Средней Азии и Казахстана [Текст]: В 2 томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т.1. – 768 с.

119. Наумова, О.Б. Ольга Александровна Сухарева (К 100-летию со дня рождения) [Текст] / О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. – 2003. – №6. – С.94-114.

120. Наумова, О.Б. Среднеазиатская этнография 1960-1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой [Текст] / О.Б. Наумова // Три века российской этнографии: страницы истории. – М., 2017. – Вып.1. – С.246-278.

121. Негматов, Д.Н., Мирзоев, М.Н. Состояние торговли в Бухарском эмирате в середине XIX веке по материалам А. Бернса [Текст] / Д.Н. Негматов, М.Н. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №5 (82). – С.231-236.

122. Негматов, Д.Н., Мирзоев, М.Н. Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни [Текст] / Д.Н. Негматов, М.Н. Мирзоев // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – Душанбе, 2019. – №5 (82). – С.231-235.

123. Негматов, Н.Н. Государство Саманидов. Хорасан и Мавераннахр в IX-X вв. [Текст] / Н.Н. Негматов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.

124. Негматов, Н.Н. Таджикский феномен [Текст] / Н.Н. Негматов. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – 406 с.

125. Некоторые аспекты жизни и научной деятельности этнографа О.А. Сухаревой [Текст] // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2018. – №4. – С.283-286 (на тадж. яз.).

126. Отношение России и Бухары с точки зрения Логофет [Текст] // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2020. – №3. – С.258-265.
127. Пещериц, А.И., Чебоксаров, Н.Н. Полвека советской этнографии [Текст] / А.И. Пещериц, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – №5. – С.25.
128. Писарчик, А.К. Народная архитектура Самарканда [Текст] / А.К. Писарчик. – Душанбе, 1975. – 141 с.
129. Сайманов, С.С. Из истории города Кунграда [Текст] / С.С. Сайманов // Материалы Второго форума гуманитарных наук «Великая степь». – Астана, 2017. – С.330-335.
130. Сатира в Кокандском ханстве (XIX в.) [Текст] // Исследования по истории культуры народов Востока: сборник. – М.; Л., 1960. – С.171-182.
131. Сафаралиев, Б.С. Из истории духовной культуры таджикского народа [Текст] / Б.С. Сафаралиев. – Челябинск, 2011. – 251 с.
132. Семенов, А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза [Текст] / А.А. Семенов. – М., 1903. – 112 с.
133. Смирнова, Л.О. Датировка Чор манор в Бухаре, Узбекистан [Текст] / Л.О. Смирнова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2020. – №2. – С.176-189.
134. Смирнова, О.И. Очерки из истории Согда [Текст] / О.И. Смирнова. – М.: Наука, 1976. – 290 с.
135. Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – 338 с.
136. Ташматова, Г.Х. Освещение некоторых вопросов ремесленного производства в трудах О.А. Сухаревой [Текст] / Г.Х. Ташматова // Вестник РТСУ. – 2010. – №4 (30). – С.161-166.

137. Толстов, С. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен [Текст] / С. Толстов // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – №9-10. – С.16.

138. Тохтиев, Ш.Р. Краткая История Самаркандских и бухарских ирани [Текст] / Ш.Р. Тахтиев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №33 (287). – Вып.13. – С.124-129.

139. Тошева, Д. Двенадцать ворот Бухары. Как Бухара стала «жемчужиной Востока», а потом потеряла эту роль? [Электронный ресурс]: Интервью / Д. Тошева. – Режим доступа: <https://www.caanetwork.org/archives/8598> (Дата обращения: 20.08.2022)

140. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана [Текст]. – М., 1989. – 254 с.

141. Три века российской этнографии: страницы истории [Текст] / составители А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. – М., 2017. – Вып.1. – 358 с.

142. Троицкая, А.Л. Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.) [Текст] / А.Л. Троицкая // Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963. – С.250-255.

143. Троицкая, А.Л. Женский зикр в старом Ташкенте [Текст] / А.Л. Троицкая // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. – Л., 1928. – Т.7. – С.173-199.

144. Троицкая, А.Л. Abdoltili - арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии [Текст] / А.Л. Троицкая // Советское востоковедение. – Л., 1948. – Вып.5. – С.252-274.

145. Троицкая, А.Л. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в. [Текст] / А.Л. Троицкая // Труды АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – Т.XVII. – С.211-217.

146. Троицкая, А.Л. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане [Текст] / А.Л. Троицкая // Советская этнография. – 1948. – №3. – С.11-12.

147. Троицкая, А.Л. Из отчета о командировке 1936 в национальные районы Среднеазиатских республик [Текст] / А.Л. Троицкая // Советская этнография. – 1937. – №4. – С.137-149.

148. Троицкая, А.Л. К биографии некоторых художников эпохи сефевидов [Текст] / А.Л. Троицкая // Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А.Э. Шимдат. – Ташкент, 1923. – С.134-137.

149. Троицкая, А.Л. Лечение больных изгнанием злых (кучурук) среди оседлого населения Туркестана [Текст] / А.Л. Троицкая // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. – 1925. – №10. – С.145-146.

150. Троицкая, А.Л. Некоторые странные обычаи, обряды и поверья таджиков (долины Верхнего Зеравшана) [Текст] / А.Л. Троицкая // Занятия и быт народов Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сборник. – Л., 1971. – Вып.3. – С.224-254.

151. Троицкая, А.Л. Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в. [Текст] / А.Л. Троицкая // Восточный сборник. – М., 1972. – Вып.3. – С.139.

152. Тураева, Г. Анализ религии и традиций Узбекистана со стороны О.А. Сухаревой [Электронный ресурс] / Г. Тураева. – Режим доступа: https://journal.buxdu.uz/index.php/journals_buxdu/article/view/7305

153. Тураева, Г. Сухарева О.А. – ученый историк-этнограф [Текст] / Г. Тураева // Вестник Института сокровищница наука. – 2019. – С.443-447 (на узб. яз.).

154. Тураева, Г. Этнография народов Средней Азии конца XIX - начала XX веков на примере отечественного востоковедения [Электронный ресурс] / Г. Тураева. – Режим доступа: https://journal.buxdu.uz/index.php/journals_buxdu/article/view/1247/749

155. Тураева, Г., Утаева, Ф., Джумаева, Н. Исследования Бухары со стороны О.А. Сухаревой в историко-этнографическом аспекте [Электронный ресурс] / Г. Тураева, Ф. Утаева, Н. Джумаева. – Режим доступа:

https://journal.buxdu.uz/index.php/journals_buxdu/article/view/1251/753 (на узб. яз.).

156. Хакимов, А. Искусство Узбекистана: история и современность. – Ташкент, 2010. – С.97 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.http/lib.jizpi.uz](http://www.lib.jizpi.uz) (Дата обращения: 20.07.2023).

157. Хакимова, Н.А. Цветовая гамма тканей абра Худжанда XIX-XX веков [Текст] / Н.А. Хакимов // Вестник Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики. – 2014. – №3 (59). – С.198-202.

158. Шишов, А. Таджики [Текст] / А. Шишов. – Ташкент, 1910. – Ч.1. – 324 с.

159. Этнографическое изучение Средней Азии накануне и в годы Второй мировой войны [Текст] // Вестник педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2019. – №1. – С.191-195.

III. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

160. Бабаева, Д.Х. Садриддин Айни и французская литература (к проблеме литературных связей Востока и Запада на современном этапе) [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.05 / Бабаева Дильбар Хабибджановна. – Душанбе, 1996. – 19 с.

161. Бободжанова, Н.И. История развития портновского дела таджиков в XV - первой половине XX вв. [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Бободжанова Назира Иномджановна. – Душанбе, 2015. – 230 с.

162. Валиев, А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX - начало XX вв.) [Текст]: Дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Валиев Абдусалом. – Душанбе, 2016. – 342 с.

163. Горшунова, О.В. Образ жизни современной узбекской женщины: По материалам Ферганской долины [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Горшунова Ольга Вениаминовна. – М., 2000. – 308 с.
164. Джурабаев, Дж.Х. Бухарский эмират во второй половине XVIII - первой половине XIX века [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Джурабаев Джамшед Хабибуллаевич. – Душанбе, 2014. – 45 с.
165. Емельяненко, Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Емельяненко Татьяна Григорьевна. – СПб., 2012. – 51 с.
166. Каландаров, Н.А. Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович. – Душанбе, 2004. – 22 с.
167. Каландарова, О.И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.06 / Каландарова Олия Искандаровна. – Душанбе, 2020. – 180 с.
168. Кобилова, М.П. Традиции и нетрадиционные элементы в исторической одежде таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Кобилова Мастона Пирумшоевна. – Душанбе, 2022. – 171 с.
169. Муродов, О. Пережитки ранних верований таджиков долины Зеравшана [Текст]: Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Муродов Отамурод. – М., 1975. – 24 с.
170. Нагзибекова, Т.Н. Приемы передачи таджикских реалий на русский язык [Текст]: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нагзибекова Тахмина Негматуллоевна. – Душанбе, 2019. – 25 с.
171. Сафарова, З.Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX - начале XX веков на примере городского костюма [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 5.6.1 / Сафарова Зайнура Немоновна. – Душанбе, 2020. – 198 с.
172. Соловьева, О.А. Историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате XIX - начала XX

веков [Текст]: Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Соловьева Оксана Анатольевна. – СПб., 2000. – 237 с.

173. Сухарева, О.А. Пережитки анимизма у равнинных таджиков [Текст]: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Сухарева Ольга Александровна. – Л., 1940. – 140 с.

174. Турсунов, Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие промыслы в конце XIX - начале XX вв.) [Текст]: Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.07 / Турсунов Назиржон Очилович. – Л., 1969. – 24 с.

175. Турсунов, Н.О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII - начале XX вв. [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: 07.00.07 / Турсунов Назиржон Очилович. – М., 1979. – 44 с.

176. Эшов, Б.Ж. История формирования и развития Раннегородской культуры Средней Азии [Текст]: Автореф. дисс... д-ра истор. наук: Эшов Боходир Жураевич. – Ташкент, 2008. – 48 с.

IV. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

177. Blanton, R.E. Regional evolution in the valley of Daxasa [Text] / R.E. Blanton // Journal of Field Archaeology. – 1979. – Vol.6. – PP.4-6.

178. Jumayeva, N.A. The history of agriculture in Bukhara in late XIX - early XX centuries [Text] / N.A. Jumayeva // Received 19thMay 2022, Accepted 25th May 2022, Online 31thMay 2022 International Journal of Intellectual and Cultural Heritage Volume: 2 Issue: 03 | 2022 ISSN: P – 2181-2306, E – 2181-2314 <http://ihm.iscience.uz/index.php/ijich> Режим доступа: 11 июля 2023 года.

179. To'rayeva, G.B. Life and scientific activity of O.A. Sukhareva as historian – ethnographer [Text] / G.B. To'rayeva // International Journal of Intellectual Cultural Heritage. – 2022. – Vol.2. – №3. – P.90.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Указатель квартального разделения города Бухары представленный

Сухаревой О.А.¹

1. Джариб первый – Шайхи Рангрес
2. Шайхи Рангрес – таджикоязычный квартал
3. Халифа Хусейн – таджикоязычный квартал
4. Мухаммад Косим – таджикоязычный квартал
5. Почо ходжа – таджикоязычный квартал
6. Кокила – таджикоязычный квартал
7. Куимургкуш – таджикоязычный квартал
8. Мирзобий или хуллабофон - таджикоязычный квартал
9. Ходжа Булгор – таджикоязычный квартал
10. Алвондж – таджикоязычный квартал
11. Эшони Пир – таджикоязычный квартал
12. Махаллаикухна – евреи
13. Мулло Шамси Мухаммад – таджикоязычный квартал
14. Ходжа Халим – таджикоязычный квартал
15. Чоркорвонсарой – таджикоязычный квартал
16. Мехтаршафезь – евреи
17. Ислом – таджикоязычный квартал
18. Арабон или Сафедмун – арабы таджикоязычные
19. Мир Мапъсуд - таджикоязычный квартал
- Джариб второй – Турки Джанди
20. Кутлук – таджикоязычный квартал
21. Шайхи Шо - таджикоязычный квартал
22. Хонакои Чукмоки - таджикоязычный квартал
23. Мулло Хокирох или Поёни об –понобиён – таджикоязычный квартал

---

¹ Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) [Текст] / О.А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 370 с.

24. Пустиндузон – таджикоязычный квартал
  25. Баракиён – таджикоязычный квартал
  26. Сесун – Сесукитарророхи – таджикоязычный квартал
  27. Оби равон – таджикоязычный квартал
  28. Турки Джанди или таи пушта – таджикоязычный квартал
  29. Ходжа Амонбой – таджикоязычный квартал
  30. Махаллаинав – еврейский
  31. Амиробод – еврейский
  32. Гарибия – таджикоязычный квартал
  33. МахдумиАъзам – таджикоязычный квартал
  34. Гоziён – смешанное таджикоязычное население
  35. Сарахсиён – таджикоязычный квартал
  36. Косагарон – таджикоязычный квартал
  37. Миракон – таджикоязычный квартал
  38. Сохибзада – таджикоязычный квартал
  39. ШайхДжалол - таджикоязычный квартал
- Джариб третий. Джуйбар
40. Хавзинав – за исключением семьи Кушбеги Абдулло остальные таджикоязычные
  41. Урганджиён – таджикоязычный квартал
  42. Пухтабофон – таджикоязычный квартал
  43. Хонакох – таджикоязычный квартал
  44. Писташиканон – таджикоязычный квартал
  45. Шо Малик- таджикоязычный квартал
  46. Чакар – персы
  47. Абдулло Ходжа – персы
  48. Шахри нав – таджикоязычные и персы
  49. Кохи зохид - таджикоязычные и персы
  50. Джаннафарон - таджикоязычные и персы
  51. Дасторбандон - таджикоязычные и персы

52. Джуйизар или Хавзи Бобо Ниёз - таджикоязычные и персы
53. Чармгарон – большинство таджикоязычные и 50 домов ургенджцы говорящие на таджикском (урганджихо)
54. Халифа Худойдод – таджикоязычный квартал
55. Чукукр махала -персы
56. Таи чорбог – Гузаринав – персы
57. Узбак ходжа - таджикоязычные и персы
58. Вакф или Гузариэрониho – персы
59. Хавзи баланд – большинство персов и имелись улица узбеков – Кучаиузбако (улица узбеков) Джариб четвертый – Чашмаи Аюб
60. Ходжа Дорго – таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
61. Надир Кучи - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
62. Ходжа Гунджори – таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
63. Шишахона – таджикоязычные узбеки и персы
64. Сорбонхо – Сорвоно – таджикоязычные бухарцы и персы
65. Кул Мухаммад Ходжа или Хавзичубин – таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
66. Дурман – тюркоязычные узбеки и таджикоязычные узбеки
67. Калмокон – смешанное население тюркоязычных и таджикоязычного населения
68. Окмачит – тюркоязычные жители из числа потомков бывших воинов эмира. Также жили здесь таджикоязычные бухарцы
69. Зиндафил Ахмади Джоми – потомки служителей сипахи эмира – узбеки-тюрки
70. Кабул Ато – жили здесь смешанно ремесленники, нишие и каландары
71. Ахмад дорго – таджики и узбеки
72. Мачитикунджак – таджикоязычные бухарцы и сипахи тюркоязычные
73. Баходур-бий - таджикоязычные бухарцы и сипахи тюркоязычные
74. Ланги араб – большинство тюркоязычных, также живут таджики-ремесленники

74. Квартал Лянги араб («Хромой араб»)
75. Квартал Девалипокса («Глинобитная стена»; вероятно, имелась в виду городская стена, около которой находился этот квартал)
76. Квартал Такия («Убежище», «Общежитие»)
77. Квартал Чашма Аюб («Источник Иова»)
78. Квартал ДарвозайиУглон («У ворот Углон»), или ЧорбакколиДарвозайиУглон («Базарчик у ворот Углон»)
79. Квартал Харротон («Токари»), или ЭшониИмло (имя бухарского «святого»)
80. Квартал Кози Файзи («Судья Файзи»)
81. Квартал Шикастабандон («Костоправы»)
82. Квартал Урусон (урус – название узбекского племени), или Муллоён («Муллы», «Грамотные люди»)
83. Квартал Табибон («Табибы», «Врачи»), или Ходжахо («Ходжи»)
84. Квартал Мирджон – Али (имя собственное)
85. Квартал Усто Рухи (имя ремесленника, усто – «мастер»)
86. Квартал Писташиканон («Разбиватели фисташек»)
87. Квартал Аскар – бий (в просторечии Аскар – би; имя знатного человека)
88. Квартал Ходжа Курбон (имя собственное) - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
89. Квартал Шер – Мухаммад – джувозкан (имя собственное и эпитет – «мастер, выделывающий ступы для маслобоек»)
90. Квартал Назарча (имя собственное в уменьшительной форме), или Ляндахур («имя государя в Индии») - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
91. Квартал Кофар – работ («Караван – сарай торговцев камфарой»)- таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
92. Квартал Хоса – пулод («Особая сталь») - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком

93. Квартал Кози Мир – Хошим («Судья мир – Хашим»), или Согутарошон («Мастера, выделяющие деревянные предметы»)
94. Квартал Мирзо Гафур (имя собственное), или Таи арк («Возле арки») – квартал с юга примыкал к арке)
95. Квартал Мехтар Шохбек (имя сановника) - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
96. Квартал Кош – мадраса («Двойные, или парные, медресе») - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
97. Квартал Мир – Дустум (имя собственное) - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
98. Квартал Ходжа Рофеъ (имя собственное)
99. Квартал МехтарКофилон («Старшина караванов»)
100. Квартал Волида – хони шахид («Мечеть матери убиенного хана»)
101. Квартал Мачити баланд («Высокая мечеть»)
102. Квартал Ходжа Туйгун (имя собственное)
103. Квартал МехтарОриф (Ориф – имя собственное, мехтар – придворный чин)
104. Квартал Пайкан (Пайкенд)
105. Квартал Кыргыз – оим («Госпожа киргизка»), или Чубутон (чююты – узбекское племя) - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
106. Квартал Хаджи Хабибулло (имя собственное), или Хиёбон (улица, протянувшаяся по восточной границе Джуйбара)
107. Квартал Карчигай («Ястреб») - таджики и узбеки, владеющие таджикским языком
108. Квартал Моркуш («Убивающий змей»), или Урдайимаврихо («Ставка, резиденция мервцев»)
109. Квартал Мирджон – кельды (имя собственное), или Хамбоми каппа («Баня хижина»)
110. Квартал Собунгарон («Мыловары») -таджикоязычный
111. Квартал Ахтачи («Конюх») --таджикоязычный

112. Квартал Ходжа Аспгарон («Святой, вокруг которого обводят лошадей» - здесь: название мазара Ходжа Аспгарон)
113. Квартал Абдулло – кушбеги (имя сановника, занимавшего главный административный пост в Бухарском эмирате) -таджикоязычный
114. Квартал МавлоноАсири (имя духовного лица) -таджикоязычный
115. Квартал Мурдашуён («Обмывальщики мертвых»), или Джиляухона («Помещение для уздечек»)
116. Квартал Пустиндузон («Тулупники) -таджикоязычный
117. Квартал Мир – карача (имя собственное) -таджикоязычный
118. Квартал Аррокимисгари («Аррок медников») -таджикоязычный
119. Квартал Надир – Ваис (имя собственное), или Киёу – ходжа («Зять - ходжа») -таджикоязычный
120. Квартал ХазратиХизр («Святой Хизр») -таджикоязычный
121. Квартал Хаузилесак («Хауз, где лижут») -таджикоязычный
122. Квартал Куйихонако («Квартал Хонако») -таджикоязычный
123. Квартал Мусурмон – энага (Мусурмон – мусульманин, здесь имя собственное; энага – придворный чин) -таджикоязычный
124. Квартал Дуст – чурогоси (Дуст – имя, чурогоси – придворный чин)
125. Квартал Равгангарон («Маслоделы»)-таджикоязычный
126. Квартал Мачитибесутун («Мечеть без столбов»)-таджикоязычный
127. Квартал Мухаммад – ёр – атолык (имя знатного лица, бывшего в чине атолыка) -таджикоязычный
128. Квартал Модари хон («Мать хана» - имеется в виду, что мечеть построена на средства матери хана) -таджикоязычный
129. Квартал Лябихаузиарбоб («Набережная хауза старшины») - таджикоязычный
130. Квартал Кукалтош (кукалтош – букв «молочный брат», в Бухаре стало названием одного из высших чинов или, вернее, означало высокое положение при дворе) -таджикоязычный

131. Квартал Ходжа Убони, или Убониho («Ходжи из рода Убони») , или Ходжа гарибон («Святые бесприютные») -таджикоязычный
132. Квартал ЯлангиБокиджон – кушбеги («Пустырь кушбегиБокиджона») -таджикоязычный
133. Квартал Миёнколиён («Мианкальцы», «Переселенцы из Мианкаля») -таджикоязычный
134. Квартал Бобойинонкаш («Дед – разносчик хлеба») -таджикоязычный
135. Квартал Суфиён («Суфии») -таджикоязычный
136. Квартал Заббиён (значение неясно, по форме может быть родовым именем; возможно, от араба Заб – «ящерица» или заб – «держатъ, хвататъ») -таджикоязычный
137. Квартал Чорхарос («Четыре мельницы») -таджикоязычный
138. Квартал Печчокул – хаджи (имя собственное) -таджикоязычный
139. Квартал Куйидарахт («Квартал, обсаженный деревьями») -таджикоязычный
140. Квартал Имом Мухаммад Газоли (имя собственное), или Мирзоджоникассоб (имя мясника), или Бозоринав («Новый рынок»)
141. Квартал Гаукушон («Убивающие крупный рогатый скот»)-таджикоязычный
142. Квартал Гузари Хай (название квартала толкуется как междометие одобрения – хай – хай!) -таджикоязычный
143. Квартал Мирзо Хайдари поён («Нижняя, т е южная, мечеть Хайдара») -таджикоязычный
144. Квартал Сиёкорон («Чернильщики») -таджикоязычный
145. Квартал Магокикурпа («Впадина у (базара) одеял») -таджикоязычный
146. Квартал Амири («Эмирский»), или Кафшиолак («Кожаные калоши») -смешанный
147. Квартал Мирзо – кули (имя собственное) -таджикоязычный
148. Квартал Шарифджон (имя собственное), или Ангиштиё («Угольщики») -таджикоязычный

149. Квартал Сузангарон («Иголочники») -таджикоязычный
150. Квартал Ходжа Зайниддин (имя собственное) -таджикоязычный
151. Квартал Хамбомикунджак («Угловая баня») -таджикоязычный
152. Квартал Сиддикиён («Искренние»; возможно, родовое имя – «потомки Сиддика») -таджикоязычный
153. Квартал Хофиз – кунгрот («Певец из племени кунграт») –узбеки таджикоязычный
154. Квартал Зангулясози («Выделка колокольчиков»), или Сесукиохундикалон («Перекресток старшего ахунда», имеется в виду пересечение трех улиц)
155. Квартал Косим – шайх (имя духовного лица) -таджикоязычный
156. Квартал Калтигиён («Калтийцы», «Переселенцы из Калти») - таджикоязычный
157. Квартал Сарроджон («Шорники»), или Ходжахо («Ходжи») - таджикоязычный
158. Квартал Алокабандон («Позументщики» - мастера по изготовлению тесмы)
159. Квартал Тагбандбофон («Ткачи поясов») -таджикоязычный
160. Квартал Кози – урда («Судья ставки»), или Охунди Мулло Усмон (имя высшего духовного лица)
161. Квартал Азизон («Дорогие», «Любимые» - здесь: название суфийского ордена или эпитет его главы)
162. Квартал Дегреси («Литье котлов») -таджикоязычный
163. Квартал Мавлоно Шариф (имя духовного лица) -таджикоязычный
164. Квартал Бозори гул («Рынок цветов») -таджикоязычный
165. Квартал Забуда (значение неясно) -таджикоязычный
166. Квартал Муйитобон («Вьющиеся волосы» В современном произношении Мохитобон – «Блестящая луна»)
167. Квартал Мулло Шох (имя собственное) - таджикоязычный
168. Квартал Магокиаттори («Впадина москательщиков») -таджикоязычный

169. Квартал Кемухтгарон («Кожевенники, вырабатывающие шагрень»)
170. Квартал Пойиостона («Святой порог») -таджикоязычный
171. Квартал Мир – Иброхим (имя собственное), или Сари бозори Кали Фарход («У базара плешивого Фархада»)
172. Квартал Ходжа – калон («Великий Ходжа» - прозвище джуйбарского ишана Ходжа Саъда, XVI в.).
173. Квартал Мулло Пайрави (имя собственное) -таджикоязычный.
174. Квартал МавлявиМирзоджон (имя духовного лица) -таджикоязычный.
175. Квартал Авлиёйигариб («Святой чужеземец», здесь: имя собственное, ставшее названием мазара).
176. Квартал Чохи занджир («Колодец с цепью») -таджикоязычный.
177. Квартал Тупхона («Помещение для пушек», «арсенал») - таджикоязычный.
178. Квартал Раъд – зада («Убитый молнией») -таджикоязычный.
179. Квартал Ходжа Низомиддини поён («Ходжа Низомиддин (имя собственное) нижний», также «южный»), или Халолхурон («Едящие ритуально чистое» или «честно заработанное»).
180. Квартал Ходжа Низомиддини боло («Ходжа Низомиддин верхний», также «северный») -таджикоязычный.
181. Квартал Арабон («Арабы»), или Таи зиндон («Возле тюрьмы»), или Кучкор – курчи (имя человека в чине курчи) -таджикоязычный.
182. Квартал Мадали – хаджи (имя собственное) -таджикоязычный.
183. Квартал Хаджи Рофё (имя собственное) - таджикоязычный.
184. Квартал Ходжа Гоиб («Скрывшийся святой») - таджикоязычный.
185. Квартал Джон – Кубод (имя собственное, в просторечии – Джон – Кувад), или Джон – Кубодикалон («Большой Джон – Кубод») - таджикоязычный.
186. Квартал Джон – Кубодихурд («Малый Джон – Кубод», Джон – Кубод – имя собственное), или Шур – куль («Солончаковое болото») - таджикоязычный. .

187. Квартал Чоршанби – казок (имя казаха) - смешанное.
188. Квартал Маддохон («Маддахи») - таджикоязычные.
189. Квартал Истемур или Атламиш (имена собственные).
190. Квартал Искандар – хон (имя собственное) - таджикоязычные.
191. Квартал Бозори чуб («Дровяной базар»), или Мири табиб («Знатный врач») - таджикоязычные.
192. Квартал Катаган (катаган – название узбекского племени) - таджикоязычные.
193. Квартал Буйробофон («Плетельщики циновок») - тюркоязычный.
194. Квартал Олим – ходжа (имя собственное) - таджикоязычные.
195. Квартал Зехтоби («Плетение тесьмы»), или Равгангарон («Маслоделы») - таджикоязычные.
196. Квартал ЧорбакколиДарвозайи Самарканд («Базарчик у Самаркандских ворот») - тюркоязычный - таджикоязычные.
197. Квартал Шохи Ахси (прозвище ишана) - смешанный.
198. Квартал Чуббоз («Танцор на ходулях»), или Мирзоджоничуббоз («Танцор на ходулях по имени Мирзоджон») - таджикоязычные.
199. Квартал Корхона («Мастерская») - таджикоязычные.
200. Квартал Мехчагарон («Гвоздари») - таджикоязычные.
201. Квартал Калобод («Построенный плешивыми») - таджикоязычные.
202. Квартал Зомуча (Ходжа Зомуча) («Дыня», здесь: название мазара) - таджикоязычные.
203. Квартал МухаммадиПастак («Мухаммед – коротышка») - таджикоязычные.
204. Квартал Кокилайихурд или Кокилача («Маленькое Кокила»)- таджикоязычные.
205. Квартал Ой – бинок (видимо, женское имя, возможно, от Ой – биби – инок, или Ой – бий – инок) - таджикоязычные.
206. Квартал Ходжа Порсо (имя суфийского шейха) - таджикоязычные.

207. Квартал Фатхулло – кушбеги (имя сановника, при последних эмирах занимавшего положение везира), или Саид – Камол (имя собственное) - таджикоязычные.
208. Квартал Абдулло – кучкор (Абдулло – имя собственное, кучкор – «баран – самец», здесь, вероятно, прозвище) - таджикоязычные.
209. Квартал Садакон («Счастливики» - вероятно, родовое имя) - таджикоязычные.
210. Квартал Песхона («Лепрозорий») - таджикоязычные.
211. Квартал Дилкушойидарун («Дилькушо внутренний», дилькушо – «радующий сердце») - таджикоязычные.
212. Квартал Ходжа Таббанд (в просторечии Таббат – «Излечивающий (букв. «связывающий») лихорадку») - таджикоязычные.
213. Квартал Куча – бог («Садовая улица») - таджикоязычные.
214. Квартал Джафар – ходжа (имя собственное) - таджикоязычные.
215. Квартал МехтарАнбар (имя сановника в должности мехтара).
216. Квартал Имом Кози – хон (имя имама) - таджикоязычные.
217. Квартал Каро – Камол (имя собственное), или Джуйичаппа («Канал с обращенной вспять водой») - таджикоязычные.
218. Квартал Мир – Тахури девон (Мир – Тахур – имя собственное, девон – одна из высших должностей) - таджикоязычные.
219. Квартал Кози Нуриддин (имя судьи – казия) - таджикоязычные.
220. Квартал Муддао («Желаемое») - таджикоязычные.
221. Квартал Мухаммад – пайк (в просторечии Мухаммад – пай – «Мухаммад – посол») - таджикоязычные.